

РАСА БОГОВ

фантастический роман

К звездам полетят другие люди. Они будут чище, лучше нас. Им будет ведомо, как добиться согласия.

Им будет мало знать, как устроена Вселенная, из каких частей она состоит; куда важнее разобраться, как жить во Вселенной счастливо, в полную меру.

* * *

Если эти слова кажутся похожими на сказку, то на сказку прекрасную или ужасную, но, к сожалению, неизбежно вероятную. Никому из нас не избавиться от подобного обнажения. От тебя, читатель, зависит завершить свой путь с верой, которую дарят эти слова, и, не ограничиваясь снятием покровов и насмешливым отрицанием, шагнуть дальше...

Часть I. Рождение расы

Глава 1

Эта рюмка водки была последней в жизни Петьки Шееля.

Через несколько месяцев барон Петер-Алекс Максимилиан фон Шеель, умер от скоротечного рака.

...похоронили его в Дюссельдорфе, в Германии, где в районе Старого города на правом берегу Рейна расположен главный офис небезызвестного благотворительного фонда «Север–Юг», а поминки мы, близкие ему люди, справили на майские праздники в деревне Волковойне, что неподалеку от Калязина, в Тверской области.

Были все свои – мы с Ленкой и нашими детьми, Милоликой и Урганилом, – Крайзе Густав Карлович, он же Василь Василич, старый фавн. Был кот ученый, а также Адльфред-Еско фон Шеель, после смерти старшего брата возглавивший фонд «Север – Юг». К Альфреду также перешел семейный титул фрайгерра – имперского барона, которым род фон Шеелей был удостоен в конце XVI века. Он первым заговорил о том, что старшего брата отравили.

Тогда и рюмку предъявил, оповестив при этом, что именно из этой рюмки Петя в последний раз водки отведал.

Заявление, прямо скажем, спорное, если не надуманное.

...лечился Петр в солидной клинике, в Касселе, смерть была зафиксирована со всеми необходимыми формальностями и авторитетными подписями. Сомнения вызывала разве что скоротечность рака – он сгорел буквально в течение полутора месяцев. Никакими препаратами для омоложения не пользовался, а от трагической случайности никто не застрахован.

Василь Василич взял рюмку, осмотрел ее со всех сторон, заглянул внутрь, понюхал, потом заявил.

– Воистину нормальная рюмка.

Мы с Ленкой, изучив орудие «убийства», пожали плечами.

Альфред возмутился и выразился на подмосковный манер.

– Какие вы, на хрен, хранители, если не способны учуять зло в стекле!

Василь Василич только открыл рот, чтобы возразить, как кот ученый, взвизгнув от надоедливых приставаний Милолики и Урганила, пытавшихся выяснить, кому первому гладить кота, – бросился в незакрытый погреб.

Дети за ним.

Я за детьми.

Ленка за мной.

Однако не успели.

Кот нырнул в лаз, который забыли прикрыть, и я, проклиная все на свете, поспешил за детьми.

Постепенно обрастая волчьей шерстью, с ходу погрузился в инобытие, иначе в «бессонье» или «чернокнижье». Там прозрел, различил будущее – смутно, конечно, не воочию.

Сердце сжалось от дурных предчувствий.

...елки-моталки, просил я у Наталки! Опять в царевичи, опять скачки по Антарктидам, по заповедным местам, по аномальным зонам, опять изучение всех глупостей, которые за восемь лет наплодили всякого рода продвинутые либералы и экстремисты в обнимку с замшелыми консерваторами.

...опять бой не ради славы, ради жизни на Земле.

Когда же кончится, эта беготня?

Жил себе и жил – сочинял романы о прославленных исторических личностях, таких как императоры Золотого века, о Навуходносоре и Семирамиде; о всякого рода знаменитостях – Эрнандо Кортесе, графе Сен-Жермене, Вольфе Месинге; о фантастических (на первый взгляд) путешествиях, пока не вляпался

в историю с пришельцем, помыкавшим земной, якобы «разумной» расой в течение сотен тысяч лет.

...пока не появился здесь в Волковойне и не прошел тест на принадлежность к тем антропам, в геноме которых сохранились самые древние цепочки, наследуемые с заповедных времен.

Таких как я называют хранителями или «*Wächterами*». Случается, кликают *кураторами*, «*киперами*», а то и *вомчдогами* (*watchdogs*).

Магические предметы, сохранившиеся на Земле, – в нашем прямом ведении. Между собой, в сонме, мы называем их артефактами. К ним относятся сами предметы, места, с ними связанные, сопутствующие им легенды. Это множество необъятно, безразмерно. Оно соединяет нас, прямоходящих антропов, называющих себя «людьми», в целостное сообщество или, по-научному, в «планетарный симфониан» – то есть мировую неразрывную сеть, в которой происходит то, что мы именуем «буднями» или «сегодняшним днем».

Правда, в борьбе с Отцом-Облаком я обрел счастье – Елену Прекрасную (псевдоним Земфира), а также двух отпрысков-непосед.

Восемь лет жили спокойно, в согласии друг с другом.

Восемь лет горя не знали...

Какая на планете установилась тишь, какая блажь! Начали затухать вековые конфликты. Заговорили о общепланетарных проектах – орошении Сахары, строительстве моста через Берингов пролив, о всеобщем среднем образовании. Нередки стали факты братания армян с азербайджанцами, турок с греками, китайцев с японцами, русских с украинцами.

Теперь, значит, опять – «подъе-ем! В ружье!» Хватай бластер, напяливай шлем, лазеронепробиваемый жилет?

Натягивай берцы с крылышками?..

* * *

Ученый кот нашел защиту у старухи, все еще живущей со стариком у самого синего моря.

Я мимоходом бросил взгляд на избу – свежие бревна, пропитанные «тикурулой», крыша из металлочерепицы. Василь Васильевич, видно, стройматериал доставал, а жители из соседней деревни, что громоздилась на горбу Чуда-юда Рыбы-кита, подсобили новый сруб поставить. За избой, на самой дальней оконечности Лукоморья, величественный дуб с кроной под самые небеса.

У ног старухи, за которыми спрятался кот, новое корыто – живи не хочу.

Лица и Урик стояли на четвереньках и бесцеремонно пытались выманить кота из-под лавки – «кис-кис-кис». Старуха их венником.

Я присел на лавку.

Старуха грозно попросила.

– Уйми своих разбойников!

Я погрозил детям пальцем. Они успокоились, подошли ближе, тоже втиснулись на лавку – Лика слева, а Урик справа.

Господи, что за имена им Елена придумала! Ладно, Милолика или Лика, все-таки что-то родное, задушевное. Княжна такая была. А кто такой Урганил? Додуматься же надо! Сколько я не спорил – если тебе хочется придумать что-нибудь почуднее, назови его хотя бы Светозавром, Вилетарием, наконец Ангелбаем.

Но Урганил? Это что за зверь?

...ничего ты не понимаешь. Так звали римского полководца, друга императора Клавдия. Он был из древнейшего этрусского рода Урганилов. Если мне приличной родословной не досталось, пусть хотя бы мои дети будут звучать гордо.

Я спорить не стал. И насчет древнего этрусского рода промолчал. С женщинами, тем более с бибрионками, спорить, себе дороже.

...осмелевший кот, выбрался из-под лавки, сел рядом с бабкой и положил голову ей на колени – все-таки родственники, обоих Пушкин сочинил.

В этот момент со стороны деревни подошли староста-татарин с Нехляем. Пожаловались – давненько, мол, не появлялся.

Я начал оправдываться – дел много, роман пишу, вот с этими оболтусами – я обнял детей – хлопот не обреешься.

– Хе-е, – засмеялся Нехляй. – Это разве хлопоты! Это радость. Ты во-о-он туда глянь.

Он указал на аспидной черноты облако, встававшее над морем. Казалось, выползло оно из самых океанских глубин. В зенит карабкалось неторопливо, активно пожирая синеву и ангельской белизны облака.

С той стороны отчетливо доносились громовые раскаты. И цвет тучи мне не понравился – чернота скорее напоминала разлитый битум, чем колыбель молний. По краям, где узорчато клубилась сизая канитель, проскакивали неестественные малиновые тона.

...неужели предчувствия сбудутся?

* * *

Когда я с детьми вернулся в избу, за столом, спорили.

Не ругались, а искали согласие, как его ищут близкие люди. Вот только предмет спора вызвал у меня оторопь – мало того, что дело запахло предвещающим беду облаком, так еще Василь Василич пытался убедить мою супругу, что кроме нее, некому подсобить Серому Волку, застрявшему на какой-то занюханной планете, расположенной в Большом Магеллановом облаке, укротить

удивительный артефакт первой волны цивилизаций, который мы на Земле называем «волшебной лампой Аладдина».

Условно, конечно.

– Этот предмет, – продолжил Василь Василич, – от миллионолетнего безделья буквально сошел с ума. Он себе вот чего вообразил – если заказов нет, почему бы самому чего-нибудь не пожелать. Кто бы спорил, если этот предмет держался бы в рамках приличий.

Я возмутился.

– Вы Ленку в свои дела не впутывайте! У нее семья, дети. Их в школу надо возить. У меня работы выше крыши, а вы что выдумали? Отправляйся-ка, Елена Прекрасная, за тридевять земель в тридесятое царство на какую-то планетку Мауна-Кена и приводи в чувство свихнувшегося исполнителя желаний. Долго думали? А если он ее в качестве платы потребует? Знаю я этих джинов! Те еще...

Я не рискнул при детях выразиться, кем являлись эти джины.

– Ты не прав, Мишаня, – принялся уговаривать меня Василь Василич. – Такой вариант просто-напросто исключен.

– Ага, исключен. У нас на Земле своих проблем хватает. Опять из Гашшарвы беда поползла, черное облако над морем-Окияном встает, а вы о какой-то далекой планетке печетесь? Не выйдет!

Василь Василич руками замахал.

– Там делов-то на пару недель, а Земфира одна-единственная, кто способен преодолеть межзвездную тьму.

– Ты-то как? – обратился я Ленке. – Учти, я решительно против. Пусть справляются своими силами.

– Интересно, – ответила Ленка. – Хотелось бы взглянуть.

– Воистину так! – воскликнул Василь Василич. – Я бы не настаивал, если бы Серый Волк сам справился, но проблема в том, что никто не знает, как подступиться к этому пережившему свой век чудищу, – он ударил кулаком по ладони. – Опишу проблему. Этот субъект сначала, после обнаружения на морском берегу, держался скромно – всякую просьбу исполнял. Ну, если кто-нибудь выпивку закажет или прелюбодеяний каких.

Но со временем разошелся.

Аппетит у него, видите ли, проснулся! Сделаю из Мауны-Кены райское местечко. Что-то вроде Эльдорадо, Белогорья или чудесного острова Аваллон. Одним словом, сотворю из планеты заповедный тренд, называемый Раем.

Ему прекрасно известно, что райское место уже существует. Правда, не в нашей галактике.

...не во Млечном пути.

Как только посланцы из сонма галактических хранителей не пытались его вразумить! Как ни старались поставить на место, джин, засевший в лампе, ни в какую.

Как заставить его заткнуться? Как внушить этому агрегату уважение к законам эволюции, не позволяющим всяким артефактам

нахально вмешиваться в их деятельность с необязательными чудесами? Как внушить простую мысль, что всякому рукотворному предмету следует держаться в рамках своего предназначения и не посягать на промысел творцов?

– Вот пусть у творцов голова и болит, а Ленку оставьте в покое. У нее дел на Земле хватает. Одних этих, – я кивнул в сторону детишек, – одеть, накормить набегаешься! А еще музыкальная школа, футбольная секция, балетный кружок, английский. Впрочем, английский у них уже от зубов отскакивает.

– Умненькие растут? – спросил Альфред.

– Еще какие, – я погладил по головам подошедших ко мне детей. Сначала Лику, потом Урика.

Мальчик просто вылитая мать!

Неожиданно Милолика поинтересовалась.

– Дедушка, а что это за лампа? Та самая, которую багдадский вор нашел на берегу океана?

– Воистину та самая, – подтвердил Густав Карлович. – Правда, эта штукавина более похожа на золотой шар размером с футбольный мяч.

– Как у Стругацких? – перебила его моя жена. – Очень бы хотелось взглянуть.

– Лена! – укорил я ее.

– Но они же помогли нам в трудную минуту! Василь Василич, Серый волк, попечитель. Когда жизнь стала немила, – она кивнул в сторону Урганила, гладившего пушистого, с мудрыми глазами кота, смирившегося со своей участью и необходимостью рассказывать сказки этим нетерпеливым и нахальным оболтусам.

Неожиданно Милолика подошла к Василь Василичу и дернула его за рукав.

– Дедушка, и что – этот шар совсем шизанулся?

– Лика, что за выражения! – возмутилась мать.

Девочка пожала плечами.

– Нормальные выражения. У нас учительница по русскому так двоечников ругает – вы что, говорит, совсем шизанулись! А вы попробуйте впендюрить этому джину такое задание, которое он никогда не сможет исполнить.

Василь Василич вздохнул.

– В том-то и беда, что этот артефакт способен исполнить любое желание, а уж свое тем более. Мощи – то есть информатики! – ему хватает. Во время оно халтурой не занимались. В галактическом синклите даже представить не могут, что могло бы его остановить. Древние технологии первой волны утеряны, а мы пока и близко не продвинулись к созданию таких уникальных вещдоков. Конечно, прежним хозяевам были известны приемы, ограничивающие ее возможности.

– Так я и говорю, – заявила Милолика. – Заставьте его выполнить то, что выполнить нельзя.

Мы все уставились на восьмилетнюю девочку.

Альфред фон Шеель усмехнулся.

– Ты конкретней.

Подошедший Урганил хмыкнул – ну, тупы-ы-е!

– Пусть Золотой шар сходит «туда, не знаю куда», и принесет «то, не знаю что».

Наступила тишина. Наконец, Василь Василич задался вопросом.

– Кто же заставит его загадать такое желание?

Милолика пожала плечами.

– Проще простого. Мама обернется щукой, а Серый волк Емелей. Он и прикажет: «по щучьему велению, по моему хотению, пусть джин, сидящий в лампе, пойдет туда, не знаю куда, и принесет то, не знаю что».

Она обратилась к брату.

– Урка, сказку будешь слушать?

– А то!

Мы молча наблюдали, как дети в сопровождении крупного – я бы сказал, ошарашивающе громадного – кота прошли в другую комнату и вскоре оттуда донеслось волшебное мурлыканье, напоминающее запев, а потом...

«В некотором царстве, в некотором государстве...»

– Ну, вы даете! – выдохнул вновь испеченный барон. – Это что же из них вырастет?

Василь Василич даже подскочил.

– Что вырастет, то и вырастет! А решение воистину верное! Серому Волку обязательно понадобится Елена Прекрасная. Кто, кроме нее, такой соблазнительно мудрой, такой всесокрушающе обаятельной, сможет убедить это чудовище загадать такое странное – я бы уточнил, нелепое, – желание!

Глава 2

Шутки в сторону!

По дороге в Шереметьево, откуда отправлялся личный самолет Альфреда фон Шееля, он так и заявил – шутки в сторону.

Я всю дорогу пытался вразумить его.

– Верить в покушение, это, конечно, хорошо, но где факты? Не на предчувствия же опираться. Если твоя версия реальна, в чем причина конфликта? Как все было организовано? Какие преступные технологии были использованы? Ты же был рядом. Неужели Питер с тобой не поделился?

Альфред осторожно намекнул.

– Может, это проделки Облака?

– Пришелец сидит в своей норе на Кавказе и носа оттуда не высовывает. Если это его проделки, нечисть, живущая в горах – всякие бляго, иньжи, нагучицы,¹ давно бы стукнули. В Лукоморье – по-нашему в «чернокнижье», – вести распространяются быстро.

---

¹ Бляго – букв. «рыжий змей», Иньж – великан. Нагучица (букв. «старуха с железным зубом») – колдунья и людоедка, подобная бабе-яге.

Недавно мы общались с Облаком по мобильнику, и я ничего не учуял. Пенсионер как пенсионер. Я бы сказал, как ветеран многочисленных звездных войн. Пещеру обустроивает.

Меня понесло.

– Удивительное место – эта пещера. Расположена в практически недоступной горной долине. Оказывается, на Кавказе есть еще места, где не ступала нога человека. Попасты туда можно только через барсучью нору. Стоит в той долине высокая каменная башня, а в ней живет девица несравненной красоты...

Альфред засмеялся.

– Сказку после доскажешь. Не надо подбирать мне невесту. Я уж сам как-нибудь. Согласен, Облаком здесь не пахнет. И фактов нет, и технологий, разве что аналогии. Причина конфликта тоже неизвестна.

Впрочем...

Как-то раз Петр обмолвился насчет одного известного миллиардера по фамилии Гиллеспи. Будто тот сует свой нос туда, куда его не просят.

... как, мол, у пришельца с финансами?

... не мог бы инопланетный гость открыть счет в одном из его банков?

... что он мыслит насчет стабильности мировой финансовой системы? Как ее сохранить?

Но все как бы в шутку.

Вопросы туманные, их можно в любую сторону вывернуть. И как природную любознательность, и как нездоровое любопытство. Уточнять брат не стал, только обмолвился, что подозрительная настырность одного из самых влиятельных магнатов на Земле, заставляет задуматься.

– Кто такой Гиллеспи?

Альфред удивленно посмотрел на меня.

– Ты не знаешь, кто такой Джеффри Энтони Гиллеспи? – он неожиданно засмеялся. – Я тоже. Слышал, что он создатель инвесткомпаний и хеджевого фонда, заработавший на этом миллиарды. Знаю, что благотворитель, член клуба миллиардеров-филантропов, жертвующих на благотворительность более половины своих состояний.

...да-да, есть такой клуб. Его члены вкладываются в основном в здравоохранение и разработку эффективных систем управления. Что-то вроде ИИ¹. Мир постоянно меняется, надо же им как-то управлять.

Также он создатель и руководитель института собственного имени – Gillespie Institute, изучающего фундаментальные политические и культурные проблемы быстро меняющегося

---

¹ Искусственный интеллект

человечества. Закодированы ли эти перемены, а если да, то кем? Если это случайный процесс, как объяснить вектор «от простого к сложному»?

...к сожалению, эти анкетные данные не проясняют его роль в Мирконе¹. Кстати, знаешь, как причастные к этому клубу избранных называют этот совет?

– Нет.

– Мировой Олимп, а себя «олимпийцами». Иногда – «гуру». Каково!

...слышал, что влияние Гиллеспи велико, но не настолько, чтобы заводить с Петром разговоры на такие темы, ведь по умолчанию Облако как бы не существует и отношения с ним регулируются исключительно джентльменскими соглашениями. Слышал также, что Гиллеспи возглавляет на Олимпе партию ультралибералов, во многом не согласную с общепринятой тенденцией на изоляцию Облака и недопущении его к нашим скорбным делам.

* * *

До самого поворота на Шереметьево Альфред-Еско помалкивал, давая мне возможность переварить информацию. С Мирконом я был знаком шапочно, связь с ним поддерживал Питер фон Шеель.

Альфред в сердцах ударил руками по баранке.

– Казалось, вопрос с Облаком закрыт окончательно. Все делают вид, что знать ничего не знают, тем более что всю ответственность взвалили на наш фонд «Север – Юг» и связанные с ним организации, а также на сообщества свихнувшихся на посещениях инопланетян маргиналов, вплоть до самых завиральных мистиков, якобы охраняющих нашу планету, ее самобытность и целостность от посягательств космических монстров.

После паузы продолжил.

– Свою позицию Олимп, то есть Миркон, сформулировал следующим образом – если вам охота сочинять небывлицы о посещениях нашей планеты инопланетянами, мы не против. На эту тему фантазируйте сколько угодно. Кому из здравомыслящих, обладающих солидным финансовым капиталом граждан придет в

---

¹ Миркон (сокр. «Мировой контур») – негласная сетевая структура, которая пытается управлять нашей планетой. У нее есть и другие названия: Мировое правительство, Центроверх, Главфинком или Фининтерн – по созвучию с Коминтерном. Встречаются также «Генеральный секретариат», или «космополис».

В эту сеть включены правительственные и неправительственные организации, а также некоторые комиссии, тайные общества и ордена. Исполнительные структуры верхушки «планетарного полиса» – это многоуровневая глобальная сеть, собранная из автономных узлов, работающих, как правило, под каким-нибудь официальным прикрытием. На низовом уровне управление вообще носит бесструктурный характер, благодаря чему объект управления просто не замечает, что им управляют

голову посягать на свободу свихнувшихся умов, занятых поисками Атлантиды, НЛО, параллельных миров, сказочных персонажей – всякого рода драконов, ведьм, призраков, Кощеев Бессмертных и волшебных колец, тем более сохранением всей этой чепухи во всепланетном масштабе.

...Петр объяснил, Гиллеспи такого рода фантастикой никогда не увлекался. И вдруг на последнем мартовском заседании правления фонда, во время банкета миллиардер обратился к брату.

...Петр признался, что не смог скрыть изумления, когда старик предложил ему уединиться, а когда уединились, напрямую спросил – может, хватит Облаку отдыхать? Не пора ли взяться за дело?

Питер, справившись с изумлением, поинтересовался – что уважаемый господин Гиллеспи имеет в виду?

Гиллеспи отделался общими словами, а в конце благожелательно, но не без намека, добавил – конечно, никто на статус инопланетного гостя не посягает, однако...

Брат ответил, что попробует отыскать экспертов, которые помогли бы господину Гиллеспи связаться с Облаком, но это дело простое.

Уважаемый господин разыграл удивление – что здесь сложного?

...вот тут и приоткрылось свиное рыло вопроса, очень насторожившее Петьку. Насторожившее до ощущения смертельной опасности, неотвратимости беды. Помнишь, как у Гоголя – только хлопцы приступили к разделыванию жареного поросенка, а он возьми и хрюкни. Еще глаза открыл, зараза! Хлопцы с перепугу бросились вон из шинка.

Мишаня! Петр никогда не упоминал о тебе, о Василь Василиче, о хранителях, а Гиллеспи о вас знает. Даже об Очагове и твоей Ленке!

Окончательно добил Петра настойчивый интерес этого уважаемого господина к организации связи попечительского совета хранителей, негласно решающего все спорные вопросы с пребыванием вундербота на Земле. Как, мол, вы решаете возникающие проблемы, в том числе и юридические?

Петр ответил, что пока никаких проблем – в том числе и юридических – с «инопланетянином» не возникало.

Я пожал плечами.

– Было бы странно, если бы член Миркона, да еще и «олимпиаец», не знал. У них не только кошельки туго набиты, но и мозги тоже. Они далеко не простачки, у них есть реальные возможности выявить всю цепочку, начиная от Петра к Крайзе и от него к нам с Ленкой, вплоть до чужака-неоргана – то есть до интересующего их объекта.

– В том-то и дело! Зачем им эта фантастическая цепочка? Зачем твои вахтеры? Зачем свихнувшиеся – я не о тебе говорю! – кастодиане?¹

Сидели-сидели, в подробности не лезли, а тут вдруг спохватились!

Альфред помолчал, потом добавил.

– Гиллеспи не дурак. По большому счету не дурак. Он в глобальной элите считается экспертом по всякого рода идеологиям, предрассудкам, якобы случайно возникающим духовным веяниям, вплоть до новоязыческих культов и их влиянию на население. Сейчас, когда появились качественно новые средства воздействия на людей, принуждению их к покорности, на чем настаивает группа его единомышленников, – для них это вопрос жизни и смерти.

Петр попытался успокоить Гиллеспи – мол, это несерьезно и глобально неинтересно. Мало ли, кто на чем сходит с ума! Отношения с инопланетным гостем не имеют никакого отношения к борьбе за владение природными богатствами, извлечению из них доходов и справедливому распределению благ на Земле. Петр ему на твой роман указал. Намекнул, что все с этого приворота началось. Пусть Гиллеспи сам рассудит, стоит ли тратить внимание на этот вымысел?

Тот – ну-ка, ну-ка!

Роман перевели на английский, но чтобы опубликовать, ты, Мишаня, даже не мечтай.

Надеешься на прочтении?

Зря.

Кому это надо?

Лучше бы ты писал комиксы. О том, например, как некие космодесантники берут на бордаж космические корабли размером с маленькую планету, потом мечутся по коридорам и сражаются на шпагах. Вот такие д'артаньяны!

А ты что пишешь? Зачем будишь мысль, предупреждаешь, что мы утратили ощущение нужности людям, упоминаешь о светлом будущем, о согласии?

Я лично считаю, что ты заглянул в корень. Действительно, в чем проблема сегодняшнего дня?

В том, что всем предложили выйти из толпы. В результате образовалась толпа испуганных идиотов.

---

¹ Полулегальная общественная организация, сообщество антропов-приверженцев древних реликвий, в том числе и современных. Верхний, видимый на поверхности общественной жизни пласт тех, кто причисляет себя к хранителям. Основа структуры – люди, сохранившие генные цепочки, присущие шаманам-провидцам, колдунам, сибирским ойунам, индейским вуду и всякого рода природным спиритуалистам. Их также называют кураторами, а также «зналами», «симфами», «эпистатиками», «Wächterами».

Если мы не нужны друг другу, нас нет. Если мы неинтересны друг другу, нас тоже нет. Вот и пытаемся всякими лайками привлечь к себе внимание.

Эта беда несоизмерима со всякими другими планетарными катаклизмами. Мы как-то незаметно сжились с отчаянием. У меня складывается ощущение, что кое-кто на Олимпе очень умело использует эту заразную болезнь. Они из кожи лезут, стараясь, чтобы каждый из нас сжился с безнадежностью и, спасаясь от нее, истерически развлекался бессмыслицей – авиакатастрофами, котами, случаями из жизни «и так бывает». Чтобы постоянно пребывал в тревоге и даже не помышлял разорвать замкнутый круг и выбраться на волю.

Я перебил его.

– Ты имеешь в виду – к свету? К *согласию*?

– Именно так! Только в этом случае у олимпийцев появляется шанс не только выжить, но и сохранить власть! Не деньги, а власть!

Его монолог ошарашил меня.

...признаться, я сам жил с неотступным, крайне болезненным ощущением своей ненужности окружающим. Приступы этой заразы доконали меня.

Но я помалкивал...

Смирился с тем, что эта хворь касается только меня. Согласие искал в своем узком семейном кругу.

– Если говорить о конкретике, о причинах, по которым олимпийцы именно сейчас вышли на Петра – продолжил Альфред, – я бы связал их интерес к БНО¹ с отказом Китая дать обязательства сохранения нынешней финансовой системы. В том состоянии, в котором находится доллар, его падение неизбежно. И не просто падение, а катастрофическое обрушение.

Их представители рыщут по всем векторам, пытаясь отыскать более-менее приемлемый рецепт, чтобы отдалить, если уж не избежать, будущего апокалипсиса.

Может, поэтому, Мишаня, эти... из Колумбийского университета, Чатэм хауса, Ренд корпорейшн,² так настойчиво заинтересовались пришельцем.

---

¹ Бесформенная наблюдательная оболочка – так между собой «эксперты» называли инопланетное Облако

² Интеллектуальные центры глобального олигархата. **Chatham House** (Королевский институт международных отношений) – расположенный в Лондоне британский аналитический центр в области международных отношений. Его разработки часто служат источником экспертных мнений для прессы по главным вопросам международных отношений. **RAND** – американская некоммерческая организация. Выполняет функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, их вооружённых сил и связанных с ними организаций, разрабатывает новые методы анализа стратегических проблем и новых стратегических концепций.

Сидели, помалкивали, держались в сторонке, а тут на тебе – всполошились!..

Эксперт за экспертом, корреспондент за корреспондентом обращаются в наш фонд и ко мне лично с соболезнованиями по поводу скоропостижной кончины брата. Они называют его «великим гражданином»! Заводят душеспитательные разговоры, что разделяют мое горе, что собирались наградить Петра особым призом, но не успели. Теперь надо бы исправить ошибку. Предлагают мне обучение в Академии лидерства в Лондоне, прельщают перспективами карьерного роста.

При этом между делом, но постоянно соскальзывают на вопрос – не смогло бы Облако поспособствовать земной расе преодолеть кризис?

Я пытался выяснить, причем здесь Облако и смерть брата, а они долбят одно и то же. Как нам связаться с инопланетянином? Один проговорился – проблема, дескать, в том, что в преддверии грядущих финансовых катаклизмов существует настоятельная необходимость в новой стабилизирующей глобальную экономику валюте. Не мог бы инопланетный гость с помощью мягкой силы принудить китайцев к такому решению мировых финансовых проблем, которое устроило мировой олигархат.

Кулуарно китайцам уже задавали этот вопрос, а они, исходя из своей азиатской философии, не говорят ни «да», ни «нет».

Потом от взаимных упреков и давления на различные компании перешли к прямым обвинениям, начавшиеся с провокационного заявления Джорджа Сороса на всемирном экономическом форуме в Давосе. Там этот известный провокатор в довольно грубой форме и без каких-либо доказательств обвинил Китай в угрозе всей экономической системе мира, которая проявляется в подготовке искусственного обвала фондового рынка.

Сорос прямо в лицо заявил Си Цзиньпину, что в текущем росте ВВП Китая и его активном давлении на Apple и прочие корпорации США он обнаружил попытку экономического «переворота», угрожающего новым кризисом, сравнимым с 2008 годом.

Это, дескать, можно видеть невооруженным глазом.

Он даже назвал цену потерь американской стороны в этом экономическом конфликте – что-то около 251 миллиардов долларов. Это только на первых порах.

При таком «пренебрежении финансовыми интересами», при постоянно растущем госдолге США отказ Китая взять на себя ответственность за сохранение мировой валютной системы, вполне может обрушить доллар, а за ним и всю мировую экономику.

Конечно, за подобным наглым наскоком многие увидели не опасение за судьбу мира, а лишь желание на политическом уровне подавить его китайских конкурентов по развитию сетей 5G.

Сорос вообще подлейший провокатор, свихнувшийся на собственной гениальности, но его выступление явно демонстрирует,

что олимпийцы готовы на все, что сохранить свои «финансовые интересы».

...как шарманку завели! Миркону, мол, жизненно важно сохранить стабильность глобальной финансовой сети и ее межгосударственных, видимых публике айсбергов – таких, как ООН, МВФ, ВТО, МБР, сохраняющих нынешние диспропорции во владении мировыми финансовыми ресурсами. И на возможно более длительный срок.

Я пожал плечами.

– Наш-то пришелец здесь причем? Пусть китайцы и Сорос между собой разбираются. Согласно договору инопланетная БНО, или иначе SOS (shapeless observational shell), ни на чьем иждивении не находится, ни в каких советах директоров не состоит, счетами в банках не располагает и обзаводиться ими не намерена. Главным условием предоставления Облаку статуса «гостя Земли» являлась устная договоренность, что планетарный скаут VII класса, по воле случая оказавшийся на нашей планете, ни под каким видом не будет вмешиваться в наши дела.

С Китаем тоже все понятно – кому охота в случае неизбежного катастрофического обесценивания доллара вытаскивать мировую экономику из бездны. На это никаких юаней не хватит.

– А вот Ротшильдам, Рокфеллерам, Барухам Гиллеспи, Палмерам это непонятно. У меня сложилось впечатление, что они как бы вообще пребывают в ином измерении.

Они в шоке!

Они не могут поверить, что на планете Земля нашлось государство, которое посмело проигнорировать их «совет».

Ладно, Китай, его просто так не нагнешь, но самое страшное, что на планете нашелся человек по имени Петр, который позволил себе отказать «сильным мира сего» в такой «малюсенькой», «гюманистической» просьбе помочь связаться с инопланетянином. Такого своеволия они никогда не простят. Вот тебе и причина покушения. Чтобы другим неповадно было!

После паузы он с нарастающим пафосом продолжил.

– Уверен, им на пришельца наплевать. Они всех вокруг себя считают средством, а не партнерами. Отсюда и отчуждение. Потом они и юань кинут и возьмутся за рубль.

Я пожал плечами.

– Ради этого покушаться на Питера? Где корыстные интересы сильных мира сего и где Петр? Он-то чем смог бы повлиять на китайцев, тем более на Облако?

– А если они считают, что смог бы? Если им втемяшилось в голову, что обращение к пришельцу – единственное средство. Или эту мысль им втемяшили «прозорливые» эксперты, «авторитетные» политологи и «продвинутые аналитики» из разведывательных

органов и научно-исследовательских центров типа Колумбийского университета, Чатэм хауса или Ренд корпорейшн.

Послушай, Мишаня, я ваши комсомольские убеждения не разделяю, но отец и брат убедили меня, что социальная справедливость не пустой звук. Они наглядно доказали, что дальнейший раскол нашей расы на «богатых» и «бедных» грозит катастрофой. На примерах доказали!

* * *

Когда мы свернули к зданию аэропорта, он продолжил.

– ...а я еще пожить хочу, чего и тебе желаю, потому что в Чатэм хаусе и Колумбийском университете сидят далеко не безграмотные люди. Они наверняка пристально изучили твой цикл романов насчет «суперóв», которые то с германским фашизмом борются, то с межзвездным пришельцем. Фантастика фантастикой, но когда вдруг обнаружилось, что твои выдумки реальны, они и до тебя доберутся, поэтому я на твоём месте не возражал бы против отсылки Ленки куда-нибудь подальше. К черту на кулички, например... Или «туда, не знаю куда».

После паузы добавил.

– Может, Ленке лучше покинуть Землю вместе с детьми?

Сердце у меня дрогнуло.

– Ты это брось! Дети здесь причем?

Невысказанный ужас заставил меня прикусить язык.

Я поежился. Бездумно пытаюсь спрятаться за здравый смысл, возразил.

– Слишком рискованная игра. Им Облако нужно, а не мои дети. Кроме того Миркону позарез необходимо сохранить все втайне. Они привыкли действовать из-за угла – сначала деньги предложат, потом пугать начнут. Разве что с ума сошли. Похищение детей всколыхнет все заветное *инобытие*, все подпольное чернокнижье.

– Мое дело предупредить, а ты уж сам решаешь, – ответил Альфред.

– Пойми меня правильно, наш фонд взаимодействует с мозговыми центрами глобальной элиты, с институтом Гиллеспи в том числе, но наша миссия никогда не выходила за рамки поддержания негласной, строжайше законспирированной связи между сильными мира сего и правительством Советского Союза, а потом и Российской Федерации. Мы почтовый сервер, передающий эсэмэски и наша главная забота сохранить все в тайне.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Не строй из себя простачка! Не ты ли в своих романах привязал Петра к невыполнимой миссии стать безымянным героем эпохи. Спасителем, так сказать, человечества.

Опять пауза.

– ... не смог бы ты по своим магическим каналам получить какие-либо более достоверные сведения о внезапно проснувшемся

интересе Гиллеспи к Облаку. Неужели у вас ведуньи перевелись или чудища все до одного повымерли? Насколько мне известно, на Кавказе, например, жил легендарный народ нартов и что – от них никого не осталось?

– Ничего такого не было, – признался я. – И быть не могло. Хранители и шаманы с чернокнижниками финансами не занимаются, межнациональные корпорации не основывают. Если и действуют в этих кругах, то только на семейном поприще. Призраки в замках, сатанисты всякие, типа Кроули, домовые, круги на полях. Иной раз промелькнут как НЛО, но стоит их только попросить дать интервью, сразу в кусты.

– А Лох-Несское чудовище?

Я вздохнул.

– О-о-х, – вздохнул я, – до чего же вы, свихнувшиеся на наукообразии антропы, наивны. Ты еще о Бермудском треугольнике спроси. Знаешь, когда о Лох-Несском монстре услышали в первый раз? В 1932 году.

...все началось с некоей мисс Макдональд, которая утверждала, что видела на отмели неизвестное науке существо. Весной следующего года местная газета впервые опубликовала подробный рассказ о наблюдении доисторического монстра супружеской четой Маккей.

Обращаю твое внимание, что «второй очевидец» – мистер Джон Маккей – был владельцем отеля в Инвернесе. Это поселок рядом с Лох-Несским озером.

Как потом оказалось, Джон Маккей вошел в сговор с владельцами местных отелей и прочих заведений. С целью привлечения туристов они решили использовать древнюю легенду. По этой причине в местных газетах как раз и были опубликованы «свидетельства очевидцев» и фотографии, якобы подтверждающие существование доисторического монстра и даже изготавливались его муляжи.

Озеро Лох-Несс часто представляют как пустынное и находящееся где-то в глуши место. В действительности оно является частью Каледонского канала с достаточно интенсивным судоходством. Трудно предположить, чтобы в таких условиях в течение нескольких десятков лет не удалось получить хотя бы четкой фотографии животного, если бы оно реально существовало. И несмотря на это, легенда о доисторическом чудовище уже около восьмидесяти лет активно обсуждается в СМИ и пропагандируется местным туристическим бизнесом.

Ведущиеся практически непрерывно в течение десятков лет исследования на озере, не дали никаких конкретных результатов. Территория, где располагается озеро Лох-Несс, как и вся Шотландия, в ходе последних оледенений покрывалась сплошным, толщиной в сотни метров ледяным щитом. Науке не известны крупные животные, способные выжить в таких условиях.

Сторонники реальности «Несси» ссылаются на старинные легенды, согласно которым на дне озера существует сеть пещер и тоннелей, которые позволяют монстру уплыть в море и возвращаться обратно. Однако проведенные исследования дна и берегов свидетельствуют о том, что существование подобных тоннелей маловероятно. Ранние упоминания о существовании ничем не подтверждены. Существуют – и их немало – жития святых, в которых содержатся упоминания об изгнанных или усмирённых ими фантастических чудищах.

О них и вспомнили, когда городская легенда о «Несси» уже сформировалась.

...таких ПИАР-компаний англосаксы наштамповали бесчисленное количество, а вы все рты от изумления раскрываете. Теперь даже в Европейской России что ни озеро, то аномальное! В одном дракон живет, в другом кикимора болотная – якобы «жена лешего», а в Карелии нашли водоем, в который упало НЛО. С тех пор там завелись инопланетяне. Их летательный аппарат время от времени появляется над озером и нарушает телефонную связь с районным центром, а жители местной деревни уговаривают «энлэошников» восстановить провода, а то «скорую» не вызовешь.

К сожалению, приходится и эти сказки оберегать, потому как они уже давно вышли за границы делового предприятия и стали мифами, и поклонники неразгаданных тайн толпами сходят от них с ума. Их тоже надо поддерживать.

– Да, трудная у тебя работа, – посочувствовал Альфред Еско фон Шеель.

Я так и не понял, шутит ли он или говорит всерьез.

Некоторое время я помалкивал, потом признался.

– Другое меня беспокоит. До меня дошли слухи, будто кто-то настойчиво будоражит СМИ с целью реабилитировать Серегу Очагова. Якобы хватит несчастному бибриону мучиться в ледяном плену! Пора, мол, вспомнить о правах человека. Пусть оживет и послужит делу процветания и прогресса.

Я не удивлюсь, если они мировую ПИАР-компанию организуют. Сначала запустят роман, как это было с «Кодом да Винчи», потом фильм или сериал, затем обсуждение на уровне экспертов. Это намечающееся и кем-то усердно проталкиваемое вторжение на заповедную территорию очень меня пугает. Ты бы выяснил, из какого волшебного озера полезла эта муть?

* * *

Уже дома, уложив детей спать, я пересказал Ленке разговор с Альфредом-Еско.

Она неожиданно заплакала.

Плакала до утра, со мной слезами не поделилась, только с рассветом призналась, что надеялась – может, ее наконец-то оставят в покое, а теперь, выходит, опять в поход.

...становись шукой, надевай доспехи, превращайся в лягуш... то есть Земфиру!

* * *

Утром мы пошли в ЗАГС расписываться.

Свадебное застолье, оно же проводы, были недолгими. Присутствовали только свои.

За полночь мы добрались до условленного места. Лена вышла в чисто поле, свистнула богатырским посвистом. Примчался Быстролетный, он же Угол дома¹. Моя доморощенная Сивка-бурка вещая каурка, совершающая межзвездные рейсы по окружающему Землю межзвездному пространству, скрылась в люке и уже там, в недрах койса, обернулась шукой, примерила космическую каску, поправила прическу, чтобы челка была на штрих-код похожа – и была такова.

Глава 3

Я впал в ступор, когда в середине мая после прощания с Ленкой, Милолика и Урганил не вернулись из школы.

Продержался до вечера, потом отправился в школу. Вахтер разъяснил, что уроки закончились в полдень, по расписанию, и к девяти вечера в «нашем учебном заведении» уже никого нет и быть не может. Позвонил родителям соучеников, с которыми дружили Лика и Урганил. Те, поспрашивав детей, подтвердили, что после школы дети собирались домой.

Вернувшись, связался с Волковойней. Василь Василич посоветовал обратиться в полицию а также позвонить Мачавариани, нашему общему знакомому.

После визита в районный отдел МВД, где мне посоветовали «не пороть горячку», я совсем скис.

Дежурный за стеклом решил поддержать меня.

– Не волнуйтесь так. Время еще есть.

Я опешил.

– Скоро полночь!

– В случае неявки завтра напишете заявление. Мы работаем с девяти утра. Рассмотрим, примем меры, а вы пока соберите материалы. Фото, в чем одеты, обзвоните родственников и т.д.

– Что «т.д.»?

– Приметы. Восстановите предшествующие события. Когда был последний звонок по мобильнику?

---

¹ Персонаж предыдущих романов «В рабстве у бога» и «Супертрое против супертайны», межзвездный разведчик Ди.

Записав, какие данные требуются, я вышел на улицу. Даже тогда я еще не отошел от оцепенелого, замедленного хода рассуждений, сводившегося к булькающему в голове вопросу – где же дети?

Почему не позвонили?

Ситуация прояснилась, когда, вернувшись домой, я решил послать эсмэску на эту чертову Мауну-Кену. Я был просто обязан сообщить матери о странном исчезновении Лики и Урика.

Включил процессор, монитор. Когда вышел на рабочий стол, в компьютере что-то щелкнуло и в квартире погас свет.

Пока я возился с пробками, мысли отвердели окончательно. Компьютеры ни с того ни с сего не ломаются, следовательно, случилось страшное.

Я попытался взять себя в руки.

Что же делать?

Выйти на Мауну-Кену с ноутбука я не мог.

Вспомнил о Мачавариани.

– Анзор! – обратился я к отставнику спецслужб. – Помнишь, я по твоей просьбе согласился поехать в Волковойню на встречу с Крайзе.

– Конечно, дорогой! Что случилось?

– Пропали дети.

– Какие дети?

– Мои. Милолика и Урганил.

– Не понял? – удивился Анзор.

– Не вернулись из школы. Я обзвонил родителей – те тоже в недоумении. Все утверждают, что Лика с братом направились домой, но до дома не дошли. Обратился в полицию. Те посоветовали «не пороть горячку», и в случае неявки «собрать информацию» и прийти завтра с заявлением.

Я не порю горячку!

Я попытался связаться с Леной – вырубился компьютер! Это вообще не поддается объяснению. Чтобы вот так, запросто, полетел жесткий диск? Ты не мог бы по своим каналам подтолкнуть полицию проявить активность?

– Они были обязаны сразу принять заявление. Ладно, трудно, но сделаю. Для тебя, дорогой, обязательно сделаю. Ты Крайзе о пропаже сообщил?

– Сейчас еще раз свяжусь.

Однако поговорить с Василь Василичем мне так и не удалось – его мобильник оказался «выключенным» или находился «вне зоны доступности сети».

...сразу после двенадцати во входную дверь позвонили.

Я бросился в прихожую – наконец-то!

Заглянул в глазок и обомлел. На площадке топтался Клепков-Поплавский, главный редактор издательства, с которым я когда-то сотрудничал.

...этого с какого... принесло?

Первый вопрос, которым озадачил меня Жоржевич, когда я распахнул дверь, – «еще не спишь?»

...как говорится, неожиданный гость.

Но это полбеды.

Сквозь кажущуюся обыденность происшествия, бытовую мелочевку и внутренние уговоры – все наладится, все объяснится, – неожиданно-негаданно свалившаяся мне на голову беда, после появления Жоржевича приобрела неопровержимо-четкое очертание ужасающей реальности.

Я со студенческих лет был знаком с Клепковым.

Его призвание – быть вестником несчастья.

Одно время мы были даже близки, но в лихие девяностые, когда мне пришлось перебиваться переводами, я никогда не мог быть уверен, что, закончив работу, «дружище» купит рукопись.

От Клепкова можно было ждать чего угодно, но того, какая кутерьма начнется из-за чужого романа, который однажды предложил мне переписать Жоржевич, да так, чтобы все положительное, за что ратовал автор, превратилось во все отрицательное, – даже я, знавший Анатолия как облупленного, предположить не мог. Он свел меня с Сергеем Очаговым, недоделанным бибрионом¹.

Принудить Клепкова к исполнению преступного замысла ничего не стоило. Он обладал неподражаемой способностью поступать помимо своих убеждений.

Вот и на этот раз меня словно ударили под дых, и я отчетливо осознал, что поздно ждать беды.

Беда случилась.

* * *

Он прошел в комнату – обувь как всегда не снял.

Я с места в карьер.

– С чем явился?

Я был уверен – гость имел прямое отношение в случившемся, так что распускать сопли, жаловаться на судьбу, взывать о сострадании было бессмысленно.

---

¹ Бибрион – искусственное создание, клон с заранее заданными свойствами. Очагов был воспроизведен из собственной плоти, сохранившейся после межзвездного скачка – см. роман «В рабстве у бога». К сожалению, ко всем его психофизическим сверхсовершенствам изготовившая его иноземная раса поспешила вложить в него хотя бы минимум нравственных качеств.

Годы жизни с Ленкой многому научили меня, и хотя детальное, стенографически точное чтение чужих мыслей все еще оставалось для меня заветной мечтой, – общий настрой, направленность скрытых и подлых расчетов собеседника я улавливал четко.

– Тяжело с тобой, – вздохнул Жоржевич. – Вечно впутываешься в какие-то нелепые приключения, а мне выкручивайся. Жил бы себе да жил.

– Ближе к делу.

– Ты пойми, – неожиданно начал оправдываться Клепков, – я сам не в восторге от порученной миссии, хотя меня заверили, что никаких страшилок, принуждений и прочих насилий в предлагаемом выборе нет. Ужасики исключаются. Ха-ха, исключаются! – он грустно рассмеялся, потом неожиданно и не без некоторого энтузиазма добавил. – Я к тебе насчет сгинувшего Очагова...

– А то ты не знаешь, где он?

– Ей-богу не знаю! – страстно поклялся Жоржевич. – У меня своих дел выше крыши, чтобы еще Очаговым интересоваться. Тот еще жук, ты же знаешь? Сам с ним встречался. Вот ты точно знаешь, где его прячут.

– Знаю. И не скажу.

– И не надо! – всплеснул руками Клепков. – Мне все равно. Меня попросили передать тебе деловое предложение – кое-кто настаивает, что пора восстановить справедливость и врубить гуманизм. Никто не говорит о всепрощении, но не пора ли на практике применить человеколюбие даже к такому чуждому отродью как Серега Очагов.

Он встал и принялся расхаживать по комнате.

– Собственно, так ли велика его вина? Ну, поддался гордыне, ну, вбил себе в башку стать властелином мира! Что же его за это всю жизнь гноить в ледяном плену?

– А говоришь не знаешь, где Очагов, – усмехнулся я.

– Это так, к слову пришлось, – заверил Жоржевич. – Я, собственно...

Я перебил.

– А ты, Толик, заматерел. Научился выражаться красиво. Самый долбаный демагог позавидует.

– А что мне остается! – воскликнул Жоржевич. – У меня дело, несколько десятков душ, которым я должен платить зарплату, отчисления в пенсионный фонд делать, и при этом сохранить тягу к добру. Как иначе издавать хорошие книги и отказывать всякого рода графоманам.

Ладно бы только графоманам!

Знал бы ты, сколько мерзавцев тащат в издательство совершенно недопустимые в реальной жизни опусы. Тут один приволок нетленку. Называется – «Как взорвать родную школу»! Я ему говорю – это же подсудное дело и вообще... Зачем родную школу взрывать, а он мне – это моя гражданская позиция. Не могу молчать, когда ставят двойки и за всякую пустяковину третируют.

Я поинтересовался.

– И что, будешь издавать?

– Куда денешься, – вздохнул Жоржевич. – У него серьезные спонсоры. Послушай, если мы с тобой договоримся и вместе закрутим кампанию по реабилитации Очагова, у нас появятся такие деньги, что мы любому злопыхателю рот заткнем. У этого тренда такие спонсоры, любого конкурента перешибут.

Я испытал некоторое замешательство. Надежда на то, что Клепков появился у меня в связи с пропажей детей, таяла на глазах. Зачем же он тогда явился? Разве об этом нельзя поговорить по телефону? Или в его кабинете?

Смутила также стыковка во времени. У меня реально оформилось ощущение, что дело вовсе не Очагове, а в спонсорах, и визит Анатолия Жоржевича всего лишь артподготовка, отвлекающий маневр.

– Ты конкретней. Что предлагаешь?

– Даю заказ написать роман, можно и фантастический. Что-то вроде «Кода да Винчи». Гонорар сногшибательный. Спонсоры берут на себя раскрутку. Развитие проекта – сначала фильм, потом сериал и дискуссия. Твоя задача на дискуссиях держаться молодцом. А то я тебя знаю – в самый напряженный момент сдрейфишь, начнешь оправдываться – мол, ты здесь ни при чем, это, дескать, твоя фантазия, ИМХО, – он засмеялся. – Будут круглые столы, так что ты уж держи данное слово.

– Я никакого слова не давал, – и тут же спросил в лоб. – Где дети?

– Какие дети? – изумился. – Я ничего не знаю.

Мне в голову с напором шибануло – знает, гад! Но правды от него все равно не добьешься.

Эта мысль помогла успокоиться, хотя как можно в таких условиях успокоиться? Пока не приходилось. В любом случае лезть на рожон смысла нет. Начинается большая игра. Главное, взять себя в руки, унять ужас.

На том и расстались.

* * *

Пока Клепков спускался по лестнице, мне позвонил Мачавариани.

– Привет Михаил. Это я, Анзор. Мы проследили звонок к Клепкову. Он у тебя?

– Только что вышел.

– Вызов пришел с частного самолета, который только что вылетел из Шереметьево. Куда держит курс, пока сообщить не могу. Борт принадлежит Джеффри Гиллеспи.

* * *

Разговаривая по мобильнику, я следил в окно, как Жоржевич вышел из подъезда, направился к машине. Я подозревал, что одним визитом дело не ограничится.

Так и есть... Как только Клепков отъехал, раздалась мелодия вызова.

...ответил не сразу – дал отыграть мелодию несколько раз.

– Алло.

– Здравствуйте.

– Где мои дети?

Голос хмыкнул.

– А вы шустрый малый. Приятно иметь дело с сообразительным человеком, но ко мне вопросов быть не надо. А за детей не беспокойтесь. Они в надежном месте. С ними обращаются достойно, они ни в чем не будут знать нужду.

– Странно слышать в устах похитителя такие слова как «достойно», «не будут знать нужды». Даже в школьных занятиях? В общении с родителями?

– Ой, Миша, не гоните волну! Зачем переводить дело на пошлую драчку. Как вы относитесь к предложению знакомого книгоиздателя?

– Отрицательно. Кажется, еще Высоцкий сказал, вор должен сидеть в тюрьме, тем более, такой как Очагов. Ледяная тюрьма для него самое лучшее место.

– Решили до конца держать фасон? Так мы не договоримся, тем более, что я имею вам кое-что сказать. У нас есть ценное предложение. Правда, не совсем обычное, но очень выгодное.

– Какое предложение?

– Мы хотим просить вас о встрече с инопланетным чудиком.

– Кого это вас?

– Меня и моих коллег. Пока рано говорить о конкретике, однако решение вопроса не терпит отлагательств.

– Угрожаете? Неужели у вас поднимется рука на беззащитных детей?

– Ко мне вопросов быть не надо.

– Но почему вы обратились именно ко мне? Как я могу связать вас с интересующим объектом, если он, только услышав, что ему придется встретиться с кем-то из непосвященных прямоходящих аборигенов, тут же отключится. В его статусе прописано – ни при каких условиях не вмешиваться в земные дела. Ни при каких, слышите!

– Я предусмотрел такую возможность и надеюсь, вы приложите все силы убедить его сделать исключение.

– Вы не знаете гостя. Сотни тысяч лет он не делал исключений, а теперь сделает? С какой стати!

– Вот вы и договоритесь о встрече.

...договориться о встрече? Это мысль. Это даст оттяжку во времени, а за этот срок можно что-то придумать.

– Почему я должен вам доверять? Я выполню ваше условие, а затем получу своих детей в разобранном виде. Или вообще не получу.

– Вы плохо обо мне думаете.

Я промолчал. Постарался молчать подольше и, только сделав долгую паузу, якобы взвесив все за и против, ответил.

– Как еще я должен воспринимать уголовного преступника, покусившегося на малолетних детей.

На том конце трубки долго молчали. Наконец прорезался голос.

– Вам нужны гарантии?

– Да.

– Вы будете иметь связь со своими детьми. Не ежедневно, но, скажем, два раза в неделю. Если им что-то потребуется, они доложат вам, а вы нам, и мы вместе исправим положение.

– Этого мало. Я должен точно знать, сколько вы собираетесь удерживать пленников.

– Это зависит от результатов миссии к Облаку.

– Хорошо. Теперь я хочу поговорить с детьми.

Первой трубку взяла Милолика. Голос у нее был испуганный, но держалась она храбро. Сообщила, что их везут куда-то на самолете, однако окна закрыты шторками. Урик тоже пообещал быть мужественным и не болтать лишнего.

Странная фраза. Однако она подсказал мне, что детишки что-то сообразили. В любом случае они вели себя достойно. Ни Милолика, ни Урик не плакали, ни звали на помощь.

Я знаю свою девочку. Она была моей любимицей. Добросовестная, вдумчивая, всегда старалась добраться до сути. Почему это так, а это вот так?.. Правда, без капризов иногда у нее не получалось, но эти претензии к Ленке.

... после короткой паузы вновь раздался голос похитителя.

– Итак, что вы решили?

Я решил вступить в бой.

Сердцем почувял – или сейчас или никогда!

Даже блефуя, собеседник, особенно такой беспардонный, непробиваемо уверенный в себе, как этот, должен быть уверен, что все козыри у него в руках. Сбить его с толку, хотя бы на мгновение, уже удача.

Я предупредил.

– Вы не знаете, во что ввязались. Вы лично – не ваш хозяин и заказчик, а вы. Полагаю, похмелье будет мучительным.

– Об этом поговорите с моим хозяином.

– Значит, хозяин все-таки существует?

– В этом деле у меня ничего личного.

– Вы полагаете, что и у меня в этом деле ничего личного? Странное утверждение, если не сказать недальновидное. Вы ввязались в космическую историю, и полагаете, что мы ни на что не способны? Уверен, ваш хозяин вполне в курсе дела, потому и ушел в тень.

– У вас нет ни единого шанса.

«...точно из американцев. Все измеряет в шансах».

Я решил нанести ответный удар.

– Значит, хозяин все-таки существует?

Он хмыкнул и не ответил.

Я, стараясь не выдать радости, небрежно заметил, что с его стороны серьезный промах выдать своего хозяина. Это почти предательство.

– Ой, не делайте мне нервы, Миша! Эта реальность не соответствует действительности.

– Ну, как же! Разве не вы упомянули Джеффри Гиллеспи. Знаете, чем вам грозит разглашение конфиденциальных сведений?

– Кто вы такой и что вы можете? Вы даже не знаете, с кем говорите.

– А вот это ваша вторая промашка. Если я узнаю, с кем говорю, вам о-очень не поздоровится

На другом конце отключили мобильник.

* * *

Ну, по номеру тебя Анзор быстро вычислит.

Глава 4

Несколько дней я обивал пороги всех доступных мне правоохранительных инстанций. В полиции встретили неохотно. В качестве исходной версии заподозрили меня в исчезновении детей. Даже отважились навестить и небрежно, но дотошно провели что-то вроде обыска.

...явились вдвоем, прошлись по комнатам.

Оперов особенно насторожил факт отсутствия супруги. Я объяснил, что она в командировке – где, уточнять не стал – и что я уже послал ей сообщение. Она вернется как только сможет.

Подобное объяснение вконец раззадорило следователя.

Я бы сказал, прибавили ему уверенности.

Он уже напрямую, не скрывая смысл вопросов, начал интересоваться, где, когда и при «каких обстоятельствах» я в последний раз виделся с детьми.

По ходу разговора его интерес к моей особе все возрастал.

Сначала я наивно попытался вразумить его. Смешно рассматривать меня как потенциального похитителя, устроившего расправу не только с детьми, но и с женой.

Он засмеялся.

В конце разговора он со вздохом сожаления признался, что дело «выглядит крайне запутанным». Расследование потребует много времени. Он сослался на необходимость собрать дополнительные материалы, «неопровержимые улики», и куда эти улики выведут следствие, он сейчас сказать не может.

Прощаясь, он предложил заглянуть через месяц и развел руками.

Этот жест окончательно прояснил ситуацию. Мне до полной ясности стали очевидны его словесные выкрутасы, вопросы на засыпку, обвинения и угрозы, которые он использовал.

Напоследок он посоветовал забрать заявление.

Итак, они решили любой ценой спихнуть это дело куда подальше.

Я отказался.

Опер еще раз развел руками.

Только благодаря усилиям Анзора Мачавариани дело сдвинулось с мертвой точки.

Не стоило сбрасывать со счетов и Василь Василича – ветерана спецслужб, с сорок третьего по сорок пятый год работавшего в немецком тылу по линии НКВД под своей настоящей фамилией – Густав Крайзе.

Полковники они всегда полковники. Бывших полковников не бывает, так что связи у Василь Василича были обширные, вплоть до кремлевских упырей и домовых, которых с его подачи служба охраны президента зачислила в штат. Они тщательно следили за тем, чтобы ни одна ведьма или кикимора не осмелилась проникнуть в запретную зону, тем более летать над ней.

Да еще на помеле!

* * *

Информация, которую собрал Анзор, выглядела неутешительно.

Милолику и Урганила спрятали в США. Там, в окрестностях города Брукинга, который находится на востоке штата Южная Дакота, к западу от 29 interstate трассы (см. карту в интернете), располагалось поместье Джеффри Гиллеспи.

Это был самый таинственный миллиардер на свете. Деньги он сколотил в сфере телекоммуникации и сельскохозяйственного бизнеса. Помощь голодающим африканцам оказалась очень прибыльным делом. При этом его имя редко появлялось в средствах массовой информации, интервью он не давал, в публичных благотворительных кампаниях не участвовал.

Сведения о нем и его частной жизни были крайне скудными. Отец его был ирландцем, приехавшим в Штаты из Корка, самого

загадочного города на юге острова. Кое-кто утверждал, что старый Томас не уехал, а сбежал оттуда, чтобы не попасть в руки полиции. В этом не было ничего удивительного. В Корке даже воздух был пропитан самой разнообразной нечистью – от злобных ведьм-банши до фейри-лепреконов, охранявших клады, спрятанные в озерах.

Мать – из семьи русских эмигрантов первой волны – может, поэтому Джеффри вполне сносно владел русским языком.

Несколько лет назад в семье миллиардера произошел трагический случай. Когда его единственному внуку, которого в честь деда тоже назвали Томасом, исполнилось пять лет, его родители погибли на федеральном шоссе в Южной Дакоте неподалеку от поселка Волга. Бронированный автомобиль на повороте врезался в скалу, разбился вмятку, спасти уже было некого.

Насчет ранчо в Южной Дакоте, находящейся в собственности семьи Гиллеспи, было известно что поместье непомерно обширное и, что немаловажно, охранялось так, что пробраться туда не было никакой возможности.

– ...что вообще-то очень странно, – помолчав, добавил Анзор. – На ранчо у Гиллеспи никогда не бывает приемов, вечеринок, всякого рода развлечений, какими миллиардеры заполняют свой досуг. Местность никак не располагает к отдыху. Летом жарко, растительность как в африканской саване – одним словом, прерии.

Встретились мы на нейтральной территории, в парке Снова, подмосковного городка, куда Мачавариани не поленился приехать на машине. Я был готов встретиться в Москве, но Анзор до смерти боялся быть засвеченным и по привычке избегал всяких людных мест и особенно квартир.

– Брукингс, – объяснил он, – университетский центр штата Южная Дакота. Кампус находится в северной части города, где он, что характерно, граничит с поместьем Гиллеспи. Насчет системы охраны я тебя уже просветил?

Я кивнул.

– Охрана надежна и на современном уровне, вплоть до малозаметных препятствий. Об электронике и человеческом факторе я уже не говорю. Это исключает использование нелегальных, полуофициальных и официальных каналов для проникновения на территорию. Только по приглашению, да и его приходится месяцами ждать.

Это я к тому, что с таким тощим юридическим обоснованием, которым мы обладаем, к Гиллеспи не подступиться, так что подключаешь свою армию вампиров и прочих змеев горынычей

Совет хорош, только вряд ли исполним.

...я эту братию знаю.

...лежебоки и приживалы.

... как коты и домовые.

Сдвинешь их с места!

Волей-неволей придется обращаться к Облаку.

У меня как гаранта выполнения договоренностей, обеспечивавших пребывание инопланетного гостя на планете Земля, – имелась секретная линия связи с вундерботом, однако беда в том, что Необоримый Монументал, как называл себя инопланетный гость,¹ сам решал – ответить на вызов или нет, так что, набирая код, я не был уверен, что дождусь ответа.

Вот такой капризный инопланетянин, прибывший на Землю из второго спирального рукава нашего Млечного Пути, достался нам, землянам. Мы на что рассчитывали – явится высший гуманоид, осененный неистребимой потребностью поделиться с младшими братьями основами галактических знаний и азами высшей морали. К тому же этот планетарный скаут VII класса по званию не выше фельдфебеля или прапорщика, оказался таким необоримым буквоедом и крючкотвором, что только держись! Отстраненность и неучастие он считал единственно возможным поведением во взаимоотношениях «представителя сверхразвитой цивилизации» с местными двуногими приматами.

На эту тему мы с ним в ту пору, когда неписанный договор, закрепляющий его статус на Земле, только составлялся, немного поскандалили.

...когда он с нескрываемой гордостью провозгласил себя «представителем...», дернуло же меня за язык вернуть – «с того света».

Согласен, шутка неудачная, а назвать себя «Первым после Бога»? С другой стороны кое-кто из булгаковских рыцарей тоже позволял себе подобные вольности.

Что же, из-за такого пустяка прервать переговоры!

Его возмущению не было предела. Он заявил, что мы, прямоходящие антропы представляем собой что-то вроде «недоделанных мухнорылов». О чем с нами разговаривать, если мы ни во что не ставим кодекс чести, признанный в нашей галактике. И вообще, по какому праву вы, ошметки разума и отстойники с понтами, позволяете себе издеваться над «святостью исполнения долга» и «неудержимой верностью присяге».

Спор вышел горячий.

Я настаивал, что определение «с того света» никакое не оскорбление, а констатация факта, ведь его повелители-архонты давным-давно ушли к судьбе, так что обвинять меня в издевательской дерзости по меньшей мере глупо.

---

¹ Вундербот не гнушался и более грозных определений – Мегатеррион, Элементал Семнадцатый, Психопомп, Отец-Облако и еще более десятка подобных кликух. Особенно мне понравилось, когда он поименовал себя «Первым после Бога». Мне пришлось осадить его – не кощунствуй, удачи не будет!

Впрочем, капризный вундербот скоро сообразил, что без договора ему не обойтись. Рано или поздно – скорее рано, чем поздно, – он станет объектом пристального внимания галактических попечителей, так что необходимость принять приглашение на танец согласия являлась условием его выживания. Ввязываться в нелепую перебранку с местным диким сапиенсом, словоблудом и демагогом, значило закрыть двери в будущее.

С того яростного спора я придерживался правила, что с пришельцем лучше не шутить.

Себе дороже. Не дай Бог спугнешь.

Лучше говорить ясно, коротко и придерживаться его терминологии. С такими придурками не шутят, тем более с вмонтированным в него прогностическим блоком – точнее, цепями, ответственными за штатный набор эмоций и формирование вектора выживания в сложной, вероятностной обстановке.

* * *

Понятна радость, которую я испытал, когда этот замшелый служака ответил.

Я попросил о встрече.

Комментируя ситуацию с похищением детей, я признался.

– Это серьезный удар для меня. Надеюсь на твою помощь. Может, тебе удастся прояснить их судьбу?

...на экране моего мобильного сформировалось что-то, напоминающее чуждое лицо, обрамленное густой бородой и свисающими ниже бороды усами.

Семнадцатый хмыкнул в трубку.

– Все в дикость не наиграетесь? Может, они кому-нибудь на завтрак понадобились? Или на торжественные жертвоприношения?

Обида волнами погнала кровь по моему телу. Я едва сдержался. Стараясь не выдать напряжения, который перехватил мое горло, с трудом перевел разговор на другую тему.

– Разве исходные «ди» – ну, биологические организмы – не обзаводились потомством? Как же они эволюционировали?

Инопланетный хам ответил не сразу. Возможно, прикинул, что дети не повод для скандального выяснения отношений.

А может, устыдился?

– Ну-у, боги на то и боги, чтобы плодиться и размножаться. Тут вот в чем загвоздка... Имей в виду, эти сведения разглашению не подлежат, на них, как у вас говорят, гриф ДСП, так что только между нами. Я, да будет тебе известно, принадлежал к элите космофлота, допуск у меня был. Это я о чем?

– Насчет «плодиться и размножаться».

– Ага. Уже в мое время выяснилось, что чем больше органоны – мы так называли архонтов между собой – плодились, тем меньше размножались.

– Как это? – удивился я.

– Ну, вы, антропы, ту-упы-ые! Как только я вам поддался!

– С помощью божьей силы.

– Да, боги-и-и... Они такие. Им палец в рот не клади. Особенно архонтам. Эти вообще плодились яростно, зря время не теряли, а население сокращалось.

– Рождаемость падала? – уточнил я.

Разговор уже всерьез заинтересовал меня. Чуждая цивилизация, как бы выглянула из-под покрывала тайны и подмигнула. В ней начали угадываться черты обыденной – не символической! – жизни, близкой нам.

– Что там у них падало, не знаю, а только все производственные процессы, в том числе и трудности с деторождаемостью, все больше и больше преодолевалось с помощью нашего брата.

– А вы бунтовать не пробовали?

– Ты что, рехнулся?! Зачем? Чтобы все заботы начальства, их трудности и конфликты свалились нам на голову? У них – у архонтов, то есть – все было устроено не подкопаешься. Блюда долг, выполняй обязанности – честь тебе и хвала. Жди повышения в классе, оформления способности перемещаться в открытом космосе.

– В межзвездном? В тайцзи?¹

– Я и говорю – в открытом! Ну, в распахнутом... В первообъеме.

– Как Быстролетный?

Вундербот вспылал.

– Этого слюнявого койса еще в проекте не было, когда я планеты одним взглядом обшаривал. Знал я таких – они и в оппозиционеры подались, чтобы карьеру сделать. «Быстролетный», ишь ты! Попробовал бы он распластаться в невидимку и бдеть.

Я попробовал успокоить закипевшего вундербота.

– Он распластывался. Служил верно, на борту родного звездолёта не скучал. Послушай, Махатма, тебе, наверное, тоже хотелось получить в награду возможность свободно перемещаться в первообъеме?

– На хрена? Я в планетарном поиске собаку вашу съел, зачем мне мчаться от звезды до звезды. Доставят на пост – и бди себе на здоровье. Мне много не надо, а вот о детишках иной раз задумывался. Знаешь, как это бывает – придет к тебе этакий карапуз. Сам кругленький, ножки-опоры качаются, антенны стучаются друг об друга, пищит, недотрога, а ты его натаскиваешь. Ты своих натаскивал?

– Не рви душу! – не выдержал я. – Они у меня такие хорошие, их не надо натаскивать, до всего доходили своим умом. А ты о жертвоприношениях! Явится, как ты выражаешься, такой карапуз и

---

¹ Тайцзи, Тайкун, Тайди – первооснова, первообъем (не космос), существовавшая до разделения мира на *инь* и *ян*.

спросит, ты хоть стой хоть падай. Как-то наблюдал за Ликой. Кот спину выгнул, а она ему с укором – «...сколько раз тебе повторять, следи за своей спиной. А ты и усом не моргнешь! Какая у тебя осанка вырабатывается!» А то Урик из детского сада матерное словцо припрет. Приходилось отучать.

– Лупил?

– Зачем? Шлепал! Они у меня хорошие. Урик только обижался, что его сверстники Уркой обзывают.

– А Милолика?

– Эту обзовешь! Она сама кого хочешь обзовет, потом не помиришься.

– Ладно, детей воровать – это чересчур. Помогу. Только ты на мое вмешательство не рассчитывай. Проследить – прослежу, в случае чего звякну, но встречать не буду, а то этот ваш Быстролетный хозяину накапает и меня под белы ручки да в темницу. На какую-нибудь до смерти загаженную прогрессом планету.

Уже положив трубку, вспомнилось, какими эпитетами Монументал припечатывал нас, местных аборигенов – и «недоделанными мухнорылами», и «лушпайками двуногими» – и словно с разбегу в стенку уперся. Пришелец Станислава Лема почитывает? Литературой интересуется?

Странно!

Я перевел дух.

Я уже знал ответ. Если он интересуется литературой, значит, в его отношении к землянам произошел перелом. Крутой или нет – не знаю!

Для чего ему это надо? Спрашивать нельзя, но факт налицо. Может, он что-то задумал? Может, что-то утаивает? А кто из нас, антропов прямоходящих, что-то не утаивает? Если так, значит, у него в наличии третья сигнальная система?

Этот вывод – недоказанный, предположительный, фантастический, – резко сдвинул мои представление о загостившемся на планете пришельце.

И вообще, о пришельцах.

А ну-ка проверим его на Гоголе.

Я еще раз нажал кнопку вызова.

Он ответил.

ОТВЕТИЛ!

– Что еще?

– Послушай, а Вий нам не мог бы помочь?

– Хрен он тебе поможет! Он сам еле ноги передвигает, его свита водит. Как ты его к такому могучему деньгократу как Гиллеспи подошлешь? Есть у него на ранчо домохозяйка, зовут Розабелла де

Менсия. Ее, правда, все называют Стервоза де Менсия. Так она всю чистую-нечистую силу отвадила.

Ладно, приезжай. Лешака с собой захвати.

Глава 5

В путь мы отправились в начале июня.

Всю дорогу, начиная с ожидания рейса в Домодедово, я прикидывал, чем нам может грозить пристальное внимание служаки-вундербота к земному творчеству.

Или «земляному»? А может, к «земельному»?

По какой причине на пенсии он вдруг заделался книгочеем? Не фанатом Интернета, в котором можно найти все, что угодно, а приверженцем словесных художественных выдумок.

Литература как художественное познание мира угасало на глазах, причем во всемирном масштабе, уступая место постмодерновой выпендренной зауми, шаблонному детективному чтиву, развлекательной беллетристике «для дам», а также описаниям случайных происшествий и надуманных историй по принципу «и так бывает», которые в надежде на лайки в бесчисленном количестве появляются в сети. Их столько, этих «случаев из жизни», что невольно закрадывалось сомнение – все ли в порядке у авторов с головой? Такой расклад означал – если раньше писали на заборах и в туалетах, теперь всю эту «литературу» выкладывают в Интернете.

...кстати, если вы обратили внимание, теперь, на заборах не *пишут*, а *рисуют* всякую похабщину.

Ну, просто, как дети!

...до сих пор я не замечал у незваного инопланетного *приходимца* интереса к духовным исканиям местной разумной фауны.

Он был гостем прескверным, с причудами. Ранее ничем иным, кроме космических шуток-прибауток – таких, как испытание на прочность корабля атлантов, утопление «Марии Целесты», издевательское обращение с антропами, которым не повезло родиться с именем Хью Уильямс,¹ – свалившееся нам на голову ультрасущество не интересовалось, а тут вдруг увлеклось сочинениями и художественными вымыслами *homo ferus* (человек дикий).

...его нейронные цепи, отличающиеся извращенным любопытством, развлекались заманиванием несчастных аборигенов на НЛО и прочие, сформированные из облачной взвеси симулякры. Ему было в радость награждать психическими фобиями сотни и тысячи людей; а то смеха ради подбрасывать загадочные артефакты вроде отпечатков обуви, найденных в древних угольных слоях, или что-нибудь вроде рукописи Войнича.

---

¹ См. предыдущий роман «Супертрое против супертайны»

Правда, у нас, землян, и своих чудачков хватало – например люди-магниты, притягивавшие к себе всякие железяки; люди-огнеметы, способные поджечь дыханием любой, поднесенный ко рту предмет. Наконец, всякого рода экстрасенсы и прорицатели – такие как гадатель Спуріна, предупредивший Юлия Цезаря о покушении, небезызвестный граф Сен-Жермен, американец Эдгар Кейси, знаменитая Ванга.

Тот же Вольф Месинг!

Их были сотни, если не тысячи, и на мою долю также выпало охранять их и их пророчества, как самый ценный человеческий архив.

Но Облако, величающее себя Отцом?

Я мог понять – не принять, нет! – его потребность во всякого рода подлых развлечениях. Попробуй проведи сотни тысяч лет на обитаемом острове, где, кроме мелких двуногих зверушек, занимающихся убийствами и поеданиями себе подобных, ничего стоящего не случалось. Но интерес к Станиславу Лему, Гоголю и по аналогии – сердце подсказало! – к другим, осененным жаждой творчества *homo sapiens*сам, пытавшимся привить сородичам разумное, доброе, вечное, меняло всю парадигму восприятия Облаком духовной составляющей существующих рядом представителей разумных варварских племен.

Эта догадка подсластила мое несчастье неким привкусом надежды. Сокрушенный горем, я исподволь убеждал себя – «слова, слова, слова» не пустые звуки, а *руководство к действию* не только для *homo sapiens*ов, но, как оказалось, и для странного, заплутавшего в дебрях времени «чужаки»-вундербота.

На встречу мы вылетели вдвоем с Василь Василичем, и весь полет до Нальчика я пытался разобраться с устройством механических мыслей и побуждений пришельца. Вывод напрашивался однозначный – подобный интерес мог родиться только из практических соображений.

Еще бы угадать, в чем состояло эти «практические соображения»! В чем фишка?

Впрочем, для первого раза было вполне достаточно его согласия помочь мне.

* * *

В Нальчике нас ждали.

У меня на Кавказе много друзей. Когда я работал в одном из центральных издательств, то занимался именно северокавказской литературой. В районный центр Нижний Чегем нас с Василь Василичем доставили быстро и без затейливых и обременительных знаков гостеприимства – застолий, тостов, воспоминаний, скорби по умиравшей на глазах адыгской литературе.

Об этом я обещал поговорить позже, а сейчас, ребята, прошу извинить...

Дело не терпит.

К обеду на внедорожнике мы добрались до расположенного при слиянии рек Чегем и Булунгу высокогорного села Булунгу.

Отсюда уже своим ходом отправились в горы, к скоплению древних могильников.

Они были сложены из камня и напоминали женские головные уборы или шлемы утонувших по самые плечи в каменной толще легендарных богатырей-нартов, когда-то истреблявших здесь всякого рода драконов-бляго, великанов-иныжей, ведьм-нагучиц. Мужчины тогда жили по несколько сотен лет, потому что питались дарующим долголетие богатырским напитком «кефир». Теперь, когда вышел их срок, они с головой погрузились в землю и в беспробудном сне вспоминали, как скитались на богатырских конях по сказочным ущельям и заповедным, еще не тронутым урочищам.

Пока добирались до места, с гор потек туман. Вскоре округу заволокло непроглядной влажной взвесью.

Громыкнули раскаты.

На глазах собиралась гроза, того и гляди, молнии ударят. Здесь, на Кавказе, молнии – это не то, что у нас, в Подмосковье. Здесь электрические разряды были толщиной с руку. Они били выборочно, по самым отъявленным грешникам. От них очень трудно увернуться – может, поэтому воздух на Кавказе сохранил первозданную чистоту и свежесть.

...добравшись до самого дальнего, затворенного заклятьем могильника, мы с Васильем Василичем поспешили забраться внутрь. Отсюда открывался вход в барсучью нору.

...поздоровались с барсуком и барсучихой, пораспрашивали, что да как – на Кавказе иначе нельзя! – и только потом выбрались на заветное место. На воле едва не ослепли от яркого солнца, чистого неба и легчайшего увлекающего в полет ветерка.

Издали доносилась песня.

Василь Василеч присел на выступающий камень, вытер нашейным платком лоб и поделился.

– Воистину хорошо.

Я прилег на травку – тоже запарился, пока взбирались на гору к могильнику.

Отдышавшись, старик одобрил.

– Иноземец, а умеет выбирать стоянки. Мы тут живем и не ведаем, какие на Земле сохранились уголки, а он вот вычислил.

Он спрятал платок, вздохнул.

– Сюда бы Милолику с Урганилом, то-то бы отдохнули на природе.

Я едва сдержался.

– Дед, не рви душу!

– Что ты, что ты! – испугался Крайзе. – Я так, к слову.

Он вновь снял платок, начал им обмахиваться, потом подытожил.

– М-да, местечко знатное. Если здесь спрятаться, никто вовек не найдет. Интересно, сколько у него таких схронов нарыто? Наверное, и на экваторе тоже припас? И в Андах с Гималаями. Там, наверно, тоже сохранились заветные уголки с нетронутой природой.

Кто-то, присутствующий рядом, но невидимый, подал голос.

– Там влажность большая...

Я от неожиданности резко сел. Дед как ни в чем не бывало продолжал обмахиваться платочком.

– Влажность не беда.

Я уточнил.

– Неужели на вас влажность действует? Вот уж никогда бы не подумал.

– Что ж тут думать! Влажность на всех действует, – откликнулся невидимый голос

– И на нейронные цепи?

– Еще как!

Василь Василич неожиданно рассердился.

– Что вы, как не родные! Ни «здравствуй», ни «салам алейкум». Как в пивной! Столько не виделись, а вы о влажности рассуждаете. Мир тебе, странник. Как живется можется?

– И вам ва-алейкум ас-салам. Нам, татарам, все одно, где время проводить. Не в Антарктиде же сидеть, в ледяном плену. Если бы у меня были зубы, я ими такую дробь выбил, что на Северном полюсе было бы слышно. Да что вы все обо мне да обо мне. Слыхал, беда у вас приключилась?

Я кивнул.

– Да, нагрянула. Нам не хотелось тебя впутывать...

– Ага, не хотелось. Чего же явились?

– О тебе печемся, милый! – нараспев ответил старик. – Ты же гость, а гостей у нас любят, особенно на Кавказе. Делишки наши скорбные мы потом обсудим, когда поднимем чарочки и шашлык шурпой запьем.

Я удивился.

– Василь Василич, ты прямо стихами заговорил. Неужели и на Кавказе побывал?

– А то. За две тысячи лет где только не побываешь, чего только не насмотришься.

Голос прервал его.

– Хватит причитать! С чем пожаловали. Если насчет детей....

– Нет, милый. Нет, дорогой. О детях после. Мы насчет черной тучи, что встает из-за моря-океана. Беда подбирается. Слух прошел, будто нашлись людишки, которые мечтают Очагова из ледяного плена выволить.

– Зачем?

Вокруг того места, откуда раздался голос, началось легкое завихрение. В воздухе появились белесые кольца, быстро

сгустившиеся в зыбкую, напоминающую человека фигуру. Далее этой туманной расплывчатой формы пришелец не обозначился. Я, кстати, ни разу не видал, чтобы заезжий Монументал оформился во что-нибудь более значительное и реальное, чем сгусток тумана. А ведь мог бы!

– Вы не темните. Рассказывайте по порядку.

Я изложил суть проблемы. Василь Василич изредка перебивал меня уточняющими подробностями и своими неизменными «воистину так».

...на планете обостряется кризис. Земная цивилизация зашла в тупик. Речь идет о неконтролируемом приросте населения, маниакальном увеличении потребления энергии, фактической или потенциальной нехватке ресурсов, загрязнении окружающей среды. Нарастает вероятность ядерного конфликта.

Тот вектор развития, которого homo sapiens придерживались последние пятьсот лет, уже не в состоянии сгладить узкие места, прежде всего в социальной сфере. Мировая экспансия капитала вширь окончена – возникла острая необходимость проводить глобализацию вглубь, но этот тренд требует дополнительных сил и новых подходов, а вот с этим у «олимпийцев» напряженка, тем более, что на повестку дня встает реальная перспектива смены элит.

Это пугает их больше всего. Может, поэтому в Мирконе решили объединить усилия. Несколько лет назад в действие вступило соглашение, в соответствии с которым компания «Rothschild Investment Trust «Capital Partners»» («RIT „CP“»), принадлежащая Ротшильдам, приобрела крупный пакет акций компании «Rockefeller Financial services» («RFS»), управляющей семейным бизнесом Рокфеллеров и других богатейших семейств США.

Облако спросило.

– Стоп, стоп, стоп. Зачем мне это соглашение?

Я попытался объяснить на пальцах.

Идея такая. Поскольку доллар слабеет на глазах сильные мира сего решили вернуться к фунту стерлингов, как новому всеобщему платежному средству.

Но на эту «пересменку» – от доллара к фунту – нужен «стабилизатор». По плану Ротшильдов, им должен стать юань, обеспеченный золотом, цену которого Ротшильды установят сами. Юань также будет подкреплён военной и политической мощью КНР.

Кстати, на фоне объединения, а точнее покупки Рокфеллеров Ротшильдами, Китай и Япония с 1 июня вышли из взаимных долларовых расчетов, и будут теперь рассчитываться строго в юанях и иенах. Сказочка эта, однако, для наивных простачков. Юань и иена приводятся к единому знаменателю только через эквивалент (ЕМС – единую меру стоимости). Раньше этим эквивалентом был доллар (его контролируют Рокфеллеры), теперь им будет фунт стерлингов.

– Еще раз стоп. Зачем ты мне это рассказываешь? О чем речь ведешь?

– О прогрессе, каким его понимает верхушка Миркона, особенно протестантского вероисповедания. Ничего не видя за голой экономикой, они отрицают любое иное метафизическое измерение общественной жизни.

... вот послушай. Как теперь понимают прогресс?

Всего должно быть как можно больше – силы, власти, свободы, денег, прибыли, удовольствий, вещей, товаров. Чем мощнее материальный поток, тем внушительней прогресс. Идеалом считается купить товар, и не распаковывая, отнести его на мусорку, после чего вновь бежать в магазин.

Но такой стандарт потребительского поведения как раз и заводит цивилизацию в тупик. В мире перестало хватать ресурсов для такого «прогресса», и «олимпийцы» всерьез задумались о сокращении населения Земли принудительным способом. Все социальные практики лидеров современной западной цивилизации направлены именно на это, однако время показало, что такой путь нереален – сократить население не удастся никому.

Были предложены другие решения. Например, эмиграция на Марс или на Венеру, но и этот путь оказался заказан. Пока соседние планеты приспособят для существования элиты, их всех сметет нарастающий вал социальных, политических, военных конфликтов.

Я снял информационный релиз с экрана моего мобильного, который мы с Ленкой окрестили могибильником, поскольку он позволял связываться через разделявшее нас межзвездное пространство.

... по данным Гейдельбергского института исследований международных конфликтов в ФРГ, в 2008 году в мире было отмечено 345 политических конфликтов, 39 из которых перешли в военную стадию, среди них – девять в полномасштабные войны.

По сравнению с 2007-м ситуация значительно ухудшилась. Кровавыми, затяжными зонами напряжения продолжают оставаться Афганистан и Ирак, а теперь и Сирия. Впереди отчетливо маячат еще две более масштабные войны, в которых, возможно, предстоит участвовать США, – с Ираном и в Латинской Америке, в Венесуэле.

Василь Василич подхватил.

– Кое-кто из элиты предлагает другой путь – изменить нынешнее состояние умов. Тренд должен быть закреплен за правами собственников, которые должны быть объявлены священными. Их власть неприкосновенна, условия их безопасности – высший смысл и оправдание существующей цивилизации. Угроза существующему порядку объявлена как легитимная причина для самых массовых войн.

Старикан усмехнулся.

– Проблема в том, что они думают, если запретить слова «классовая борьба», от этого конфликты исчезнут, и неразрешенные классовые противоречия не перерастут в острую форму гражданской войны.

Я добавил.

– ...и все это происходит на фоне господства экспертов, которые без конца рассуждают о политкорректности, мульткультурализме, расширении возможностей и инклюзивности.

Василь Василич кивнул.

– Но это все полумеры. Современный правящий класс не знает, что делать дальше? У олимпийцев становится все меньше средств, чтобы управлять кризисом или предотвратить его. Вот они и выдумали этот трюк с юанем.

Однако, когда сильные пренебрегают ими же самими созданной юридической системой, играют в двойные стандарты, слова не помогут. Не в состоянии дать всему населению Земли – или хотя бы большинству – стабильный достаток и надёжное будущее, они все больше и больше впадают в истерику.

– Стоп, стоп, стоп! – прервал вундербот, который на глазах оформился в космодесантника, каким его изображают в популярных фантастических фильмах. Только усы у него вдруг стали непомерной длины.

– Это все ваши дела. От меня-то что вы хотите? Я по определению не могу в них участвовать, и не надо меня провоцировать.

– У нас и мысли такой не было! – воскликнул Василь Василич. – В связи с тем, что запросы Миркона расширились до самых фантастических пределов, мы как раз хотели предостеречь тебя от необдуманных шагов. Последние события только подтверждают это. Мы не знаем, зачем они хотят оживить Очагова, однако в связи со сложившейся ситуацией дыма без огня не бывает.

– Короче!

– Ты сам должен решить, есть ли у них шансы принудить тебя к сотрудничеству. Посредством ли Очагова или еще как-нибудь.

– Ни единого шанса! Я буду твердо придерживаться достигнутого соглашения об условиях моего пребывания на вашей планете, и в этом смысле мое участие в возвращении Очагова к жизни будет прямым нарушением запрета, поставленного мне *попечителем*. Мне это надо? Решение об исключении вашего бибриона было принято вами и только вами. У меня нет никакого желания вмешиваться в решения твоих земляков.

Я попытался успокоить его.

– Не спеши включать пафос.

– То есть? – удивился вундербот.

– Прикинь, есть ли у тебя слабые места, которые можно было бы использовать для принуждения к сотрудничеству. Мы считаем, что именно с этой целью они гонят волну насчет Очагова. Он им нужен

как эксперт, который мог бы подсказать, как конкретно принудить тебя поработать на них.

– Вы совсем с ума посходили? Чтобы меня? Какой-то вибрион?!

– Не ершишь! Они далеко не простаки в такого рода играх. В составлении иезуитских планов англосаксы мастера, каких свет не видывал, тем более, что они составляют большинство на Олимпе. К тому же у них есть ресурсы как экономические, так и социальные. Более половины мировых СМИ подконтрольно им. Прибавь необозримое количество экспертов, университетские умы, частные охранные компании. Понял?

– Нет?

– Что же здесь непонятного? – возмутился Василь Василич. – Пора, дружище, обрести дальнорочность. Без дальнорочности теперь никуда. Например, смогли бы они взять под контроль твои зарядные устройства? Мы тут прикинули – где-то же должна располагаться ремонтная база и всякие другие причиндалы, позволившие тебе выжить за такое-то количество лет.

«Космодесантник» повесил голову, потом нарочито небрежно, даже с усмешкой, признался.

– Мы же договорились, что я ни в каких местных разборках не участвую. Ваш Миркон одобрил это условие как джентльменское соглашение.

– Ты не знаешь англосаксов. Если джентльменов не устраивают правила, джентльмены меняют правила.

– И вы терпите?

Мы с Василь Василичем переглянулись – фельдфебель, а соображает.

Я попытался объяснить.

– Так рассуждает далеко не весь элитарный олигархат. У них тоже есть свои консерваторы, либералы, ультралибералы. Между ними также существуют раздоры. На сегодняшний день Гиллеспи и его приверженцы захватили лидерство в Мирконе. Прежние классические «небожители» – Ротшильды, Рокфеллеры, Барухи и другие решили – почему не дать им карт-бланш? Пусть попробуют. Если ультралибералам удастся втянуть тебя в эти разборки, считай, что неправое дело победило. У них этот механизм отработан веками. Сначала самые горячие обещания, потом малюсенькая просьба, потом поощрение, приглашение на учебу. Не заметишь, как коготок увяз.

– Что вы предлагаете?

– Ты же путешествуешь по белу свету. Почему бы тебе не зависнуть где-нибудь в пустынном месте – например в штате Южная Дакота и понаблюдать за имением некоего господина Гиллеспи, возглавляющего партию ультралибералов.

– И за чем я там должен наблюдать? В чем подвох, говори не стесняйся.

– Ну, кто приезжает к нему гости, о чем они беседуют.

– Там прячут твоих детей?

– Да.

Глава 6

Сам я попасть в Южную Дакоту не мог. Мне сразу и наотрез отказали в визе. Прикинул – может, попытаться нелегально, по своим каналам, с помощью индейских шаманов, однако Василь Василич и Мачавариани охладили мой пыл.

– Хочешь попасть в заложники? – спросил Анзор. – Детей тебе мало. На помощь родной страны и ее героических спецорганов не рассчитывай – не осталось нынче героев, все за бабки. А насчет подземных духов и прочих представителей чернокнижья я тебе так скажу. Белые переселенцы в Северной Америке давно все вычистили. Еще в девятнадцатом веке...

Мы сидели на кухне. Я угостил гостей чаем – улуном с молочным привкусом.

От алкоголя гости отказались – не до алкоголя!

– ...все надо спланировать до тонкостей, – убеждал меня Мачавариани, – чтобы каждая деталь играла, но это очень трудная задача. Слишком мало данных, а Гиллеспи в элитных кругах слывет стратегом, следовательно все просчитал заранее. Но вот что он, гад, задумал?

– Одна надежда на Облако, – заявил Крайзе. – Ему, небось, самому будет любопытно понаблюдать за ухищрениями местных «архонтов», собирающихся покуситься на его космическое величество.

...негромко заиграл могибильник.

Я схватил аппарат и руки у меня задрожали – на экране нарисовалось личико Милолики.

– Папочка... Папочка... Дядя Джефри приглашает тебя на встречу.

– Здравствуй, родная. Как вы там? Вас не обижают?

– Не-ет, – она уже справилась со слезами и уже бодрее сообщила.

– Дядя Джефри спрашивает, как скоро ты можешь вылететь в Вену?

– Зачем в Вену?

Изображение на моем аппарате погасло, и прежний требовательный мужской голос заявил

– Убедились? С вашими балаболами полный ажур, – потом голос добавил. – Вена удобнее всего.

– Если не считать, что их держат в концлагере. Кровь у них вы еще забирать не собираетесь?

– Решили до конца держать фасон? Конфронтация не в ваших интересах.

– А что «в моих интересах»?

– Надо встретиться, поговорить о том, о сем.

Я сделал паузу, взглянул на Анзора.

Тот кивнул и едва слышно предупредил.

– Это не будет лишним.

– Воистину так! – также тихо подхватил Василь Василич. – Только не в Вене.

Мачавариани уже громче предупредил.

– Поставь условие – место встречи назначаешь ты. И попробуй пригрозить, так, намеком, чуть-чуть. Мол, он затеял опасную игру и, если что случится с детьми... Если твой хозяин принесет вред детям, мы натравим на него всю верхушку Олимпа. Он догадывается, чем ему это грозит. Один неверный шаг – и эти из Миркона заявят – «...он действовал по собственной инициативе, мы здесь ни при чем».

– ...его распнут свои же. А мы поможем, – подхватил старик.

Я взял аппарат.

– Слышали?

– Да.

– Встретимся здесь, в России.

– Это исключено.

– Хорошо, в Дюссельдорфе.

– Я не ослышался за Дюссельдорф?

– Нет.

Пауза, во время которой до нас донеслось неясное бормотание.

– Когда?

Мачавариани шепотом подсказал.

– Через неделю.

Я подхватил.

– Через неделю. И привезите детей.

Опять пауза, скомканное бормотание и краткое, ясное «по».

Голос заявил.

– Маэстро, не жмите на аккорд. Пока не договоримся, это исключено.

Связь прервалась.

– Выводы! – после паузы заявил Крайзе.

Мачавариани потер подбородок.

– Полагаю, Гиллеспи не ставит своей целью принести вред твоим детям. Он хочет использовать их как разменную монету. Но кто его знает? Нам надо очень подготовиться к встрече. Там будет этот... который звонил. Надо бы узнать о нем побольше.

– Так как насчет Облака? – поинтересовался я

– Перешли ему этот разговор и поставь вопрос ребром – согласен ли он помочь в праведном деле?

– Ага, – засомневался я, – так он и согласится.

– А ты попробуй, – настоял Анзор. – Пригрози чем-нибудь.

...мой включившийся могобильник подал голос.

– Не смешите фельдфебелей! Чем он может мне пригрозить? Просто интересно, каким образом Гиллеспи вкупе с вашими

потугами мог бы заставить меня нарушить галактическое соглашение?

Я вздохнул.

– Монументал, ты, оказывается, все слышал?..

– Да.

– И каково твое решение? Я могу связать тебя с Гиллеспи?

– Устав запрещает использовать не достигших совершеннолетия антропов, тем более принуждать их к сотрудничеству. Особенно тех, кто сам произвел себя в архонты. Или в сверхантропы. Это я вам как служака-фельдфебель заявляю. Ишь ты, этакое двуногое величество! Сразу предупреждаю, за вами буду бдить в оба нейроглаза. Я сейчас далеко, пересекаю Атлантический океан. Скоро прибуду в район Брукингса, так что негласного участия во встрече в Дюссельдорфе не приму. Сами вертитесь. У вас всякой чернокнижной мрази как грязи. Изю всех углов прут. То домовый, то червь какой-то склизкий, то грибы-переростки.

– Дело говорит, – согласился Василь Василич.

На этом связь прервалась.

Прощаясь, Василь Василич кивнул на могибильник.

– Супруге не сообщил?

Я отрицательно покачал головой.

– И правильно, – поддержал меня старикан. – Незачем девушку беспокоить, сами справимся.

* * *

Встреча состоялась в середине июня в пригороде Дюссельдорфа Кайзерсверте – это неподалеку от местного аэропорта. Организовал ее Альфред-Еско.

Гиллеспи оказался малорослым старичком, очень милым в общении.

Мы расположились в номере люкс пятизвездочного отеля, проверенном охраной миллиардера сверху донизу.

За все это время я и устроившийся на том же этаже Густав Крайзе – каждый самостоятельно – присматривались к сопровождавшим Гиллеспи людям, пытаюсь угадать, кто из них мог оказаться «телефонистом». К моему удивлению Джеффри Гиллеспи вполне сносно владел русским языком – подчеркиваю, современным русским разговорным языком. По его словам, это объяснялось влиянием матери, русской по национальности, из эмигрантов.

Вопрос – из каких эмигрантов? Судя по возрасту моего визави, это была эмиграция первой волны. Скупые данные, добытые из интернета, свидетельствовали, что миллиардеру было за семьдесят, хотя выглядел он лет на пятьдесят, а то и моложе.

...начал я с того, что выразил глубокое возмущение.

Гиллеспи прервал меня.

– Это личное, – улыбнулся он. – Я понимаю ваш пафос, но и вы постарайтесь понять меня. Если я скажу, что это только бизнес, вы вообще потеряете голову, а мне как раз нужна ваша голова. Вам было обещано, что с детьми будут хорошо обращаться.

– Даже если я откажусь?

– Да, мы их тут же вернем. Вопрос в другом – зачем вам отказываться? Кстати, у вас очень смышленные дети. Они прошли тест на IQ для их возраста и получили более 130 баллов!

– Вы заставили их пройти тесты?

– С их согласия. Исключительно с их согласия.

Я призадумался.

Стоило ли мчаться на всех парах в этот забытый Богом Дюссельдорф, чтобы начать со стычки по второстепенному поводу. Так мне никогда не возвратит детей, а ведь только ради этого я приехал на встречу.

– Хорошо. Если с их согласия... Надеюсь, и в дальнейшем вы будете придерживаться приличий. Если я правильно понял, киднеппинг вы считаете бизнесом. И ничего личного? Что же вы имеете в виду под бизнесом?

Старикан мило улыбнулся и предложил мне выпить.

Я выпил минералки, он что-то пригубил из своего стакана, покрытого белоснежной салфеткой.

Гиллеспи вытер губы и мило улыбнулся.

– Хороший вопрос. Если позволите, я изложу точку зрения моих коллег на происходящие в мире события. Мы очень обеспокоены новым мировым порядком, неотвратимо складывающимся в мире.

В конце прошлого и в начале нынешнего тысячелетия силы мира работали вместе. Подход был общий. Сегодня наладить сотрудничество намного сложнее. Это ставит под угрозу весь экономический уклад и в первую очередь нарушает общепризнанный порядок обеспечения безопасности. В сложившейся ситуации наша позиция заключается в том, чтобы сохранять ограниченный доступ к котируемым акциям, а новые обязательства вносить с большой осторожностью.

– Простите, – перебил я его.

Я уже освоился с мыслью, что имею право перебивать собеседника, правда, по возможности чутко и мягко. Он сам выбрал разговор на равных – у него, мол, дети, а у меня связь с Облаком.

– ... неужели судьбы малолетних детей стóят ограничения доступа к котируемым акциям и запрету вносить новые финансовые обязательства, под которыми, как я понял, вы имеете в виду сохранение нынешнего порядка распределения доходов и отказ всем, кто недоволен существующим порядком, посягать на справедливую долю в распределении мировых ресурсов.

– Отнюдь! – Гиллеспи поднял руку и, повернув в мою сторону ладонь, отрицательно помахал ею. – Мы против непродуманных, тем более поспешных, шагов. Кризис нарастает – это ясно всем

здравомыслящим людям. С таким долгом, какой накопился – и копится! – в Штатах, с тем распределением производительных сил, которое складывается в мире, немислимо сохранить послевоенное устройство мира. Но...

Он погрозил мне указательным пальцем.

Я насторожился.

– Все трансформации должны быть обязательно согласованы с теми, кого эти изменения касаются более всего. Обязательным условием должен быть контроль тех людей, которые обладают наибольшим влиянием в мире.

– Понятно, – кивнул я. – Вас более всего заботит сохранение собственной власти.

– Нет, не власти. Влияния!

– Финансовой элиты, – уточнил я.

– Конечно! – радостно согласился Гиллеспи. – Или вы предпочитаете, чтобы все спорные вопросы решались под лозунгами исламских фанатиков или всякого рода безбашенных террористов? Или под давлением отъявленных демагогов из числа узколобых «патриотов», вопящих о сохранение национальных ценностей? Неужели вы всерьез полагаете, что этим отморозкам можно доверить будущее планеты. Беда даже не в их бредовых требованиях сохранения религиозных ценностей, соблюдения права наций на самобытность, не в фантазиях о социальной справедливости, которую они понимают исключительно в своих узкокорыстных интересах. Кто, кроме нас, способен ввести этот процесс в спокойное русло.

Мы несем свет миру, который покорит всех.

«...хорошо сказано, – отметил я. – «Который покорит всех!».

– С этой целью вы устраиваете перевороты, свергаете законные правительства, например Каддафи в Ливии или на Украине? С этой целью бомбили Югославию?

– Когда мы пытаемся повлиять на выборы в других странах, или принимаем другие решительные меры, мы поступаем исключительно в интересах граждан этих стран. Все делается во имя демократии и прав человека. Надеюсь, вы понимаете, что главная ценность, которую человечество накопило за свою многолетнюю историю – это право каждого человека устраивать свою личную жизнь по своему усмотрению, свободно выбирать место жительства, род занятий. И конечно, власть, сообразуясь с собственными интересами.

Я попытался возразить, однако он жестко, как умеют только американские миллиардеры, прервал меня.

– Да, руководствуясь исключительно собственными интересами! – он подчеркнул этот тезис, ткнув меня указательным пальцем. – Эти права неотъемлемы. А если кто-то ставит цель посягнуть на них, таких отщепенцев следует изолировать.

– Как в Гуантанамо.

– Пусть даже как в Гуантанамо. Нарастающий кризис вынуждает использовать все исторически сложившиеся механизмы для сдерживания преступных страстей.

Я не выдержал.

– Генсек НАТО Йенс Столтенберг объяснил сербам, что бомбардировки Югославии велись, чтобы «защитить их от режима Слободана Милошевича». Вот, понимаете ли, какая логика.

– Кто, когда и где обходился без дураков! Если вы полагаете, что мои друзья заиклены на установления мирового господства какого-то одного государства, вы заблуждаетесь. Мы вовсе не империалисты! Да, мы намерены сохранить свои капиталы и сделать это к обоюдной выгоде. Лично я против всяких надуманных «золотых миллиардов», которые бы паразитировали на жизнях миллиардов униженных и оскорбленных...

«... читал Достоевского, – удивился я. – Мама не теряла времени даром. Однако, старикан не прост. Очень не прост».

Я не ответил, взял тайм-аут. Прикинул так и этак.

...зачем такому влиятельному лицу, каким его расписывал Альфред-Еско и каким он показал себя на деле, вести серьезные беседы с мелко значащим и малоизвестным литератором, как я? В этом был какой-то подвох. Зачем он сознательно подлаживался под меня?

А если нет?

Если он сумел проникнуть в святая святых, в тайну страны «чернокнижья»?..

Этого не может быть!

А если?

– Я вот чего не понимаю – каким образом похищение моих детей связано с глобальным кризисом, который меня, в общем-то, не касается.

После паузы я многозначительно добавил.

– И нашего инопланетного гостя тоже.

– Вас, может, и не касаются, а вот БНО очень даже касается.

– Как это

– Если ситуация на Земле выйдет из-под контроля, это пойдет на пользу нашему гостю? Я имею в виду всякого рода конфликты – глобальные, национальные, в том числе обмен ядерными ударами. Ведь оружейный атом буквально на глазах расплзается по планете. Вы полагаете, меня и моих друзей не страшит превращения планеты в груды развалин. Насколько мне известно, БНО было позволено оставаться на Земле при условии невмешательства в наши дела, не так ли?

– Да.

– Неужели БНО пошло бы на соглашение с нашей цивилизацией, если бы его к этому не принудила какая-то сверхмогучая суперсила? Кто мы в сравнении с межзвездным монстром? Мелкие антропы.

– Нет, – горячо возразил я. – Никакая суперсила в разрешении нашего спора участие не принимала! Мы, представители земной цивилизации, потребовали от гостя не вмешиваться в земные дела, тем более в планетарные конфликты. Это было железное условие. Он дал согласие и пока ни разу не нарушил его.

Гиллеспи засмеялся.

– Вы не ответили на мой вопрос насчет наличия «суперсилы». В переговорах участия не принимала, но давить давила, не так ли?

– Можно и так сказать, – ответил я и внезапно сердцем ощутил, что сморозил глупость.

«...проколотся так проколотся!»

Я в сердцах выругался – ловок, гад. Припер все-таки к стене. В логике ему не откажешь. Если мы, местные туземцы, поставили продукту межзвездной цивилизации «железное условие», и он принял его, значит, на него «кто-то» надавил. Сидел-сидел на Земле, презирал-презирал, а тут вдруг пошел на попятный – согласился на переговоры, да еще принял ограничивающее его суверенитет условие.

Хуже всего, что имею выход на чужака. Хорошо, что умолчал о попечителе.

Гиллеспи продолжал наступать.

– ...если в результате такой политики вектор гибели цивилизация станет необратимым, неужели вы не обратитесь к БНО за помощью? Бездействие аморально. Неужели судьба ваших детей не стоит нарушения – или уточнения – взятых на себя обязательств? Ведь это можно расценить как предательство, не так ли?

Я въявь, до вздрагивания сердца ощутил опасность, сгущавшуюся над моими детишками. Хочешь на хочешь, а придется свести этого милягу с Облаком.

– Я передам гостю ваше предложение.

– Вот и хорошо, – старикан потер руки. – Только не затягивайте. Ваши усилия будут хорошо оплачены. Очень хорошо и в любой форме. И еще... неплохо бы обсудить вопрос насчет амнистии Очагова.

Этим предложением он окончательно поставил меня в подчиненное положение. Что ж, будем выкручиваться.

Но сначала следует посоветоваться с Василь Василичем.

* * *

Поговорили мы неподалеку от Волкойни в лесу, на поляне, утыканной с одной стороны густым малинником, а с другой, через

березовое редколесье, открывался вид на поле, где густо созрел овес. Здесь под охраной родных грибов можно было не опасаться «чужих ушей». Как оказалось руки у Гиллеспы оказались длинными. Он слишком много знал. Теперь после встречи в Дюссельдорфе узнал еще больше.

Первым делом Василь Василич поставил мне на вид простодушие и промашку, которую я допустил, признав наличие связи группы земель под названием «кастодиане» с Отцом-Облаком.

– ...это, мой ласковый, еще полбеда. Но ты также фактически признался в наличии некоей космической силы, которая принудила Облако к принятию наших условий.

– Ничего я не признал! И вообще, кто я такой? Эксперт, политик, знаток всяких иезуитских премудростей! Что вы пристали ко мне!

– Воистину это не оправдание. Подумал бы о детях. Выцыганил бы у него хотя бы свидание.

Неожиданно он завел разговор о скандальном сериале под названием «Карточный домик».

– «Карточный домик» здесь причем? – огрызнулся я.

– При том, что ни единому слову этого прожженного олигарха верить нельзя, – заявил старикан.

Я прищурился.

– Даже если в его словах есть своя логика? Ядерный апокалипсис, например, никому не нужен.

– Воистину так! Но этот малый такой исход даже в расчет не принимает. Он уверен, у них все под контролем. Следовательно, его цель в другом. В чем?

– Ну-у, – предположил я, – они надеются с помощью Облака сохранить свое влияние.

– Грубейшая формулировка, товарищ беллетрист! – вскипел фавн. – Ему нужен ты, голова ты садовая! Он кинул тебе наживку, а ты и рад проглотить крючок. Как будешь выкручиваться, не знаю. У него мощные интеллектуальные мускулы. Единственный выход – заявить, что Облако отказалось от встречи.

– С ума сошел? Что тогда будет с Ликой и Урганилом?

– Раньше, песнопевец ты наш доморощенный, думать надо было, а тебе все хиханьки и хаханьки. Все сюжетики да аллюзии! Конечно, следовало бы обсудить этот вопрос с Монументалом.

– Что со мной обсуждать! – рядом раздался голос с гнусавинкой, которую я ни с чьей не спутаю. – Не вижу причин ввязываться в ваши разборки, да еще на таких условиях как амнистия Очагова.

Длинноусый десантник не спеша, с достоинством, оформился, отряхнул форму и напомнил, что ему тоже довелось просматривать «Карточный домик», и поэтому он ни в каких иных, кроме оговоренных, отношениях с представителями местного олигархата участвовать не будет, и ни каких, кроме условленных каналов связи использовать не намерен.

Это был удар, так удар!

Если сообщу Гиллеспи об отказе Облака, что будет с моими детьми?

Глава 7

Отказ Облака от встречи заокеанский миллиардер воспринял спокойно. У него даже голос не дрогнул. Только выразил сожаление, что так удачно складывавшееся сотрудничество оборвалось «на фальшивой ноте».

Встречать частный самолет, прибывающий в Шереметьево, мы отправились втроем. В аэропорту расстались – я направился в зону прибытия терминала «А», а Крайзе и Мачавариани, воспользовавшись прежними связями, – в служебные помещения, откуда решили понаблюдать за приземлившимся частным бортом.

В полдень я встретил детишек у выхода из зоны прилета.

Увидев меня, Милолика расплакалась. Урганил, державшийся подчеркнуто храбро, дернул сестру за рукав куртки.

Я обратил внимание, что на детях было все чужое. Спросил насчет школьной формы, в которой их увезли. Милолика не в силах вымолвить ни слов, молча указала на сумку.

Я повез детей домой, а Анзор вместе с Василь Василичем прошли на стоянку и попросили членов экипажа предъявить документы – была у нас слабая надежда выявить среди экипажа и охранников, под присмотром которых мне передали детей, подпольного «телефониста».

На этом настоял Монументал, заявивший, что остро нуждается в информации о Гиллеспи. Он с некоторым даже смущением признался, что, пролетев грозовой тучей над графством Брукингс и зависнув над провинциальным городишком с интригующим названием Волга, возле которого начинались владения миллиардера, – наткнулся на профессионально организованную охрану ранчо, в том числе и от воздушного нападения.

«...конечно, – добавил Монументал, – я мог бы проникнуть туда с помощью дождя, однако мне нужно знать, что искать, а не растекаться лужами по жилым помещениям».

Вечером я дал эсэмэску Ленке, что история с похищением закончилась благополучно.

Однако я поторопился.

Спустя неделю после возвращения на родину у детей проявились симптомы странного заболевания.

Казалось, к тому моменту мои любимчики окончательно пришли в себя. Пообтерлись в родном доме, освоились, повеселели. Милолика избавилась от приступов страха, которым заразилась в разлуке и который не давал ей спать по ночам. Урганил вел себя

вполне по-мужски. На мои расспросы – как их похитили, на какую приманку подцепили – отвечал обстоятельно, вину взял на себя.

«...сидевший за рулем «мужик» спросил, не хотят ли «пацанята» поговорить с мамой. Я первым подбежал к машине».

Милолика поддержала брата.

– Он так смешно выражался – сказал, что «берет документы на посмотреть».

– Ага, – подхватил Урганил, – чуть что, сразу «не гони фасон».

Присутствовавший при разговоре Анзор пожал плечами.

– Скорее всего, «мужик» из эмигрантов. С Одессы-мамы.

Скоро дети разговорились. Рассказали, как там все устроено, на ранчо: и про медицинский контроль, и про организацию охраны. Объяснили, что дядя Гиллеспи был ласков и разговаривал с ними, «как мы с тобой». Иногда шутил.

– Больше там, кто знает русский, никого не было, – поделилась Лика. – Кроме этого... сидевшего за рулем. После прилета он провел с нами тест на сообразительность и долго расспрашивал насчет мамы – где она, что за командировка? Мы сказали, – хихикнула Лика, – что родители с нами не советовались. Мы с Уркой договорились все время держаться вместе, лишнего не болтать, а уши держать на макушке. Чуть что сразу в слезы. Папа нас обязательно выручит, ведь так и случилось, правда, папочка?

– Конечно. Какие задания были в предложенном тесте?

– Разные. Я Урику подсказывала...

– Ничего ты не подсказывала! – возмутился тот. – Сам догадался.

– Ага, догадался...

– А вот и догадался. Этот, который заставлял нас замолчать свой рот, предложил нам сложить из шести спичек четыре треугольника. Сначала приказал Милке, потом мне.

– Вот я и подсказала – сложи треугольник, а другие три спички соедини вершинами.

– И этот, одесский босяк, позволил? – удивился я. – Он вроде проверял вас по очереди.

– Ага, сначала меня. Потом выпроводил в другую комнату и взялся за Урку.

– Как же ты подсказала?

– Я подумала, – объяснила Лика. – Ну, вообразила, как решить задачу, а он услышал и тут же сложил.

Мы с Анзором переглянулись.

Но промолчали.

Мне очень не хотелось развивать эту тему, допытываться, принуждать.

Я пообещал детям, что ближе к августу съездим на море. За границу, в Турцию например, я лететь не рискнул – кто их знает, миллиардеров, что у них на уме, вот в Сочи – милое дело.

... «осенью мама вернется».

Чем еще, кроме моря, можно отплатить маленькой девочке и маленькому мальчику за беззаветное доверие.

И на тебе – ни с того ни с сего дети начали жаловаться на недомогание.

Испугавшись, я обратился к врачу. Участковый направил нас на обследование. Результат выдали без задержки – рак!

* * *

Все анализы заняли около месяца. Результат шокировал не только меня, но врачей. Подобного случая в районной поликлинике никто не мог припомнить – чтобы в таком возрасте... чтобы такая температура... частые головокружения вплоть до обморока... зуд по телу.

Пульманолог, получив результаты анализов, потерял дар речи.

В полной растерянности я обратился к Мачавариани, у которого в онкологическом центре на Каширке работал знакомый профессор.

Там, пытаясь выявить причину заболевания, обследовали детей более тщательно. Заодно проверили меня – наследственной предрасположенности не обнаружили, а насчет Ленки, слепленной из медвежьих и волчьих окорочков, я сам сообразил – она по определению не попадала в группу риска.

Возраст тоже не мог спровоцировать болезнь. Мои ребятки, слава Богу, не облучались, не курили, не вдыхали радон или асбест, не страдали вирусными инфекциями. Это были на редкость здоровые дети. Загрязнение атмосферы также не могло воздействовать на них.

В итоге профессор, заинтересовавшийся необычным случаем, пришел к единственному выводу – заражение могло быть вызвано только канцерогенным фактором, следовательно заражение было сознательным. Для лечения необходимо знать формулу ядовитого вещества.

Он ознакомил меня с кое-какой исторической статистикой.

* * *

...признаюсь, в тот момент мне было не до статистики. Я был полной растерянности и даже не притронулся к материалам, которые переслал мне Анзор. У меня была уверенность – в этих исторических и полулегальных сайтах бесполезно искать причину.

А в чем же?

Спустя несколько дней у меня в голове мелькнуло – а что, если?.. – и я набрал запретный номер.

Гиллеспи ответил сразу, будто ждал моего звонка.

Сначала я был вежлив – поинтересовался, не применяли ли к детям каких-нибудь запрещенных препаратов?

Гиллеспи ответил в том смысле, что он не привык, когда деловые переговоры заканчиваются «на фальшивой ноте».

– У вас не было шансов переиграть меня в этом судьбоносном для жителей Земли вопросе.

– Каких шансов? – изумился я.

– Я не терплю, когда к моим словам не прислушиваются. Вы слишком легкомысленно отнеслись к предложению насчет встречи с БНО, за это и наказаны.

– Чем наказан?

– Вам безразлична судьба ваших детей. Впрочем, я готов дать вам шанс – если, начиная с сегодняшнего числа, в течение ближайших двух месяцев вы сумеете организовать планируемую встречу, вам будет выслано противоядие, иначе придется расстаться с детьми.

– То есть как расстаться? – растерялся я.

– Их сгубит страшная болезнь, и в этом будете виноваты вы сами.

Ошарашенный, я некоторое время молчал. Пытался переварить, что заявил мне долларовой изувер.

– Но... играть судьбой маленьких детей? Это кощунство!

– Ничего личного, только бизнес.

На этом разговор прервался.

Всю ночь я искал в интернете подобные случаи и ближе к рассвету окончательно убедился – паршивец не врет.

Я взял себя в руки. Если заокеанский негодяй с русскими корнями не постеснялся признаться в страшном преступлении, следовательно, мне тоже стесняться нечего.

* * *

Для начала я решил тщательно изучить посланные Анзором по электронной почте материалы.

В первую очередь просмотрел список трагических случаев, начавшихся в роковом 1991 году, когда рак кишечника сразил знаменитого Уго Чавеса.

В том же году карциномы щитовидки обнаружили у президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер. Сам президент Нестор Киршнер, друг Чавеса, умер годом ранее – в 60 лет! – от рака кишечника.

Еще одному близкому другу и соратнику Чавеса, 66-летнему президенту Бразилии Лула да Сильва, врачи поставили диагноз – рак горла.

В 2011-м Сильву сменила на президентском посту Дилма Руссеф. У нее диагностировали рак груди.

У 59-летнего президента Парагвая Фернандо Луго нашли лимфому. У 54-летнего президента Боливии Эво Моралеса – рак носа, у 62-летнего президента Колумбии Хуана Мануэля Сантоса Кальдерона – рак простаты.

А возглавлял печальный список сам Фидель Кастро, предупреждавший друга Чавеса об «онкологической заразе». Фиделя выбил из седла рак кишечника. Говорят, к нему добавили злокачественную опухоль простаты.

В комментариях указывалось:

«...конечно, можно утверждать, что эта «президентская эпидемия» естественна, дескать, виноваты острая латиноамериканская кухня, жевание листьев коки, курение.

Но есть одна характерная черта, которую отметили эксперты: «Почему у лидеров в Латинской Америке только антиамериканские взгляды вызывают рак?»

...в этой связи припомнилась рассекреченная «Викиликсом» информация – перед президентскими выборами в Парагвае в 2008 году тамошнее посольство США получило задание достать ДНК-коды кандидатов. Впервые за 60 лет в Парагвае победил представитель левых сил Фернандо Луго. В первом же официальном заявлении он призвал бороться с американским империализмом за свободу нации и социальную справедливость. Через несколько месяцев бывший священник, прозванный «епископом бедных», заболел лимфомой.

Про того же Чавеса латиноамериканская пресса писала, что ему «помогли» заболеть в Нью-Йорке, когда тот приезжал на заседание Генеральной Ассамблеи ООН. Вот и официальный преемник Чавеса Николас Мадуро утверждает, что команданте намеренно заразили: «Будет создана медицинская комиссия, которая подтвердит атаку на нашего лидера. У нас имеются доказательства».

Эти случаи говорили сами за себя, но в медицинском смысле они ничего не проясняли, разве что неоспоримое понимание, с кем я имею дело.

Я терялся в догадках.

После полуночи решил потянуть за историческую ниточку, упрятанную на одном из сайтов. Она вела в Третий рейх, где еще в 30-40-х годах прошлого века научились вызывать онкологические заболевания искусственным путем. Нацистские врачи «тренировались» на заключенных в концлагерях.

В одном из материалов приводилась любопытная история.

Когда в 1943 году стало ясно, что война проиграна, Мартин Борман решил подготовить в Латинской Америке плацдарм для возрождения Четвертого рейха. В Аргентину переправили гигантские средства: деньги, драгоценности, золото. Тогдашний правитель страны Хуан Перон был страстным поклонником нацистов.

И... мужем-подкаблучником знаменитой Эвиты.

Супруга президента не стесняясь заявила посланцу Бормана, что три четверти нацистских богатств отойдет стране, фактически – семье Перона. А вам, дескать, хватит и четверти.

Борман, вынужденный согласиться на эти условия, оказался не тем человеком, которого можно было так бесцеремонно «кидать». Вскоре все пятеро предателей из его окружения, раскрывших Эвите тайные счета и места хранения сокровищ, ушли из жизни. Кто застрелился, кого застрелили. А затем и сама Эвита угасла от скоротечного рака. В тридцать три года! Ходят версии, что ей просто помогли заболеть.

Кстати, ряд нацистских врачей, занимавшихся в концлагерях опытами с онкологией, вирусологией после войны попали в руки американских спецслужб.

И что?

Да ничего!

Ясно, что одному добраться до секретов ЦРУ, где хранилась формула канцерогена, мне не добраться.

Даже с помощью «чернокнижья».

Может, надежней через Гиллеспи, а еще лучше через «телефониста»?

* * *

Профессор, назначив детям домашнее лечение, заявил – «будем посмотреть». Дети в один голос запросились в Волковойню. Профессор прикинул и одобрил – свежий воздух, ключевая вода, спокойная обстановка.

То, что надо.

Я едва удержался, чтобы не сморозить глупость – «...а еще там есть здоровенный кот-рассказчик». Меня в те дни буквально корбило от черного юмора, который в юности прилип ко мне. Так уж наше поколение было воспитано – хихикать по любому поводу.

Вот и дохихикались.

До перестройки.

Всю дорогу Милолика надрывно кашляла. Урик держался спокойней, но и ему время от времени досаждал кашель. Анзор, гнавший машину в сторону Калязина, сидел, сцепив зубы.

В Волковойне нас уже ждали.

Дети сразу попросились в подпол. Мы с Василь Василичем переглянулись. Тот чуть заметно кивнул – дескать, надо серьезно поговорить.

Я махнул рукой и разрешил.

– Хорошо, пообщайтесь со стариком и старухой, сходите с котом в волшебный лес.

Как только мы остались одни, старикан первым делом набросился на меня.

– Если уж тебя угораздило жениться на бибрионе, в своих сочинениях ты должен был придерживаться лучшего и отринуть худшее. У тебя все хиханьки и хаханьки. Как ты недомыслил насчет детей? Чем можно объяснить такое поверхностное отношение к

невзгодам, которые по определению должны были сыпаться на твою голову?

Анзор возразил – что на Мишку пенять, сами прохлопали.

Крайзе не без показного восторга согласился.

– Воистину прохлопали! Теперь бы не прохлопать. Пойми ты, голова садовая – у этого миллиардера мощные интеллектуальные мускулы. С ним нельзя запанибрата, в расчете на согласие, доверие и прочие гуманистические штучки. Пора бы сразиться за общечеловеческие интересы, за которые я сражаюсь уже третью тысячу лет.

Анзор подтвердил.

– Это воистину так.

Старикан подозрительно уставился на него – словечки вроде «воистину», «общечеловеческие интересы», «интеллектуальные мускулы» мог употреблять только он и никто другой.

Однако Анзор ничуть не смутился.

– Давайте все разложим по полочкам, иначе не договоримся.

Крайзе сбавил пафос. Помолчал, признался.

– Я на днях связался с шаманами племени хункпапа-сиу. Им можно доверять, ведь никто, кроме этих индейцев, досконально не изучил повадки белых колонизаторов. Вожди племени Солнечный Медведь и Бешеный Конь подали дельную мысль – детей надо упрятать и понадежнее.

...приоткрытая дверь скрипнула, и в избу начал втягиваться незванный гость. Его тело колебалось, стягивалось в зримо ощущаемую форму. Наконец усатый «чужака», как называл его Василь Василич, обрел формы «космодесантника» и поиграл мышцами плечевого пояса.

Старикан возмутился.

– Что за повадки?

Я тоже не выдержал.

– Ты чего явился? Тебя звали? Это наше исключительно земное дело.

– То-оварищ беллетрист, – упрекнул меня Мачавариани. – Не кипятись.

Между тем Могучий Монуменгал трехметрового роста всюю расположился за столом, раскурил длинную трубку.

– Donnerwetter, совсем опростился! – вздохнул Василь Василич. – Уже курить начал, в бога душу твою мать! Скоро начнешь алкоголь употреблять.

Анзор заступился за космического следопыта.

– Отстаньте от человека. Он с добром, а вы его коленкой под зад.

Уже совершенно оформившийся Монуменгал подхватил.

– Вот за что люблю кавказцев! Они, если что надумают, скрывать не будут. Меня человеком назвал, слышали? То-то.

Я не выдержал.

– Ладно, если с добром, а если?

Василь Василич ударил кулаком по столу.

– Хватит! Заткните свои рты! Имейте, наконец, совесть, я вам про общечеловеческие интересы, а вы чуть не в драку. Местные шаманы предупредили – такой человек, как Гиллеспи, сумеет довести свои угрозы до конца. От него добра не жди. Следовательно, прежде всего надо понадежней спрятать детей.

– Я с этим и прибыл, – поддержал его Монументал. – А вы меня коленкой. Вот только этот добрый человек меня «человеком» обозвал. То есть из трех один. Нерадостная статистика, не находите? Кстати, а где дети?

Я, уязвленный этой статистикой, молча ткнул пальцем в сторону подвала.

– А почему бы нам не посетить заповедный уголок? – предложил чужака. – Помню, в бытность вундерботом, я как-то не обратил внимания на это пространство. Кстати, как оно называется?

– Ты не влезешь, – буркнул я. – Туда не каждого пускают.

Мачавариани ткнул себя пальцем в грудь.

– Меня не пускают.

– Не журишь, кунак, – десантник невесомой рукой похлопал его по плечу. – Я тебе потом расскажу, стоит ли вообще там появляться.

– Да кто тебя пустит! – возмутился Василь Василич. – Это же Лукоморье, по-нашему чернокнижье, бестолковый ты автомат. Аномальная зона! Туда только по генным спецпропускам пускают.

– Вот это мы сейчас и проверим.,

Десантник направился к люку, ведущему в подполье.

Мы как по команде направились за ним.

Монументал как и подобает космическому монстру, лихо спрыгнул в подвал и к нашему удивлению, даже не касаясь закрытой дубовой двери, начал просачиваться в подземный лаз.

Я последовал за ним, по ходу движения обрастая волчьей шерстью.

* * *

... выбрался на волю, огляделся.

Возле отремонтированной, пропитанной тиккурилой избы дети играли с громадным, размером с козла, котом. Рядом старик чинил сеть, на завалинке примостилась старуха и что-то шептала про себя.

Скоро из деревни, что уместилась на спине Чуда-юда Рыбы кит на телеге подкатил староста-татарин, с ним как всегда Нехляй.

Как же без Нехляя!

Первым делом староста указал на десантника и поинтересовался, кем гражданин будет?

Тот, разглядывая встававшую на горизонте черную тучу, не ответил. Потом вздохнул и признался.

– Да, проморгал! Вы, приматы двуногие, позаковыристей, чем я рассчитывал, оказались. А может, развиваетесь слишком быстро? В

общем, схрон устроили что надо. Все свои сказки, легенды, выдумки и побасенки сюда попрятали? Это что за туча?

Я решил отплатить Облаку той же монетой.

– Это твой собрат. Тоже, небось, какой-нибудь засланец с планеты Бармалей.

Оказавшийся рядом Мачавариани поправил.

– Не Бармалей, а Ерунда.

Я так и не понял, как он сумел обойти страшные заклятья, запечатывавшие лаз в чернокнижье. С другой стороны, стоит только пробудить в кавказце интерес, он всюду пролезет.

– Нет, – отрицательно покачал головой Монументал. – Этот приятель не из межзвездного пространства, а из самого небытия. Насчет детишек я вот что предлагаю... Только вы не ерепеньтесь. Я их сначала пощупаю, потом решу.

Всей компанией мы приблизились к рыбацкой избе. Дети бросились нам навстречу. Кот тоже подбежал, но внезапно грозно зашипел, начал задними ногами рыть землю. Видно, учуял нерусский дух.

Милолика успокоила его.

– Не бойся, Лапсик. Этот дядя-мужик с папой пришел, правда, папа?

– Оригинально, – изумился вундербот. – Это тот самый кот, который, лазая по дубу, сказки рассказывает?

Я кивнул.

– Тот самый.

Монументал недоверчиво предложил.

– А ну-ка, расскажи?

Кот перестал шипеть. Задрал хвост, выгнул спину и, притираясь к детям, обошел их и уселся на задние лапы.

Не сводя глаз с чудища, как умеют только коты, начал так.

«...далеко ли, близко ли, в каком году неведомо, в каком краю незнаемо, только вся живность – звери, птицы, рыбы, муравьи, бабочки и люди – понимали чужие языки и умели ладить друг с другом.

Жили в мире.

Но время шло, людей становилось все больше, и начали они теснить зверей, а потом и вовсе сживать их с земли. Изобрели луки, копья, ножи, рыболовные крючки, силки неразрывные, потом ружья, пули, и начали убивать всех без разбору ради их мяса и шкур.

Собрались звери на совет, чтобы решить, как бороться со зловредным племенем. После долгих споров сошлись на том, что будут насылать на двуногих болезни, от которых те начнут гибнуть.

В ту пору растения жили с людьми душа в душу. Узнали они о сговоре животных, и решили, что даруют двуногим снадобья от каждой болезни. Так, от каждой былинки, от каждого деревца, от каждого плода возвращенного появились лекарственные средства.

Снабдили растения двуногих друзей этими снадобьями, чтобы те смогли противостоять злобным наговорам и колдовству мстительных животных. А среди людей нашлись потомки прежних богов, которые издревле знали, какое именно снадобье и при какой хвори следует применять. Великий дух Вакантанка подсказывал им нужное средство во сне.

С той поры таких людей стали называть шаманами».

После короткой паузы Облако озадаченно призналось.

– Что-то я таких историй не слыхал.

– Ты много чего не слыхал, – успокоил я его. – Надо было на семь вершков под землю заглядывать да на семь пядей в глубину заныривать. А вы не беспокойтесь, – обратился я к детям. – Дядя-мужик не совсем мужик, а... лекарь. Издалека. Он только пощупает вас и поставит диагноз.

Урик бросился вперед.

– Чур, меня первым.

Я сердцем ощутил, как внутри неведомой планетарной формы что-то щелкнуло и зарыдало. На меня повеяло чуждым нам теплом, но все-таки это было тепло с примесью страдания.

Я помедлил и отозвался кивком.

Облако обняло мальчика вмиг ставшими белесыми руками, потом девочку.

– Нет, этот ремонт мне не по силам. Однако мыслю так – оставить их здесь будет самым правильным решением. Я поставлю нейтронную завесу.

– А я запечатаю лаз заклятьем, – подхватил староста.

– А я, – заявил Анзор, – поставлю дом и подвал под наблюдение. Под такое наблюдение, что ни один мышь не пробежит.

– Не надо наблюдений, – ответила старуха. – Я присмотрю за ними. Если уж не в царицы морския, так я их «живой водой» из заветного родника отпою. Настояем из чародейных трав.

Я перепугался.

– Не надо отпевать.

– Эх ты, писака! – пристыдила меня старуха. – Брал бы пример с Пушкина. «Живой водой» отпаивают, а не отпевают.

* * *

Вернувшись в избу, Василь Василич спросил.

– Какие будут предложения? Вы не стесняйтесь. Режьте правду-матку.

Я вскочил со стула, ударил стулом об пол.

– Я этому... бизнесмену! Я такой текст против него сбацию, что небесам тошно станет! Всю нечисть на него натравлю!

– Стоп! – успокоил меня Василь Василич. – Раскудахтался! Лучше подумай, как формулу канцерогена выявить? И немедленно! Сможешь? – обратился он к вундерботу.

В этот момент Анзор веско заметил.

– Не с того конца, товарищи, заходите! Все-то вам формулы-мормулы подавай. Вы сначала пошевелите мозгами.

– И то верно, – поддержал его космодесантник и обратился ко мне. – Ты пошевелил мозгами?

– Что здесь шевелить! – возмутился я. – Я этого гада... Я этому гаду... Полной мерой. У него тоже небось, дети есть. Или внуки. Порчу на них навести, раз плюнуть. Вот возьму клавиатуру в руки и такое проклятье сотворю. У Гиллеспи, значит, мамочка из русских эмигрантов? Ну-ну. Интересно, кто у него по отцовской линии. Наверное, злыдень из злыдней.

– Стоп, стоп, стоп! – остановил меня Густав Карлович. – Послушай, что умные люди говорят, – он сделал паузу, потом веско, с укором добавил. – Не снижай глобальное противостояние до уровня сведения личных счетов.

Он закатил глаза – якобы задумался, – потом предложил.

– А что, если воздать той же мерой?

– И я о том же, – поддержал его Анзор.

Инопланетянин тоже влез.

– Что-то такое есть в Библии. Насчет воздаяния. Или в Евангелии?

Мы все трое одновременно уставились на него. Проснувшийся у «чужаки» интерес к нашим заветным книгам не то чтобы удивлял – и это тоже! – но более пугал.

Я осторожно поинтересовался.

– Ты о чем?

– Ну как же. Что Иисус ответил деду, – он кивнул в сторону Крайзе, – когда тот вел его на Голгофу? Помнится, бедняга споткнулся под тяжестью креста, наш дед посмеялся над ним – «иди, иди», сказал. Что Иисус ему ответил? Вспомнил?

Внезапно Крайзе сморщился так, что его стало невозможно узнать.

Я обмер до ужаса!

Я мысленно разглядел в нем лица нескольких сотен человек, в образе которых он провел две тысячи лет. В морщинках вокруг глаз обозначилась влага, потом пробежала слеза.

В мертвящей тишине мне почудилось, что и собеседники словно заглянули в такой омут, о глубине которого и помыслить было страшно.

Неожиданно Василь Василич ожил. Восстановились черты немецкого пенсионера и ветерана НКВД.

– «...и ты иди». С тех пор хожу неприкаянный. Ты это имел в виду? – обратился он к пришельцу.

Тот совсем не во времени и не к месту подкрутил ус. Сразу видно – чужака.

– Давайте воспользуемся опытом нашего центуриона, – предложил он. – Вопрос серьезный. Возмездием, даже заслуженным, его точно не решить. Уж сколько тысячелетий мстили, сводили

счета, кровь пускали, расплачивались про полной. Око за око, зуб за зуб. Это у вас в печенках сидит. Я заметил.

Меня пробило на ясность.

Наступило какое-то подспудное сверхчувственное успокоение. То же, по-видимому, случилось и с моими... не знаю, как сказать? – одноземлянами. С кавказцем и долго ходящим по Земле римским центурионом по имени Лонгин. Это он сейчас немцем прикинулся, а в ту пору, когда обходил города и веси, кем только не был. Как-то проговорился, дескать, был свидетелем разрушения Иерусалима, в походах Чингисхана ему тоже пришлось поучаствовать.

Я поверил.

Не поверите – я поверил!!

Уверовал!

Не такие уж мы лушпайки мухнорылые, не такие трескослюнявчики клееглазые, чтобы вновь свернуть на проторенную тропу взаимной ненависти.

Но и спускать нельзя!

Вывод напрашивался однозначный. Воздать полной мерой вовсе не означало пускать кровь и стирать народы с лица Земли. Догадка всплыла из глубин неосознанного, из недр общей для всех памяти – даром, что ли, я на сочинительстве зубы съел.

– ...да, спускать нельзя – согласился пришелец. – Вот вы и подумайте, как решить эту виртуальную, да еще и с трагическим подтекстом задачу. Как распахнуть двери? Камо грядеши?

...другими глазами я взглянул на навязавшегося нам на голову планетарного скаута VII класса. Как он, автомат, пусть даже и с намеком на интеллект, – посмел судить нас.

Я насмешливо поинтересовался.

– Ну, и какое решение предлагаешь?

– Не знаю, братцы, – признался пришелец, – но хочу выжить. Если вы втянетесь в склоку ядерного масштаба, если устроите планетарный армагеддон, беды не миновать. А мне нельзя вмешиваться! Синклит запретил. Рениха.

Анзор удивленно спросил.

– Какая реникса?

– Чепуха.

Василь Василич подвел итог.

– Значит, говоришь, распахнуть двери? Проторить тропку в будущее – то есть найти согласие между этим мрачным миллиардером и нашим светлооким письменником?

– И не только между ними, – осторожно вставил Анзор.

– Это само собой, – подхватил дед и с резкостью римского центуриона сделал вывод. – Я вот к чему веду – если разговор о будущем, то будущее – это что? Или кто? Ну, кто реально будет определять наше будущее? Давайте не будем отрицать очевидное,

ведь наше будущее – это наши дети. Интересно, как у Гиллеспи с семейным положением. Какой срок у нас в запасе?

– Два месяца, – ответил я.

– Что ж, не будем терять время. Зови детей.

Глава 8

Необходимость смены парадигмы я остро прочувствовал, когда впервые увидел внука Гиллеспи Тома. Мало сказать, что этот белобрысый, чуть постарше Урганила мальчишка ни секунды не мог усидеть не месте, так он еще был любопытен сверх всякой меры.

Когда в начале августа Мачавариани привез его в Волковойню, он первым делом осмотрел избу, потом, не спрашивая разрешения, полез в подпол. Я едва успел догнать его, однако тот сумел откинуть задвижку на двери, ведущей в Лукоморье и не задумываясь втиснулся в подземный ход.

Выбравшись на берег моря-окияна, Том сломя голову помчался к избе, где его с восторгом встретили Милолика и Урик.

...знакомы всего полдня, а радости! Все-таки какое-то оно не такое, сменяющее нас поколение.

Что-то с ним не так.

Старуха сотворила чудо! Не знаю – «живой водой» или заговоренными травами? А может, чародейными?

Собственно, что еще можно было ожидать от старой, много повидавшей на своем веку русской бабы со странным именем Федора, сумевшей и в барынях побывать, и в царицах покомандовать, и заодно обзавестись новым корытом и новой избой.

Презрительно хмыкнувшая на все лекарственные упаковки, которыми снабдил меня специалист из ракового корпуса на Каширке, она добилась невозможного. Дети перестали кашлять, приободрились, к ним вернулся прежний цвет лица – порозовевшие щеки, неумная подвижность, ссоры – и тут же «миришь, миришь и больше не дерись, а если будешь драться, буду я кусаться».

... я издали наблюдал за ними.

Это была веселая компания. Дети начали гоняться за Лапсиком, который с задраным хвостом играючи удирал от них. Потом Лика и Урганил попросили ученого кота показать тропинку к заветному дубу. Кот повел их в сторону леса. Отправились втроем. Том, оказывается, никогда не слыхал о Пушкине.

У кого поднимется рука на такого невежду?

...во время наступившей паузы я остро прочувствовал, что у меня рука не поднимется дать Томасу гнусную отраву. Это было что-то из области запредельного. Вмешивать мальчишку в гнусные игры

взрослых являлось наичистейшим, не имеющим никаких оправданий, злодейством.

Это было за гранью.

Вот с Гиллеспи можно так поступить. Эта мера была вполне оправданной, полновесно возмещающей нанесенный им и такими как он вред окружающей среде. Не только природной, но вообще... всякой. В том числе и моей. И каждого из нас, имеющего полное право на долю чистой – «живой» – воды, свежего воздуха, кусочек моря, в котором можно искупаться, позагорав на пляже.

Гиллеспи на что рассчитывает?

На безнаказанность?

На всеокрушающую силу денег?

Он уверил себя, что именно в деньгах таится дух всевластия, которому он поклонялся, который, завладев даже вполне разумными и неординарными приматами, – придает им уверенность в праве повелевать всеми и вся? Под воздействием этого демона любой антроп и любые объединения антропов, вплоть до самых могущественных империй, теряют адекватное восприятие действительности.

...только на Гиллеспи это непохоже. Параллельными мирами, духами, всякого рода спекулятивными фантомами вроде НЛО, тем более отвлеченными философскими фантазиями, он никогда не увлекался. В логике и дьявольской расчетливости ему нельзя было отказать.

Правда, в безумии тоже.

В этаким расчетливом, хорошо просчитанном безумии.

На сколько лет рассчитанном?

С какого хрена он решил ввязаться в большую Игру? Сколько лет ему осталось? Совсем немного.

Ну и что! В чем его подспудная цель? Если Гиллеспи и псих, то вполне добропорядочный, и крыша у него съехала по причине... Да мало ли по какой причине у двуногих антропов съезжает крыша.

Я терялся в догадках.

...вспомнил о втором grand-dad – Алане.

Алан Фостер Палмер был арт-диллером и хозяином сети дорогих антикварных магазинов. Мало того, что этот миллиардер оказался ветераном вьетнамской войны, он оказался еще бóльшим оригиналом, чем его свояк.

По статусу Палмер также входил в первую сотню самых богатых людей планеты. Большинство из них были негласно объединены в некий размытый клуб или, если угодно, неформальное сообщество (эксперты называют клуб по-разному – Миркон, Фининтерн, Олимпийцы (Маги)). Их мнение, особенно если по какому-то вопросу оно оказывалось единым, безусловно, было решающим.

...на семидесятом году жизни Палмер внезапно почувствовал себя скверно. Доктора провели полномасштабное обследование и поставили страшный диагноз – рак поджелудочной железы. По прогнозам медицинских светил жить ему оставалось недолго.

Потерявший любимую дочь, миллиардер, не желая банальным образом заканчивать жизненный путь, вот что выдумал.

Он спрятал в горах Йеллоустонского заповедника сундук с антикварными предметами искусства на несколько десятков миллионов долларов. Затем опубликовал книгу, в которой в стихах зашифровал подсказки, разгадав которые, можно отыскать сокровища.

Книга имела оглушительный успех, и после того, как тысячи двуногих антропов ознакомились с литературным экзерсисом эксцентричного провокатора-богатея, они толпами отправились на поиски клада.

Удивительно, но, устроив это шоу, мистер Палмер чудесным образом выздоровел! Несмотря на это, Палмер не стал отменять свое решение, и вот уже почти десяток лет наблюдает за охваченными жаждой наживы искателями сокровищ.

...люди до сих пор берут кредиты в банках, закладывают дома, чтобы закупить высокоточные приборы и другое снаряжение, и толпами отправляются в Йеллоустон на поиски заветного сундука. Только в 2017 году в Йеллоустонском заповеднике побывало более 10 тысяч кладоискателей.

За это время четыре человека погибли, пятеро пропали без вести.

Года три назад, не найдя сундук с сокровищами, кладоискатели сплотились и подали иск в суд, обвиняя мистера Палмера в мошенничестве.

Была создана комиссия, которая провела расследование. По результатам проверки комиссия обнародовала данные, заверив, что сундук действительно спрятан на территории заповедника, а подсказки соответствуют местонахождению сокровищ. Другое дело, что скалистая местность, на которой спрятан клад, занимает примерно 100 тысяч квадратных километров, и добраться туда нелегко, но это не пугает смельчаков.

Родственники погибших призывают Алана Палмера прекратить убийственный квест, о чем следует сделать официальное заявление. Однако сам он не счел это необходимым. В интервью «The New York Times» он заявил «Если люди тонут в бассейне, нужно не осушать бассейн, а учить их плавать». При этом добавил, что подарил людям надежду, а это дорогого стоит.

...когда Томасу исполнилось пять лет, его родители – богатейшие, надо заметить, наследники обоих папенок, – попали в авткатастрофу на федеральном шоссе в Южной Дакоте. Это случилось неподалеку от привлекательного для туристов места Блэк Хиллс, где находится знаменитая, приманивающая тысячи туристов

гора Рашмор, из которой вырезаны исполинские фигуры первых президентов Соединенных Штатов – Вашингтона, Джефферсона, Т.Рузвельта и Линкольна, а также расположено множество интересных местечек вроде старых городков, перенесенных сюда с Дикого Запада, по которым разгуливают переодетые в ковбоев актеры.

...бронированный джипарь на повороте врезался в скалу и разбился всмятку, спасти уже было некого.

...как потом рассказывал Том, «grandpa Jeffrey» держался стойко, а вот другой его granddad, Алан, чья дочь после романтического знакомства вышла замуж за сына Гиллеспи, – рыдал в голос.

Том остался единственным наследником огромного состояния и жил попеременно то у одного деда, то у другого.

К счастью, в тот момент, когда «телефонист» доставил моих детей в городок Волга, где располагалось ранчо Гиллеспи, мальчишка находился у grandpa Jeffrey. Гиллеспи позже признался, что бóльшей глупости он в жизни не совершал.

«... и никто не подсказал, даже этот придурок из Одессы! Не было бы Тома, я бы создал твоим детям такие условия, чтобы ты был бы вынужден согласиться. Но когда этот проныра-светлячок спелся с ними, а это случилось буквально на следующий день, до меня дошло – с этим ничего не поделаешь. Я тут же отправил Тома к старине Палмеру».

Насчет придурка из Одессы я промолчал. Зачем старику знать, что именно Дэниел Карпович навел нас на потайной сейф, в котором старик хранил присланную из ЦРУ отраву.

Удивительно, всю жизнь в Одессе Карповича называли Данькой, Данилкой, а тут, в Штатах, он вдруг стал Дэниелом.

Подловил его Анзор на простейшем «бери-бери», когда с помощью Облака выманил «телефониста» на доверительный разговор.

...они сидели в машине.

Вербовку Мачавариани провел красиво. Карпович, правда, недолго сопротивлялся. Анзор начал с того, что сообщил – ему известно о заведенном на него в России расследовании о мошенничестве с банковскими авизо в крупных масштабах, и о таком же уголовном деле в Штатах, а также о том, что именно он спалил хозяина.

– ...так что выбирай: либо Гиллеспи и окружной прокурор получают весь этот убойный компромат, либо ты раскрываешь интригу с похищением детей.

– Сколько? – сходу поинтересовался «телефонист».

Он же выманил детей за пределы ранчо, где их уже ждали люди Анзора. Оттуда их спешно перевезли в Канаду.

Сверху маршрут прикрывало Облако.

* * *

Спустя сутки после того как Мачавариани доставил Тома ко мне на квартиру, позвонил Гиллесли. Предупредил, что я «ввязался в грязную историю» и предложил вернуть мальчишку. Ради этого он готов прилететь в Россию. Решить вопрос можно было бы в каком-нибудь укромном месте. Главное условие – полная конфиденциальность.

«...ни слова, слышишь, ни единого слова не должно попасть в СМИ. Никакой утечки!»!

Потом предложил на выбор несколько закрытых клубов в Подмосковье.

Мачавариани сходу отверг этот вариант.

– Он на все способен! – заявил Анзор. – Он одолеет любой запрет. Никакая охрана его не остановит. Он явится сюда с мордоротами из своего ЧВК¹, и всем нам будет крышка.

– Что же делать? – растерялся я.

– Сразу вести его в Волковойню, – предложил Мачавариани.

– Как это? – растерялся я. – Сразу на базу?

– Воистину так! – подтвердил Василь Василич, потом пристыдил меня. – С чего ты стихами заговорил – «сразу на базу»! Выше голову, прозаик. Или поручик?

* * *

При первой же встрече в Волковойне наш «old man Bazil» решил сразу произвести на престарелого миллиардера нужное впечатление.

Не прошло и пары минут, как в избе появилось странное, лишенное плоти, существо в одеянии римского центуриона.

Скелет в доспехах.

Сбоку, на левом костлявом плече, висел прямоугольный выгнутый щит. Ребра скелета закрывал кожаный панцирь с нашитыми металлическими пластинами. На поясе, непонятно как державшемся на тазовых костях, короткий меч. На ногах сандалии, ремешки которых странным образом крепились на больших и малых берцовых костях. Ухмыляющийся череп был покрыт древнеримским пехотным шлемом с поднятым вверх забралом. Шлем украшал высокий, поперечный, ровно подстриженный гребень, собранный из

---

¹ Частная охранная компания

выкрашенного в алый цвет конского волоса – знак центуриона. В правой руке скелет держал за ручку огромный станковый бластер. Оружие висело косо, и приклад волочился по каменному полу.

– Это что за чучело? – удивился Гиллеспи.

Челюсть у Василь Василича отпала, потом подскочила и с грохотом защелкнулась. Фавн попытался что-то сказать, однако Гиллеспи перебил его.

– Слушай, приятель, у меня в Лас-Вегасе есть казино. Я бы нанял тебя стоять у входа и щелкать челюстью. Можешь и ножнами по щиту ударить или бластером пугать. Какова твоя цена?

В следующее мгновение Крайзе принял обычный вид и, подсев за стол, погрозил ему пальцем.

– Попался бы ты мне лет этак... две тысячи назад, я бы тебя, акулу капитализма, вмиг на кресте бы распял.

Я кивком подтвердил.

– Этот может. У него не все дома, так что вы поосторожней.

Гиллеспи пожал плечами.

– Мы с тобой, приятель, такое шоу соорудили бы. Нет так нет.

Да Бог с ним, Гиллеспи!

Я поинтересовался – извещен ли второй дедушка о похищении внука и о том, что сам Гиллеспи прибыл в Россию?

– Нет, – решительно заявил гость. – это исключительно мое дело. Посторонние знать о нем не должны.

– Разве мистер Палмер посторонний? – удивился я.

– Нет, он чистоплюй. Порой он становится неумеренно брезглив. Где Том?

...между тем Гиллеспи, почувствовав себя раскованней – то есть миллиардней, – продолжил настаивать на встрече с Облаком. Он приводил доводы, обещал солидное вознаграждение, угрожал, взывал к разуму.

В этот момент крышка, закрывавшая вход в подпол, откинулась, и наследник двух многомиллиардных состояний выпрыгнул в избу. Вслед за ним выбрались Лика и Урганил, тащивший Лапсика на плече.

Увидев старика-богатея, дети попятились.

Том придержал их. Он бросился к деду и заявил.

– Grandpa, ты бы только видел, какой там кит? А это мои друзья. Ну, ты с ними знаком. Кто такой Пушкин? Почему ты мне о нем не рассказывал, ты же понимаешь по-русски.

Гиллеспи не ответил. У него начали подрагивать правое веко. Даже огромный кот не заставил его справиться с тиком.

Старик некоторое время тупо разглядывал эту картину, потом неожиданно достал мобильник и что-то коротко приказал.

В окно я увидел, как из-за ближайшего заброшенного дома на проезжую дорогу начали выбираться люди в камуфляже, затем из кустов выкатила пара громадных внедорожников.

Гиллеспи поднялся и направился к выходу. На пороге попросил отпустить Тома на родину. Я снизошел, только поставил условие чтобы мальчишку доставили к Палмеру. Гиллеспи кивнул и добавил – только Алану ни слова, – затем не прощаясь вышел из избы. Он сел в передний джипарь, наемники во второй и тут же, подняв столбом пыль, машины укатили.

Я взглянул на Василь Василича.

Он сидел тихо, как мышь. Словно притаился за столом.

Стало слышно, как постукивают ходики.

В зеркале очертилась жуть-маска, напыленная на расплывчатое изображение лысоватой головы с выступающими из-под маски длинными усами. Затем голова начала медленно оформляться, обрела объемные формы, выдвинулась из стекла и, подтянув крупное десантное тело, не спеша устроилось рядом с Василь Василичем.

Я вздохнул.

– Охота тебе играть в такие игры. Ведешь себя как мальчишка. В детстве не наигрался?

– Да, не наигрался, – признался вундербот. – У меня детства по существу и не было. Семнадцатый и Семнадцатый.

К нему неожиданно подошел кот и взобрался на колени.

Вундербот вздохнул и добавил.

– И кота не было.

Дети убежали на улицу. Я было вострепнулся и дернулся вослед, однако Василь Василич жестом остановил меня.

– Не суетись. Сердце подсказывает – никто на них не посягнет.

– Сердце тебе больше ничего не подсказывает? – поинтересовался я. – Насчет этого богатея с бандитскими замашками?

– Нет, больше ничего.

– Я тоже не допер, – вступил в разговор вундербот, – чего он с места сорвался? Слушай, дед, а может, мне с ним встретиться?

– Встретиться надо! – ответил Василь Василич. – только не с ним, а с Карповичем. Пусть расскажет, что они там задумали?

Мы с вундерботом переглянулись – мудёр, дедуля. Действительно, почему бы нет?

К вечеру, обдумав что и как, мы связались с Мачавариани. Облако тоже согласилось сгрудиться над ранчо Гиллеспи.

...ответ Карповича обескуражил и повеселил.

«...шеф заявил – сделаю последнюю попытку. Представлю-ка я им список вопросов, ответив на которые они могли бы крупно заработать. Пусть сделают так, чтобы китайцы не отвернулись. Если те откажутся, значит, эти так называемые хранители – конченные

придурки. Зачем с ними связываться? Они до сих пор с котами играют».

* * *

Уже на следующий день Гиллеспи прислал список предложений, в которых мы – главное, Облако – могли бы сотрудничать.

Список сразил нас наповал.

Начинался он с предложения принудить Китай к такому решению мировых финансовых проблем, какое устроило бы «все заинтересованные стороны».

Дальше – больше.

Второе предложение сводилось к приглашению Облака поучаствовать в грандиозном шоу, которое должно было принести очень хороший доход.

Более бредового сценария я еще не встречал.

...Гиллеспи принимает вызов Палмера и организует экспедицию по поиску спрятанных сокровищ. В экспедицию должны войти ведущие специалисты по геологии, археологии и другим дисциплинам. Организацию рекламного обеспечения Гиллеспи брал на себя.

В процессе поиска экспедиция натывается на странный артефакт возрастом несколько сотен миллионов лет. При углубленном изучении выясняется, что это термоядерный заряд, заложенный побывавшими на нашей планете инопланетянами.

Теперь вся Земля находится под угрозой геологического катаклизма и чтобы спасти планету, необходимо привлечь Облако. Конечно, за солидное вознаграждение.

В результате Облако обзаводится приличным начальным капиталом, который поможет ему запустить свои стартапы. В случае каких-либо осложнений с «внешними силами» (читай – попечителем) земная общественность будет ходатайствовать о снятии с космического гостя обременяющих его обязательств перед галактическим синклитом.

В шоу также предлагалось задействовать некое таинственное существо из числа хранителей, обладающее редким даром перемещаться в самых ядовитых средах. Его услуги тоже будут хорошо оплачены.

Издевательская усмешка, скрытая в этом гнусном предложении, покорила меня. Он был убежден, никто из землян не сможет отказаться от таких денег.

Последнее предложение на фоне прежних, бредово-фантастических заморочек внешне выглядело пустяшным. Гиллеспи просил разрешения позволить его специалистам проникнуть в ледяной схрон в Антарктиде и взять пробы воды из водоема, являющегося базой данных планеты Земля. Образцы этой жидкости

якобы помогут прогрессу земной цивилизации и помогут решить многие социальные проблемы.

Какие именно, Гиллеспи не уточнял. Понятно почему – прогресс и связанные с ним моральные проблемы его не интересовали, а вот использовать звездные наработки в области хранения информации – это был выгодный бизнес.

...мнения разделились.

Я лично выразил сомнение, что в небольшом озерке, пусть даже наполненном «волшебной» водой, может разместиться память о всей геологической, климатической и социальной, включая происхождение жизни, истории Земли.

– Хватит сказки рассказывать! Я же был там – озерко с гулькин нос. Конечно, H₂O очень емкий носитель, но все-таки одного водоема для всей истории Земли маловато.

Неукротимый Монументал снисходительно улыбнулся.

– Как вы цените себя, прямоходящие! Как гордитесь собой! Сжились с легендой о своей исключительности. Вам в партнеры океан подавай что-нибудь вроде Соляриса, а тут какой-то занюханный водоем.

Я изумился.

– Ты на что намекаешь? Неужели Солярис существует в реальности?

Монументал засмеялся, подкрутил ус.

– Что Солярис! А Вселенную как разумное ультрасущество слабо вообразить? Как некий Мегасимфониан! Помню, нас еще в космолоте, на курсах повышения квалификации, учили – если кому-то в голову взбрела пусть даже самая завиральная идея – такая, например, как разумный океан, – значит, эта причуда непременно где-нибудь да когда-нибудь воплотится, иначе нет смысла говорить о вечности как основе мироздания. Наша задача – то есть вундерботов разных классов, – как раз и заключалась в том, чтобы бдить за системностью и порядком воплощения.

– Прекратить! – возмутился Василь Василич. – Что вы за люди такие! Сражаясь за общечеловеческие интересы, нельзя замыкаться на хиханьках и хаханьках. О завиральных идеях потом, а сейчас-то что делать? Послушай, горемыка, – обратился он к Монументалу, – схрон твой?

Монументал кивнул

– Озеро твое?

Еще один кивок

– Вот ты и принимай решение.

Монументал пожал плечами.

– Мне-то что! Пусть возьмут пробы! Не знаю, чем им это поможет. Тем более, что доступ к информации закодирован, да не вашими примитивными шифрами, а нашими древними. Служебными. А насчет какой-нибудь провокации, у меня там все схвачено.

Когда разговор коснулся «таинственного существа», я выразил решительный протест и заявил, что никогда не соглашусь на такое бесцеремонное вмешательство в мою личную жизнь.

– Хватит с меня Ленкиной командировки на Мауну-Кену. Больше за порог ни шагу. Дети подрастают, по маме соскучились.

Общее мнение хранителей выразил Оладий Потяевич, в кои веки отважившийся покинуть заветный уголок в сосновом бору и появиться в человеческом жилье, где озвучил волю всякого рода видимо-невидимых, слышимо-неслышимых, потаенных существ. Список он предложил проигнорировать, а насчет антарктического подледного озера согласился с Василь Василичем – схрон инопланетного гостя? Вот пусть он и решает.

Глава 9

Я решил сам отвезти Тома к Палмеру. Визу мне дали на удивление быстро, что однозначно свидетельствовало, Гиллесли – это только верхушка айсберга. Кто-то в Мирконе, сплотившись, решил повести наступление на инопланетного гостя и, если не принудить его к сотрудничеству, то держать под контролем.

Прощание было недолгим. В аэропорту дети сцепили мизинцы затем, для закрепления дружбу помахали ими три раза, хором повторяя странное заклятье, которое мне еще не доводилось слышать: «...дружись, дружись, дружись, на всю большую жись!» – и мы с Томасом направились в зону вылета.

* * *

Алан Фостер Палмер проживал – точнее, владел резиденцией в богатом пригороде Сиэтла Магнолии-дистрикт. Резиденция представляла собой увесистый каменный двухэтажный дом, широковатый за счет боков-ризалитов и неожиданно простеньким, что было неожиданно для богатого антиквара, треугольным фронтоном с крыльцом в пару ступенек.

Район Магнолия являлся идеальным на старости лет убежищем для состоявшихся американцев или, как они себя в шутку называли, – «братством схвативших судьбу за усы».

Здесь было тихо, безлюдно, практически безавтомобильно.

По вечерам сколотившие состояние пенсионеры из городской администрации, руководители, входившие ранее в советы директоров, частные предприниматели; ушедшие на покой теле- и радиоведущие, успешные менеджеры из верхушки инженерно-технического персонала, а также кое-кто из университетских профессоров, – отправлялись на прогулку в парк Дискавери полюбоваться закатом.

Местной достопримечательностью здесь считалось здание Публичной библиотеки с бронзовой настенной скульптурой,

названной «Деятельность Мысли», а также памятник Ленину¹, однако самым привлекательным местом, негласно привлекавшим внимание многочисленных туристов, считался дом, в котором была якобы убита героиня сериала «Твин пикс» Лора Палмер. Особый, подспудно-криминальный аромат этому строению придавало то, что как раз неподалеку располагалась резиденция миллиардера Алана Фостера Палмера, по слухам якобы активно спонсировавшего съемки этого известного на весь мир сериала.

...был Алан высок, усат, широкая кость и внушительная голова с нестриженными, но ухоженными седыми кудрями.

Взгляд насмешливый. Поглядывает и как бы спрашивает – «что ты можешь мне предложить. Давай выкладывай, не стесняйся».

При знакомстве Палмер с ходу отверг всякие намеки на его причастность к «Твин Пикс» как продюсера, консультанта или закулисного спонсора, пожертвовавшего свою фамилию для якобы тончайшего намека на причастность к этой фантастической истории.

В сериале рассказывалось о происках таинственных злодейских существ, умевших ловко обращаться с «наивной» девушкой, не ведающей, что зло порой таится в самых неожиданных местах, особенно под покровом чистейшей благодати и доброжелательности.

Палмер признался, что ему вполне достаточно развлечений, доставляемых знаменитым приколам с кладом.

Мне было что возразить скромняге-миллардеру насчет его выдумки, которой он позабавился на склоне лет. Прежде всего, я заверил, что мне и моим друзьям хватит недели, чтобы отыскать заветное место.

Палмер заметно опешил, услышав такое наглое заявление, однако повел себя не в пример своему свояку Гиллеспи в рамках приличий. То есть не стал вступать в спор, предлагать подтвердить это заявление поисками на местности. Он просто пожал плечами и, по-видимому, решил на этом закончить сцену встречи внука, вырванного из лап русских мафиози, включая некоего таинственного инопланетянина, – однако ситуацию спас Том.

Этот пацан, поднабравшись от своих дружков в Волковойне местных приемчиков, на полном серьезе предложил грэнддеду принять мое заявление как основу для переговоров. При этом девятилетний мальчуган привел серьезные доводы в пользу такого отношения к дурно пахнущей шутке с сокровищами.

Палмер был заметно сбит с толку. Он сменил гнев на милость и пригласил меня на обед.

---

¹ Когда-то памятник стоял в словацком городе Попрад, но во время «бархатной революции», после краха коммунистов, его увёз в Сизтл учитель английского Льюис Карпентер, заплативший за статую \$13 000. В Сизтле был большой скандал по поводу установки памятника. В 1994 году Карпентер погиб в автокатастрофе, однако памятник всё же водрузили на одном из перекрёстков дистрикта. Сейчас семья Карпентеров пытается продать Ленина за \$250 000.

Обедали мы в местном ресторане, небогато обставленном и совершенно пустом. Нам отвели отдельный кабинет. Обед тоже оказался вполне средним. Меня удивил, а Тома обрадовал гороховый суп-пюре а также макароны с сыром, не считая нескольких сортов пиццы, что позволило мне окончательно прийти в себя – как же, обедаю с миллиардером! – и пояснить свое вызывающее заявление.

– Господин Палмер...

– Алан – перебил меня хозяин.

Я отрицательно повел рукой и предупредил.

– Пока, Алан, я буду называть вас господин Палмер. У меня и в мыслях не было обидеть вас или намекнуть на некую инопланетную силу, которое якобы стоит у меня за плечами. Ничего подобного! Хотя тень присутствует, я тем не менее испытываю неоднозначное отношение к вашей шутке. Не об этом речь. Вопрос заключается в другом – если некое существо – скажем, ультрасущество, – примет участие в поисках сокровищ, будет ли это считаться нарушением условий поиска и тем более вмешательством в земные дела?

Насколько мне известно, данное вами разрешение снимет все вопросы с вмешательством. В любом случае ваше отношение к моему предложению очень важно для нас. Где та грань, которая отделяет Облако от участия в земных проектах – точнее, проектах Гиллесли и в поисках вашего клада?

– Что же такого невероятного и опасного предложил вам Джеффри? Принудить китайцев сделать юань мировой валютой? Вернуть замороженного Очагова? Тем, что похитил ваших детей? Кстати почему вы не привезли их вместе с Томом?

Том сразу закричал.

– Я их уговаривал. Я и кота уговаривал, а они ни в какую!

– Какого кота? – удивился Палмер.

– Лапсика! Во-от такого! – Том раздвинув руки, воочию показал размеры кота ученого.

Палмер пожал плечами.

– Мэйн-куна, что ли?

– Какой мэйн-кун! Лапсик раза в два больше любого мэйн-куна.

– М-да, – кивнул Алан. – Интересно было бы посмотреть. А потомство у него есть?

– Нет, – я отрицательно покачал головой. – Он ходит по золотой цепи, натянутой на дубе, и рассказывает сказки.

– И что? Что мешает ему обзавестись потомством? Я был бы не против пройти по улочкам Магнолии в сопровождение кота ростом с овчарку.

– ...и устроить рекламную фотосессию, а потом продавать котят? – съехидничал я.

Том восхитился.

– Я организовал бы ферму.

Палмер похвалил внука.

– Правильно мыслишь.

Я откровенно скис. Американ бой есть американ бой, и ничем из них эту блажь не выбьешь.

Неожиданно Палмер успокоил меня.

– Мы шутим. Мы с Томом любим пошутить. Так что насчет предложения Джеффри?

Я вздохнул.

Я был действительно выбит из седла. Я не знал, как начать операцию по сохранению древних подспудных ценностей, всевозможных пространств чернокнижья, где обитают чистые и нечистые силы, но главное – сохранению исконного вектора движения человечества.

– Боюсь, – признался я, – нам будет трудно найти общий язык с выдумщиком, пославшим в Йеллоустон десятки тысяч охваченных жаждой наживы антропов.

– Я их не посылал! Я дал им право выбора. Вы тоже начали с того, что согласились принять участие в этом исходе. Я всего-навсего раздвинул море и открыл проход, и я не отвечаю за тех, кто счел себя избранным и двинулся напрямую к заветному кладу.

После затянувшейся паузы, во время которой я осознал, что в его словах есть доля здравого смысла, так что хитрить было бессмысленно.

– Так в чем проблема? – оборвал паузу Палмер.

Я признался.

– Хранители пришли к выводу, что Гиллеспи тянет всех в бездну. Он пытается исключить из человеческого общения вектор согласия и заменить его иерархическим принципом. Его цель – сохранение власти нескольких могущественных семей над остальной массой соотечественников.

Палмер поморщился.

– Звучит красиво, но бессмысленно. Если даже Гиллеспи свихнулся на попытке, как вы выражаетесь, сохранить власть немногих над многими, мой пример опровергает ваш тезис. Ваша попытка установить согласие между людьми является еще более надуманной идеей, чем попытка Джеффри организовать население Земли по ясному и проверенному историей принципу. Да, иерархически! Да, с многочисленными жертвами, но в результате получится хотя бы какая-нибудь, пусть и кровавая, стабильность.

– Не получится! – возразил я. – Иерархия – дело прошлого. Ее время истекло. Пришел черед заглянуть за горизонт.

– От меня-то что вы хотите? – засмеялся Алан.

Томас подсказал.

– Не приставать к Облаку.

– То есть сохранить статус-кво? Задача невыполнима!

Он ткнул в меня указательным пальцем.

– Если вы решили, что все серьезные люди поддерживают Джеффри, вы ошибаетесь. Он безусловно одержим. Я так говорю, потому что знаю. Этот бизнес безусловно приведет к непредсказуемым последствиям. Я, например, занимаюсь *торговлей*,

как бы вас не коробило такое словоупотребление. Да, я торгую произведениями искусства и уверен, что только *торговля* способна спасти все эти нарисованные, сочиненные, вылепленные сокровища; все эти пусть порой и наиглупейшие артефакты вроде кроссовок того или иного знаменитого баскетболиста, окурков Черчилля или, например, скафандр Гагарина – для потомства.

Теперь он указал на Тома.

– Для него.

– И для Милолики и Урганила, – подхватил Том.

Алан вопросительно изогнул бровь

– Это кто?

– Мои дети, – буркнул я.

– А-а, – кивнул Палмер. – От космической девы?

Я кивнул. Только кивнул, потому что воспоминание о Ленке резануло по сердцу. Это же воспоминание заставило меня успокоиться.

– Я вовсе не имею в виду исключение иерархического принципа. Я веду речь о способности – или обретении способности! – договариваться. О согласии.

– Об этом мы поговорим завтра, – предложил Палмер. – Для меня как практичного и успешного американца было бы желательно лично пообщаться с Облаком. Могли бы вы пригласить его на завтра.

Неожиданно шторка отодвинулась и в кабинет вошел длинноусый гражданин, одетый в форму десантника.

– Почему на завтра? Давайте поговорим сегодня. Сейчас! – затем он обратился ко мне. – Люди Гиллеспи выкрали Очагова.

Часть II. Цветы зла

От оживших мертвецов лучше всего спастись в супермаркете.

Аномальные новости, №27. 2011 г.

Мы решительно осуждаем вас за то, что вы поступили как мы. Это аморально... Мы решительно осудили бы вас, если бы вы поступили не как мы. Это тоже аморально. И даже если бы вы вообще никак не поступили – мы бы тоже вас осудили, потому что бездействие аморально.

Из комментариев западных политиков.

Глава 1

– Воистину так! – заявил вошедший вслед за Облаком Василь Василич. – Хватит хиханек и хаханек! Теперь не время отрицать очевидное!

Я не мог скрыть сногшибающего изумления и, поддавшись гневу, решил на время отринуть очевидное.

Обращаясь к Облаку, выругался.

– Что ты вырядился как в дешевом телесериале! Хватит нам десантников, охранников, крутых киллеров, героев-оперативников и всяких прочих монстров. Этот прикид уже всем до смерти надоел. Ведь ты у нас по меньшей мере романтический герой. Неповторимый и единственный! Что-то вроде Овода, Спартака, Че Гевары, а ходишь в каких-то пошлых, истасканных обносках. Так и перся в них через границу?

Инопланетянин обиделся.

– Все эти ваши выскочки вроде Чегевар и Александров Македонцев мне отвратительны. От них так и разит неумемной гордыней, пренебрежением долгом и насмешками над дисциплиной. А через границу я не перся, а перелетел по праву инопланетного гостя, и в чем хочу, в том и летаю.

– Тогда примерь костюм инспектора Беликова! – раздраженно заявил я. – Или вырядись как Брак! Ассессор Брак – человек лет сорока пяти, приземист, но хорошо сложен, с мягкими элегантными движениями. Лицо округлое, с благородным профилем. Волосы еще почти черные, коротко острижены и тщательно завиты. Живые бойкие глаза. Заметь, брови густые. Усы тоже густые, с подстриженными кончиками. Одет для своих лет скорее изящно, чем молодежavo. Прибегает к помощи пенсне, которое время от времени сбрасывает.

По мере того как я описывал известный литературный образ, вундербот менял свою внешность, вот только от пенсне решительно отказался.

– Не идут мне эти стекляшки, тем более круглые, темно-синие. Мелковаты для меня.

– Мелковаты? Много ты знаешь! Известно ли тебе, что человек-в-футляре по фамилии Беликов всего себя отдал делу народного образования? Он даже завещал свое немалое состояние местному гороно.

– Ты смеешься надо мной?

– Нет. Пытаюсь понять, с какой целью ты сменил гнев на милость и потихоньку втягиваешься в наши земные дела. В самые грязные дела!

– Кот посоветовал. Намекнул – хочешь жить, умей вертеться, коготок увяз, всей птичке пропасть, назвался груздем, полезай в кузов. И еще две тысячи пятьсот семьдесят семь советов, притч и пословиц. Это такой груз. Кстати, вашего кота-говоруна, названного твоими отпрысками Лапсиком, тоже издавека занесло. Не его самого, конечно, а далеких предков.

Я уставился на вундербота.

– Ты хочешь сказать, что вся эта кошачья свора, вторая по численности на нашей планете, межзвездного происхождения?

– Именно это я и хочу сказать. У них есть космические гены. И если они сумели приспособиться, влиться, так сказать, в суровые будни вашей планеты, в трудовой производственный ритм, мне и подавно нет смысла выделять из себя романтического героя типа «вы все толпа, а я герой».

Я искоса глянул на Палмера.

Тот с интересом прислушивался к нашей перепалке, потом поинтересовался.

– Что там насчет космического парня из вашей, – он кивком указал на инопланетянина, – компании? Интересно, зачем Гиллеспи понадобился живой труп?

Я пожал плечами, а вундербот многозначительно снял котелок. Вероятно, обиду он решил выразить таким странным способом. Я вздохнул – ему еще было далеко до окончательного вживания в земную реальность. Подождав немного, он вновь надел котелок.

Я подсказал.

– В помещение в головном уборе не сидят.

Тот не ответил и погрузился в размышления.

Финал этой нелепой сцене подвел Палмер.

– Вот когда разведаете, что задумал Джеффри, тогда и поговорим.

* * *

Вернувшись в Волковойню, несколько дней мы пребывали в раздумьях.

Точнее в растерянности.

Вопрос действительно не в бровь, а в глаз – что задумал этот финансовый гений, миллиардер, фанат капитализма и филантроп? Пусть даже я утрирую, но Гиллеспи оказался очень крут. И, к сожалению, в вопросах сохранения своей доли в земных богатствах чрезвычайно религиозен. Такие, как он, просто так свой кусок не отдадут.

Это осложняло дело.

Мы перебрали множество вариантов. Все они сходились к одному – мы слишком мало знаем о планах Гиллеспи. Точнее, ничего не знаем, кроме разве что общих слов о «принуждении к сотрудничеству», «нам можно, вам нельзя», «мы несем свет миру, этот свет покорит всех», «если вас бомбят, так это исключительно для вашей же пользы», или, что еще убедительней, «наши действия отражают общее умонастроение всех землян».

Впрочем, о Алане Фостере Палмере мы тоже практически ничего не знали.

– А надо бы! – заявил Василь Василич. – Его позиция обнадеживает. Если он полагает, что *торговля* произведениями искусства – единственный способ спасти их от гибели, в этом есть положительный момент. Такой человек никогда не согласится на планетный Армагеддон. В этом случае от всех его усилий останется пшик. Кроме того он сам по себе мужик стоящий. Воевал во

Вьетнаме; призвали – пошел, а мог бы увильнуть. Фронтовикам я верю. Да и эта афера с сокровищами в Йеллоустонском заповеднике, – дед не договорил и покрутил пальцами в воздухе. – Придется тебе, Мишаня, взять его на себя, а мы тут с инопланетным гостем сами насчет Гиллеспи покумекаем.

Я решительно отказался.

Была середина августа. Скоро детям в школу, надо покупать форму и всякие иные причиндалы; мамыши нет, а мне, значит, – «...лети за тридевять земель в тридевятое царство и ищи то, не знаю что».

Склоняй миллиардера к сотрудничеству!

Я предложил задействовать хранителей – обитавших в тех местах индейских духов, где когда-то жили индейцы якима и модок. Там, заявил я, еще сохранилась сила – сила молний, сила огня или на худой конец сила воды.

Василь Василич стукнул кулаком по столу.

– Хватит заниматься болтовней!

Затем обратился к помалкивающему в углу инопланетянину.

– А ты чего нос повесил! – упрекнул его дед. – Смотри, а то совсем в муть обернешься.

После паузы добавил.

– Палмер держит нейтралитет, но за внука, за картины и прочие раритеты любому голову расшибет. Посягать на его бизнес он никому не позволит, Если, спрятав сокровища в Йеллоустоне, он заявляет, что поступил так исключительно ради того, чтобы *подарить людям надежду*, значит, ему не безразлична их судьба. Его надо убедить, что игры закончились. Теперь не время отрицать очевидное. Гиллеспи и иже с ним вступили на тропу войны. Пусть Палмер прикинет, чем это грозит ему и его внуку. Так что, товарищ беллетрист, собирайся в Сиэтл.

– Один?

– Воистину так, а чтобы Палмер стал сговорчивей, необходимо отыскать клад.

Он обратился к Монументалу.

– Это и тебя касается.

* * *

Я явился в Палмер-хаус под вечер, выложил на стол фотографии времен вьетнамской войны. Сверху лежал снимок обнаженной вьетнамской девочкой, тело которой было наполовину сожжено напалмом.

До костей!

Девочка уже не плакала, просто смотрела в упор. Зрачки были расширены до умопомрачительных размеров.

Или сногшибающих.

Заглядывающих в самую душу.

Далее были собраны уже примелькавшиеся изображения американских солдат в камуфляже. Какой-то юнец в лейтенантском кепи пальцем указывал на сожженную деревню.

На одной из фотографий был изображен сам Палмер – еще молодой, крепкий. Он прятался в кустах и покуривал.

Просмотрев фотографии Палмер не дрогнул, просто отложил снимок с сожженной девочкой.

– Я этим не занимался.

– Другие занимались.

– Хорошо, поговорим завтра. Я собираюсь на рыбалку. Если хочешь, поедem с нами.

Том принялся горячо уговаривать меня.

– Дядя Миша, поехали? Тут в заливчиках такой лосось ловится. Такие попадают поросята! Мы однажды поймали на тридцать четыре фунта. Правда, granddad.

Я всегда поражался, насколько быстро Томас освоил современную русскую подростковую речевку. Понятно, у него была основа, заложенная Гиллеспи (из практических соображений), тем не менее его способность к языкам была поразительна.

– Прости, Том, но ты останешься дома. Мы поедem вдвоем, – заявил я.

– Daddy... – чуть не плача попросил мальчик.

– So it's necessary, grandchild – ответил Палмер.

Том с надеждой глянул на меня.

Я подтвердил.

– Так надо, Том.

...вечером у костра я поинтересовался, как совместить страдания вьетнамской девочки и вызывающий тест на сообразительность, с помощью которого Палмер решил «подарить людям надежду»? Есть ли между ними связь? В какую умопостигаемую или хотя бы нравственную парадигму их можно было бы вписать,

Палмер пожал плечами.

Я настойчиво продолжил.

– Согласись, если связи нет, если это неизбежность, у нашей расы нет будущего.

– Ты хочешь сказать, что знаешь ответ? Или веришь, что знаешь?

– Я верю в согласие, – ответил я. – И знаю – иного пути нет.

Палмер усмехнулся.

Я попытался объяснить.

– Представьте афганского талиба, дискутирующего с членом Шведской гуманистической ассоциации. Не надо объяснять, насколько разнятся их мировоззренческие позиции: что для одного – утопия, для другого – антиутопия, что для одного свет в ночи, для другого происки шайтана.

Понятно, что никто из них не согласится даже на компромиссные решения – например, разрешить девочкам получать образование, но

только до девятого класса; или шведским девочкам разрешить получать образование, а мусульманкам – нет.

...талиб может (должен) рассуждать следующим образом – если его религиозные взгляды истинны (а в этом он убежден) и если имеются серьезные основания для их принятия (в чем он также убежден), – тогда человечество в итоге их признает. Только людям надо стать менее предвзятыми, тратить больше сил на изучение священных текстов, уразуметь наконец, как устроен мир, правильно расставлять приоритеты, избавиться от иррациональной воинственности, ну и так далее.

Гуманист точно так же решит, что в конце концов человечество в конечном счете станет руководствоваться принципами, которые придерживается он. Следовательно, одну точку соприкосновения мы нашли.

Палмер засмеялся и пожал плечами.

Я продолжил. Мне нельзя было останавливаться, тушеваться, финтить, прятаться за иронию. Речь шла о будущем моих детей.

И ваших тоже!

– ...но, соглашаясь на это условие, у каждого из оппонентов неизбежно возникает проблема – как воздействовать на собеседника, чтобы он принял твою точку зрения? Как ускорить этот процесс?

Может, для начала не отвергать чужое мнение?

Иначе как добиться победы?

...если никто не желает сгнуться в ядерной войне, климатическом апокалипсисе или страшной пандемии, причем со всеми, кто ему дорог, со всем, что ему дорого – он вынужден согласиться с тем, что *храня свое, не отвергай чужое*.

Пауза

– Если «кто-то», – продолжил я, – готов погибнуть и погубить *других*, этот случай клинический. Ведь неизбежно возникает убойный вопрос – так ли он уверен в своей правоте, если готов пожертвовать жизнями *других*. Если да, значит, он не уверен в своей правоте. Значит, он достоин проклятья.

Палмер промолчал, поворошил угольки в костре.

– Да, задача сложная, – подтвердил я. – Идеальная, практически невыполнимая. А кто сказал, что нам придется решать только «выполнимые» задачи?

– Это все слова, а что вы можете противопоставить Джеффри? Своего инопланетянина? Насколько мне известно, ему строго-настрого запрещено вмешиваться в наши земные разборки.

– В разборки – да, в наблюдения – нет. Мы, например, знаем координаты места, где спрятаны ваши сокровища.

– Неужели? – засмеялся он. – Докажите. Пешком пойдем?

– Нет, на вертолете.

– Кто будет оплачивать вертолет?

– Если я правильно укажу место, вы. Если неправильно – я.

Сначала на частном самолете Палмера добрались до Коди, местного аэропорта в Йеллоустоне, там пересели на вертушку.

Я, соображаясь с неслышимыми подсказками Облака, указывал курс. Легчик осторожно спустился в каньон реки Йеллоустон и на безопасном расстоянии до скалистых откосов помчался на север. Скоро внизу открылись пенящиеся каскады Верхнего водопада затем миновали гигантский сброс воды, называемый Нижним водопадом. Здесь поток обрушивался вниз почти на сотню метров. Уже через несколько километров горная река заметно успокоилась, и я указал Палмеру на небольшую заводь, образовавшуюся в углублении двух скалистых ребер.

– Клад, – пояснил я, – на дне этой заводи. Там начинается подземный грот. Спускаться будем?

Палмер отрицательно покачал головой.

Он оплатил аренду вертолета.

* * *

Вернувшись в Сиэтл, нам пришлось долго отыскивать Тома, не простившего меня и деда за то, что мы не взяли его на рыбалку.

Нашли его в правом крыле здания, в котором когда-то жила и растила Тома дочь Палмера, погибшая в автомобильной катастрофе.

Мальчик прятался в материнской комнате. Валялся на ее кровати, уткнувшись лицом в подушку.

...обижался недолго.

Стоило мне упомянуть, что мы успешно выполнили одно сверхсекретное задание, на которое – уж ты прости! – дети до шестнадцати лет не допускаются, как он сменил гнев на милость.

– Это вы с помощью *uncle extraterrestrial* проделали?¹

Я поперхнулся.

У Алана вытянулось лицо.

– При чем здесь инопланетянин? – осторожно поинтересовался я.

– Вы что, ничего не знаете. Он теперь в Волковойне поселился. Горюет, почти что плачет. Совсем загрустил.

Я уставился на мальчугана.

– С чего бы Облаку на землю спускаться? Тем более заливать слезами?

– Он не может попасть в свой подледный схрон.

Я замер.

– Как это?

– Сами почитайте.

Он протянул мне свой навороченный смартфон.

---

¹ Дядя пришелец.

От кого: Милолика

Тема: минирование убежища

Дата: 23.08. 23.05

Кому: Томасу Эдварду Палмеру

«Тёмка, представляешь, здесь столько всего случилось, что только держись. Позавчера ночью к нам в Волковойню приперлось Облако. Разбудило всех, начало жаловаться, что вход в подледный схрон ему, Необоримому Монументалу, стал недоступен, и для того, чтобы попасть на базу, он должен выполнить какие-то условия.

Инопланетянин не может понять, кто посмел ставить ему условия? Кто отважился перекрыть ему, Могучему Психопомпу, вход в его собственное убежище для подзарядки?

Дед Василий тут же отправил нас в подпол – отправляйтесь к старику и старухе, отдохните, они вас спать уложат! – но мы и оттуда различили, как чужака психовал по поводу нарушения джентльменского соглашения с благотворительным фондом «Север – Юг». Ему было твердо обещано – при условии невмешательства в земные дела свобода передвижения и зарядка в собственном убежище ему будет обеспечена.

Дед Василий попросил не пороть горячку – давай, говорит, все разложим по полочкам, иначе мы никуда не придем. Потом спросил – кто ставит условия?

Облако окончательно запсиховало – он сам не знает, сообщение пришло через интернет.

...хорошо. Тогда скажи, почему ты, такой могучий, такой инопланетный, внутрь попасть не можешь?

...потому что все входы запечатали какими-то навороченными гаджетами. Стоит только кому-то сунуться внутрь, как в ледяной полости раздается термоядерный взрыв.

...Облако особенно подчеркнуло – в ментальном сообщении так и сказано: «термоядерный взрыв»!

...другими словами, кто-то установил термоядерную мину под его зарядную станцию?

...именно так, подтвердил инопланетянин.

...это я понимаю, заявил дед Василий. Я другого понять не могу – почему ты такой могучий галактический Монументал не можешь попасть в свою подледную зону?

...потому что мина работает при попытке проникновения на объект любого материального объект, от элементарной частицы до крупного вещественно предмета.

Дед удивился – как это?

...а вот так! Стоит только сунуться в любое входное отверстие и все. Бум!..

...дед заявил – здесь без Очагова не обошлось. Значит, это очередные происки Гиллеспи. И что он требует?

...встречи.

Мы с Уркой посовещались с котом, что такое интерментальная связь.

Тот нахально заулыбался – а вы чем занимаетесь? Старших мр-р-р... через все преграды подслушиваете? Нехор-р-р-ошо.

Я его за хвост дернула – поерепенься еще.

Лапсик зевнул, потянулся и подтвердил – в сказках такое бывает. Слыхали наверное, как Иван-царевич в колодец провалился. Летел, летел и оказался в подземном царстве. Я сейчас мр-р-р-расскажу.

Урка его за хвост – некогда.

Тот и объяснил. Это подземное царство называется нижним вакуумом.

Или вечностью...

Любой материальный объект можно разложить до уровня первочастиц – инфонов, вот только восстановить первоначальное тело из сгустка первочастиц дано не каждому. Доведенное до уровня сгустка информации тело ничем не остановить – массы у него нет, заряда нет, спина нет, цвета нет, одна информация.¹

Потом котяра завел песню, как это прекрасно перемещаться вне времени и материального пространства. Там ты попадаешь в царство квантовой нелокальности. Вообрази, Тёмка – можно одновременно оказаться в двух разных точках, расположенных на невысказанном расстоянии друг от друга.

Урик сразу загорелся – хочу переместиться на невысказанное расстояние. Пусть меня разложат на инфоны.

Пришлось его одернуть – нам не до всяких там разложений. Как бы инопланетянину помочь?

Василь Василич считает, что твой помешанный дед Джефри опять затеял какую-то грязную игру. То нас похитил, то эту гадкую ведьму Стервозу де Менсию держит в домоправительницах. Ты бы подсказал ему – зачем он опять в Кощеи полез? Он же не бессмертный!».

На этом емелька закончилась.

Я долго сидел, переваривал прочитанное. Прежде всего крайне беспокоился за детей – им через неделю в школу, а тут опять

---

¹ См. М.Ишков. Предварительные наброски. Часть II. Сайт «Библиотека профессиональных писателей www.web-bib.ru. А можно и не смотреть и жить спокойно,

вселенские страсти! Если с ними что случится, меня Ленка даже не в крысу, а в инфузорию туфельку превратит.

Вот будет бактерия – два метра ростом!

Успокоил меня Алан Палмер.

– Не суетись! Томаса тоже надо в школу отправлять. Расскажи-ка все с самого начала.

– С находки в тайге?

– Этот опус я уже осилил.¹ Тут его в Штатах перевели, но прячут или коммерческой выгоды не видят. Сначала не без труда читал, потом втянулся. Начни с недавних событий. С заморозки Очагова. Гиллеспи мне ничего о этом не рассказывал, – Палмер задумался, потом признался. – И не мне одному! Это чревато. Нарушать джентльменские соглашения, тем более втайне от других, у нас не принято.

... всю ночь я исповедовался, как познакомился с Еленой, как галактический попечитель наградил ее, искусственную особь, способностью к деторождению, как мы пресекли попытку Очагова стать властелином мира и как Миркон выдал его на заморозку.

Палмер ни разу не перебил меня. Впрочем, меня это не волновало. Меня беспокоил Томас Эдвард Гиллеспи.

... я подозревал, что этот малолетний проныра не спит. Он нас подслушивает!..

... мои отпрыски из подвала различили смысл разговора Василича и Облака, почему бы этому пацану реально не ощущать интерментальные волны, исходящие из другого крыла здания.

Своими сомнениями я поделился с Палмером – написал ему записку на бумаге.

Он прочитал, пожал плечами.

– Если это правда, значит он сможет проинтуировать, что ты написал на бумаге, – потом добавил. – Они новые, парень. Прогрессоры или не прогрессоры, операнты не операнты, психопомпы не психопомпы – не знаю, но они – новые!

* * *

Утром я получил емельку от Милолики

От кого: Милолика

Тема: безумный поступок Урика

Дата: 24.08.06.05

Кому: Папочка

---

¹ См. М.Ишков. «В рабстве у бога», роман. М. Центрполиграф, 1999 г. или на сайте www.web-bib.ru

«Они даже не спросили твоего разрешения! Они решили протестировать Урика. Папочка, прилетай немедленно!»

Я долго вглядывался в экран смартфона, пытаюсь осмыслить прочитанное! Дал заглянуть Алану. Том сам влез деду под мышку и, прочитав, захлопал в ладоши.

– Дед, я тоже хочу пройти тест на инфоны.

Палмер не смог скрыть изумления.

– Тест на что?

– На возможность быть превращенным в сгусток самых элементарных частиц.

Я взорвался.

– Выбрось эту дурь из головы! Выбрось немедленно! – потом взял себя в руки. – Том, это плохая игра. Тебе еще рано принимать участия в такого рода экспериментах. Это – безумие! Тебе еще надо закончить школу.

– Ага, потом университет, потом бакалавра защитить, потом доктора. – подхватил Том. – Набраться опыта, испробовать почем фунт лиха, безумно полюбить кого-нибудь, спроворить побольше капитала, оставить наследство.

Палмер не мог скрыть растерянность.

Я впервые увидел растерянного миллиардера.

Он поддержал меня.

– И это верно.

– ...а потом, – продолжил Томас, – мои наследники тоже поставят меня перед фактом. Я начну уговаривать, что им еще рано участвовать в экспериментах. Сначала надо закончить школу, колледж, университет, занять детей и т. д. и т. п.

Мы с Палмером переглянулись – логика у пацана была убийственная.

Не возражишь!

– Это что же получается, – едва сдерживая негодование начал я. – Вот такая малявка будет учить нас жизни? Определять, что можно, а что нельзя?

Я вскочил.

– Алан, сегодня же вылетаю домой... на твоём самолете. Рейс оплачу.

– Вам, дядя Миша, нельзя на дедушкином самолете. Стервоза де Менсия сразу смекнет, что вы сговорились. Уж я-то ее знаю.

Я осторожно опустился на стул

...и в этом малявка прав!

– Перелет я организую, – заявил Палмер. – Но я хотел бы вылететь вместе с тобой.

– Я тоже, – неожиданно заявил Том и потребовал. – Возьмите меня.

Мальчик по-пионерски, словно мальчиш-кибальчиш, вскинул руку.

Я взглянул на Палмера.

Тот пожал плечами.

– Он и так все узнает.

...миллиардер словно прочитал мои мысли.

– Хорошо. Только одно условие – никаких безумных поступков. Во всем слушаться дедушку.

– Ур-ра, я побежал собираться.

Глава 2

В более идиотскую авантюру мне попадать не приходилось.

Всякое бывало.

И с космическим пасынком Очаговым пришлось повоевать, и в ледяную полость Антарктиды пробираться, и с Ленкой вымалывать у галактического попечителя, называвшего себя Цезарио, волшебный дар деторождения, тем самым как бы приписывая ее к сословию естественно появившихся женщин.

Теперь кому-то взбрело в голову провести безумный эксперимент на нашем сыне. Правда, Урик сам настоял на испытании. Все были против, на лицах у присутствующих клочкотало нескрываемое возмущение, но искорки ментального любопытства то и дело проскальзывали в их взглядах.

Мне стало не по себе.

...разве мало Елена, заслуженная бибриона рода homo sapiens sapiens, пострадала за свою короткую, но такую героическую жизнь? Разве не засылали ее на вражескую территорию в качестве агента 008?

...и на Беркте, являющейся исходником цивилизации Ди, ей пришлось побывать, и на Земле сумела расстроить злодейские козни Очагова, и на уровне сборной в соревнованиях по биатлону участвовать.

Вот и сейчас она выполняет галактическую миссию – помогает Серому волку обуздать свихнувшуюся на собственном величии лампу Аладдина!

Женщина старается восстановить справедливость в задрипанном уголке нашего великого Млечного Пути, а ее ребенка хотят использовать в качестве квантового сапера!

Как это называется?

Пусть кому-то это задание покажется глупейшим квестом, идиотской потехой, выдуманной для потаканием слабым и бессмысленным инопланетянам, недостойными не то что помощи, но даже пенсии.

Ресурсы на них еще тратить!

Детишек наших, земных!

Одно удерживало меня от скандала – необходимость сохранения согласия. Мне позарез надо было отыскать путь, способный довести всех находившихся в избе тупиц, возомнивших себя хранителями, до понимания истины.

Каждый из присутствующих считал, что умнее его никого на свете нет. Они не знают с чем играют.

Василь Василич так и выразился.

... доверьтесь мне, римскому центуриону, за две тысячи лет исходившему все дороги Земли!

Старик принялся расхаживать по комнате. На его лице прорезалось исступленное вдохновение.

– Иисус тогда подбодрил – на тебя, Антоний Лонгин, возлагаю дар. Будешь теперь ступать прямо. Верю, ты не свернешь ни на какую мелкую страстишку. Высоко держи голову, поглядывай по сторонам – может, кому поддержка понадобится. Даже самой ничтожной малявке, пусть она от горшка два вершка, но ты поддержи ее. Подбодри, погладь по голове, укажи дорогу, расставь вехи.

Он погладил Урика по голове – тот даже восторженно потянулся к деду.

– Благословляю тебя рукой, державшей священное копье, ударом которого начались мои земные муки.

Я не выдержал.

– Дед, хватит сказки плести. Делами времен Очакова и покоренья Крыма ситуацию не выправишь. Урганилу в школу идти. Дайте вы ему хотя бы десятилетку закончить. Не слушайте сопляка! Мне мать голову за него оторвет. Что выдумали! Такого мальчика в подледную пещеру отправить.

– Еще неизвестно, – буркнул Монументал, – сгодится ли? И как мы тест проведем? Ни у кого из присутствующих никаких компетенций по этому вопросу нет.

Я всплеснул руками.

– Вот и о том же! Я уж не говорю о грубейшем нарушении прав ребенка. Вы вообще в своем уме? Он еще не-со-вер-шен-нолетний и не может самостоятельно принимать решения.

– Папочка! – завопил Урганил. – Ну, папочка-а-а!..

Томас поддержал Урганила.

– Урка, я с тобой! Куда ты, туда и я.

Алан Палмер рот открыл и что-то сказал грубо, по-английски. Я ничего не понял, хотя перевел с десятков романов с этого распрекрасно распространенного языка.

Том так ответил дедушке, что миллиардер покраснел.

Я решил воспользоваться моментом и, заручившись поддержкой богатейшего на земле коллекционера, решительно возразил.

– Повторяю в последний раз – я не позволю впутывать моего сына в грязные эксперименты!

Все примолкли.

Наступила тишина.

В этот момент раздался вызов по мобильнику.

Я глянул на экран смартфона.

На экране отпечаталось пополневшее улыбающееся лицо Клепкова-Поплавского

...только тебя не хватало.

– Привет, ВПЗР!¹ Как дела?

– Жоржевич, ты, что ли? Давно вернулся из Штатов?

– Вчера, – голос его неожиданно посуровел. – Ну и кашу ты заварил! Что тебе на месте не сидится? Как детишки, Ленка как? Надо бы встретиться, поговорить. Тут такой проект намечается, что только держись. Бабла не меряно.

Выключив смартфон, я кивнул Василь Василичу.

– Предлагает бабла не меряно.

– Вот тебе и ответ на все вопросы, – одобрил Василь Василич. Встретишься, постарайся, выяснить, что затевает Гиллеспи с Очаговым.

Я оторопел.

– А дети? Кто их в школу соберет?!

– Я соберу, – пообещал Василь Василич, – но предварительно...

– Никаких «предварительно»!

* * *

Кто-то робко постучал в оконце.

– Кого еще черти носят?! – возмутился Василь Василич, он же фавн, он же Антоний Лонгин, старший центурион VI Железного легиона, он же господин Крайзе, полковник НКВД в отставке, – и пошел открывать дверь.

В комнату, споткнувшись о порог, вошел опирающийся на сучковатый посох, смиренный старичок с крупной залысиной до макушки, с порозовевшими от лопнувших кровеносных сосудов щечками. Он был в телогрейке, потертых джинсах, валенках.

В августе!

Я протер глаза. Может, он мне привиделся? И сквозь мглу непонимания, неверия в то, что такое может быть, пришло ужаснувшее меня постижение ожидавшей меня участи. Как укол, как пробой током, как укус осы.

---

¹ Великий писатель земли Русской.

Мгновения хватило понять – мне пришел кирдык! Все мои возражения будут отвергнуты. Против этого хода не попрешь.

– Я на минуточку, – заверил гость, когда-то назвавший себя Цезарио.

Знаю я его «минуточки» – на сотню тысяч лет каждая. Но с галактическим ходокон не поспоришь. Стоит гостю напомнить, что его молитвами, его благословением и ментальными заклетьями я обрел Урганила и Милолику, мне нечего будет возразить.

Однако пришелец, поздоровавшись – привет дружной компании! – поддержал меня.

– Право отца неоспоримо! – заявил он. – Правда, есть одна заковыка. В галактическом масштабе возраст совершеннолетия обозначен в семь оборотов вокруг местного светил. Урик, – он обратился к моему сыну, – сколько тебе лет?

Мальчик сообщил дату рождения, потом подумал и добавил час и минуту.

Старичок повернулся ко мне и развел руками.

– Так что, Михаил, по межзвездным канонам твой сын уже как два часа совершеннолетний.

– Дедушка! – закричал обрадованный Урганил и бросился к попечителю.

Вслед за ним подбежали Томас Палмер и Милолика. Туда и кот всунул голову. Цезарио всех погладил, потом поставил вопрос ребром.

– Но этот факт не отменяет земные законы. Права отца в пределах планеты неоспоримы.

Неоспоримы-то оно неоспоримы, но что толку. Я проиграл! Если этот вопрос вырос до уровня галактического синклита, мне по любому заткнут рот. Я, конечно, мог заупрямиться, встать в позу – пошли вы все! Не позволю! Но я же не дебил, чтобы отрицать очевидное и рубить всех с плеча дешевой демагогией, пусть даже мы родились на одной планете.

Я сделал хитрый ход.

– Чтобы я дал согласие, мне требуются убедительные свидетельства возможности нелокального переноса объемного тела и сохранения его жизненного потенциала. Переместите кота, у него происхождение тоже о-очень смутное.

Лапсик даже взвизгнул, потом жалобно замыкал – мяу-ня-то за что! Кто детям всей Земр-ли будет сказки мр-рассказывать. У меня их еще тысяч пять будет бу-у-удет.

Лица шагнула вперед.

– Проверьте меня!

Том выдвинул свою кандидатуру, потом как истинный американец ловко перевел стрелки – попробуйте меня с котом. Я залезу на него и...

* * *

Василь Василич взглядом поискал поддержку у вундербота, так и не сумевшего попасть в свое убежище в Антарктиде.

Общее внимание обратилось на виновника происшествия.

Вернослужащий армии архонтов, планетарный скаут VII класса, экзот по происхождению, он же Необоримый Монументал, стоял по стойке смирно и ел глазами начальство.

Василь Василич, когда-то в бытность римским центурионом, ударившим копьем в грудь Иисуса, чтобы окончить земные страдания Сына Божьего, и с той поры наказанный бессмертием, сменивший множество обличий, – на правах старшего хранителя, вынес вердикт.

– Кот не годится! У него когти вместо пальцев, а нужны именно пальчики. Тоненькие, как у твоего сына.

– Мои тоже подойдут! – воскликнул Том.

– Нет, твой геном еще проверить надо.

– Сколько будет стоить подобный идиотский эксперимент? – неожиданно поинтересовался Алан Палмер.

– Вы, миллиардер? – грубо оборвал его Василь Василич. – Миллардерствуйте на здоровье, а в свет невечерний, в высшие сферы чернокнижья, не лезьте.

– Это вы зря, – попечитель неожиданно обиделся. – Чем плох миллиардер? Я в бытность свою в архонтах такими капиталами ворочал, что любо-дорого вспомнить. Вы, господин Крайзе, свои коммунистические замашки особо не выпячивайте. Раньше надо было выпячивать, когда собственную страну рушили. Вот вы скажите, – обратился он к присутствующим, – можно ли назвать разумным существо, которое ничем не владеет? Полагаю, его можно назвать голью перекаточной, бомжом, нищевродом, членомразью, люмпен-пролетарием, – одним словом, жевалкой-удобрялкой, только не разумной особью.

Палмер засмеялся.

– Хорошо, – неожиданно легко согласился Василь Василич. – Уважим гостя. С чего начнем, уважаемый?

– С приглашения того, кто способен обеспечить проведение теста.

Планетарный скаут, все еще стоявший по стойке смирно, вздрогнул. Попечитель дал команду.

– Вольно! – потом добавил, обращаясь к вундерботу. – Да-да, уважаемый. С Угла дома. Я прихватил его с собой.

Цезарио указал на дверь.

В избу вошел крепкий, массивный, голливудского типа, седоусый старик метра под три ростом с залысиной на полголовы. Был он в кожаной куртке, из-под которой выглядывал краешек нательной футболки, в джинсах.

Босой.

Гость как-то чудно обратился к нам.

– Общий привет! Над чем работает человеческая мысль?

Вундербот напрягся, мгновенно стер со своего лица длиннющие усы, обзавелся массивной квадратной челюстью, маленькими, шныряющими глазками, челкой штрих-кодом. При этом почти мгновенно облачился в наряд асессора Брака – сюртук, манишка, зауженные к низу брюки.

Я отметил – «...всюду одно и то же! Только бы отличаться! Вон как на него старший по званию подействовал. Ну как, скажите на милость, сохранить своих детей от пагубного влияния общества?»

– Вы, товарищ Быстролетный, – осадил нового гостя Василь Василич, – поменьше бы разговаривали а побольше свою машинку к тестированию готовили.

Угол Дома подтянулся. Приказ старшего по званию и для него был приказ.

– Аппарат на опушке, под охраной грибов и ягод. Пройти к аппарату можно через задний двор.

Василь Василич не без удовольствия потер руки.

– Ну-с, с кого начнем? С кота?

Урганил, Томас и Милолика принялись утешать жалобно мяукнувшего Лапсика.

Все бросились во двор, потом задами добрались до лесной опушки.

Глава 3

Был ранний вечер.

Чуть заметно поблек солнечный свет. Теперь лучи пробивались сквозь густую листву березок и осин, над которыми остроконечными шапками возвышались верхушки могучих елей и сосен.

За забором, на лесной опушке возвышался таинственный предмет. Матово-черный, с беспорядочно выпирающими, раздражающими взгляд, наплывами на корпусе. В их расположении не было никакой симметрии. Все эти наросты сгрудились в правом от нас секторе корпуса. Согласно законам физики подобная машина непременно должна была опрокинуться в полете. Представьте самолет, у которого одно крыло в два раза длиннее другого, примерно такие же ощущения вызывала эта космическая нелепость.

Когда мы толпой приблизились к аппарату, на его поверхности оформился широкий овал. Крышка люка откинулась, обнажая совершенно черное, бездонное отверстие.

Белый, пушистый, вымытый до ослепительной белизны кошак, утирая лапами слезы, полез в люк.

Следующим в межзвездный девайс спустился Урик. После него, вырвавшись из рук Палмера, к аппарату бросился Томас. Я едва успел перехватить его.

Началась истерика, вопли, попытки вырваться. Неожиданно раздался голос попечителя.

– Мальчик, – позвал он. – come to me.

Том осторожно приблизился к старцу.

– Why do you want strange? Зачем хочешь странного? Change your mind! Одумайся!

– Daddy, there's Urik. Там Урик. He does not have an understudy У него нет дублера.

Попечитель задумался.

– You're right, fellow, – он указал посохом на вход в аппарат. – Пропустите его.

– Здрасьте пожалуйста! – возмутилась Милолика. – Женщин опять в сторону? До чего же вы все противны с вашей половой дискриминацией!

– Пропустите и ее.

Испытания закончились к вечеру следующего дня.

Итак, мои дети от искусственной девы вполне годятся к нелокальному переносу. Впрочем, я в этом не сомневался. Стоило ли галактическому попечителю стремиться на землю, если бы он не знал, чем окончится эксперимент? Полагаю, дотронувшись до маленького Томаса Эдварда Гиллеспи (погладив его по голове), он уже знал ответ на вопрос о причастности этого мальчишки к расе грядущих.

Вечности все известно.

Им, небожителям, тоже было важно подготовить смену.

Что мне оставалось? Смириться?..

Я смирился – против представителя галактического синклита не попрешь.

– А вам, – он кивком привлек внимание Василь Василича, – следовало бы подумать о операции прикрытия.

– Не понял? – удивился Крайзе.

Попечитель вкратце объяснил, что он имел в виду.

Я сразу отказался.

– Миссия невыполнима!

– Надо постараться, – настоятельно посоветовал Цезарио. – В качестве страховки я тоже отправлюсь в Антарктиду.

– А как же галактика без вашего попечения? – огрызнулся я.

Цезарио пожал плечами.

– Почему ты считаешь, что я *весь* сосредоточусь на вашей планете? У меня таких планеток, что пылинок на ногте, – он показал нам ноготь. – В других местах тоже много дел, там я тоже должен присутствовать. В ином, правда, качестве. У меня этих качеств много, но об этом позже. А вам, – он указал на детей сгрудившихся вове стола, – пора спать.

– Ну-у, дедушка, – запричитали дети.

С трудом удалось отправить детей на ночевку к старику и старухе. С ними ушел и кот ученый.

Вы бы видели, как это крупное, ангорской белизны животное задрало хвост от гордости за себя, за прямоходящих друзей, за сказку, ставшую былью!.. Вот вам и легендарные герои.

Они еще о-го-го!

Они с легкостью способны перемещаться в вечности на любые, заложенные в программу расстояния.

Как только крышка подпола закрылась, Василь Василич обратился ко мне.

– Что ж здесь непонятного! Как иначе дети смогут незамеченными проникнуть в ледяную полость. Уж наверное там десятки, если не сотни всяких датчиков расставлены. Стоит только толпой появиться на месте, как Гиллеспи станет известно – у означенной скалы появились неопознанные существа.

– Даже если и не у скалы, – мрачно добавил Неукротимый Монументал, – все равно засекут. Вы у этого пацана спросите, – он указал на Быстролетного, – сумеет ли он подобраться незамеченным подобраться к объекту?

Напрямую «пацана» он спрашивать не стал.

Я усмехнулся – все одно и то же. Что на Землице, несчастной планете, где заварилась эта каша с всевластьем, что у архонтов на Ди. Всюду апломб, всюду зависть, чиновничество, одним словом, всюду низменные страсти,

О чем это я?

О чем тоскую?

О рае на земле?

Я сдавленно вздохнул – историю не проведешь. Историю не перепишешь, и никакие технологии, претензии, ревность, перемешанная с завистью, лицедейством со стороны равных, пренебрежением со стороны высших и завистью со стороны низших, – здесь не помогут. История повсюду развивается по своим законам.

Цезарио, незаметно и осторожно вмешавшись в мои мысли, поддержал меня.

...«иначе не бывает».

Он был прав.

– Детей жалко. Как без них? – вслух выговорил я.

Попечитель также вслух подхватил.

– А если, не приведи Господи, вектор «от простого к сложному» обратится вспять? Как быть тогда, Михаил? Самое страшное в истории, когда некоторые пытаются дать задний ход. Тогда и появляются всякие демоны всевластия, маньяки, обуреваемые гордыней, вожди, обуянные дикими страстями. Всякие клономонстры, уверовавшие, что он, его род, его племя, его народ – самый достойные и продвинутые.

– Воистину так! – поддержал гостя Василь Василич. – Я родом из германского племени квадов, в сороковых годах служил в вермахте. Я знаю. Так что ребята, поверьте альтен камараду – давайте дружно навалимся, пошевелим мозгами, отбросим отжившие предрассудки и обезопасим детей. На том стояли и стоять будем. Вера – она... того. Без веры никуда. Только вера способна довести до добра.

Никто не возразил. Никто не оспорил вечного бродягу, наказанного самой страшной казнью на земле – бессмертием. Он служил в вермахте, в Красной Армии, в НКВД, в КГБ. А еще раньше, в октябре семнадцатого, свергал власть буржуазии, был прострелен пулеметной очередью под Сталинградом. В рядах французов пал смертью храбрых на Бородинском поле, участвовал в походе Кортеса, разгромившего ацтеков, а еще раньше служил в римском легионе. В общем, повидал немало, так что опыта ему было не занимать.

Всю операцию мы разложили по полочкам. Начать должен был Монументал. Ему и произвести разведку и по возможности подавить средства связи противника, и не просто подавить, а внести в разрыв связи элемент случайности. Вроде как бы... где-то... что-то... Пингвин пролетел, чайка накаркала. Сценарий вырисовывался самый незамысловатый – БНО, появившись над Антарктидой, еще раз попытается проникнуть внутрь логова, однако после многочисленных попыток осознает, что внутрь ледового убежища проникнуть невозможно. Такой заход вряд ли привлечет внимание Гиллеспи.

– ...твоя задача, – наставлял вундербота Крайзе, – выявить все скрытые датчики, замаскированные наблюдательные посты, засады, расставленные Гиллеспи вокруг одинокой скалы, а также в других местах.

...затем ты, – он обратился к Быстролетному, – незаметно доставишь мальчишек и организуешь мощный атмосферный фронт с небывалым ураганом, с невиданной метелью и сильнейшим ветровым напором. Пусть все их приборы снегом занесет.

Кота выпустите против живых существ, если они там есть. Пусть кот пуганет их монструозными размерами.

– Сделаешь?

– Да как два пальца, – круто выразился инопланетянин.

– Ты не груби, – отозвался Крайзе, – а отвечай: да или нет.

– Так точно, – ответил вундербот №17 и приложило руку к козырьку внезапно появившейся у него на голове фуражке.

Василь Василич переглянулся с попечителем. Тот одобрительно кивнул.

– Эти организационные мероприятия только полдела, – объявил попечитель и обратился ко мне. – Вся информационная защита операции ляжет на тебя, любезный.

Я погрузнел. Сердцем чуял, не оставят меня в покое. Нагрузят так, что некуда будет деться.

Палмер, сидевший в сторонке, подал голос.

– Я тоже мог бы помочь.

– Рады слышать, – откликнулся Василь Василич. – Как насчет поисков сокровищ, спрятанных в могиле Чингисхана?

Палмер даже хмыкнул от удивления.

До той поры мне никогда не доводилось видеть хмыкавшего миллиардера. То есть до крайности изумленного.

– Надо будет организовать отвлекающую кампанию, – объяснил Крайзе. – Времени у нас немного. Надо будет провести пресс-конференцию, привлечь к ней ведущие мировые СМИ. Позвони свояку, объясни – есть выгодное дельце. Якобы какой-то бурятский историк в какой-то старинной книге нашел приметы местности, где был похоронен Чингисхан. Он обратился к тебе, Алан, как крупнейшему знатоку раритетов и авторитетному торговцу реликвиями. Тебе поможет Мачавариани. Поставь перед Гиллеспи вопрос об организации экспедиции. Облако там подсветит что-нибудь в Бурятии. Скажешь Гиллеспи – это, мол, для избранных, не согласится ли он принять участие? Завари такую кашу, чтобы ого-го...

Палмер напряженно задумался.

– Эта не выдумка? – осторожно поинтересовался он.

– Нет, уважаемый, – откликнулся Монументал. – Я сам исследовал те места.

– Там и сокровища есть?

– Море! – ответил Монументал. – Океан!

– Как насчет собственности. В случае обнаружения клада, кому будут принадлежать права? – спросил Палмер.

– Об этом позже, – перебил Василь Василич.

– Но какой-нибудь международный договор надо составить заранее. Хотя бы протокол о намерениях, Иначе с Гиллеспи бесполезно разговаривать.

– А с тобой? – подколот его Василь Василич.

– И со мной тоже, – согласился Палмер.

– Что с вами, эксплуататорами, поделаешь! – воскликнул Крайзе. – Вы никуда без договора. Вот и займись этим вопросом. Раздуй шумиху, объяви об организации экспедиции. Проспонсируй экспедицию, Ты же у нас мастак на такие штучки! Вспомни скандал, который ты устроил в Йеллоустоне. Одно твое имя сможет привлечь к этому проекту внимание всех мировых СМИ.

Я невольно, сквозь призму воображения увидел заголовки – «...эксцентричный миллиардер из Сиэтла приступает к поисками сокровищ Чингисхана».

Да, это будет сенсация!

Между тем замполит в отставке продолжал обрабатывать Палмера.

– У тебя все козыри на руках. Главное, постарайся привлечь внимание Гиллеспи. Надо вывести его из состояния ожидания, смутить большими деньгами. Пусть поможет в составлении договора. Замани его в Бурятию. Справишься?

Палмер пожал плечами

– В Бурятию вряд ли, а заинтересовать наверняка. Попробую, – затем обратился к Облаку. – Где гарантия, что это предприятие не мыльный пузырь.

Вундербот изобразил искреннее возмущение.

– Сам присутствовал при погребении. Все-таки величайший воитель за всю историю прямоходящих. Там были устроены ритуальные игры, особенно стрельба из лука. Победитель послал стрелу на тысячу двести метров. Кстати, – Необоримый Монументал обратился ко мне, – он приходится прародителем рода, откуда вышел твой дед. Что касается сокровищ, все прекрасно сохранилось. Всех рабов и нукеров поубивали, холм сравняли.

Василь Василич обратился к Облаку.

– Чтобы расчистить площадку в Антарктиде, тебе надо будет там засветиться.

Неожиданно галактический попечитель заявил.

– Я тоже хотел бы принять участие в экспедиции. Хочу посмотреть, как ты, – он кивнул в сторону Монументала, – устроился в Антарктиде.

Потом помедлив, загадочно закончил.

– Засиделся я в попечителях. Я ведь когда-то в Пятом звездном флоте спецназом командовал.

– Вона как! – удивился Крайзе, затем поднялся. – Значит, мы с тобой коллеги. Что ж, благословясь приступим.

За ним встали все присутствующие, даже помедливший Палмер нехотя принял положенную по уставу позу – ноги на ширине плеч, руки за спину.

Как во Вьетнаме... при виде начальства.

* * *

К утру все разъехались.

Без долгих прощаний, благодарностей за гостеприимство. Без пожеланий и надежд встретиться. Без поцелуев и посошков на дорожку (хотя Угол дома был не прочь осушить рюмку-другую-третью, четвертую-пятую-шестую-седьмую).

Когда мы с Василь Василичем остались одни, старикан взялся за меня.

– Теперь, писатель, настал твой черед. Надо воспользоваться моментом и крепко взяться за Очагова – где он прячется, что задумал? Кстати, Очагов имя сменил – не слышал? Теперь его не Серегой кличут, а Ев-гением. Через черточку. Местные шаманы донесли.

Он сделал паузу, потом торжественно, как может только проверенный работник, спросил.

– По какой причине Гиллеспи помог ему ожить?! Ведь его реинкарнация немалых денег стоила. О-очень немалых! Чего ради такой скупердьяй, как Гиллеспи, вложил деньги в это предприятие?

– Полагаю, – возразил я, – у него во всей этой истории есть личный интерес.

Старикан с сомнением пожал плечами

– Чтобы миллиардер вложил деньги в сомнительную авантюру тем более что он за доллар удавится?

– Не удавится. Оставьте вы свои коммунистические замашки! Это вам еще попечитель советовал. Гиллеспи очень даже не прост, он шире, глубже и страшнее, чем мы думаем. Сердцем чую – есть у него во всей этой истории личный интерес. Он глубоко спрятан, и дело не в деньгах.

– Но ведь возраст. Он что рассчитывает прожить тысячу лет?

Мы оба замолчали, словно некая великая мрачная тень упала на наши головы, как бы обрезая всякие инсинуации, риторические спекуляции и пустопорожние домыслы, которые никак не относились к такому непростому человеку, каким был Джефри Гиллеспи.

Эта тень была наброшена издали – и не нами, не пространством, и даже не попечителем, но той вселенской мистической составляющей, которая вечно кружит над нами, ходит за нами, путает мысли, сбивает расчеты.

Эта оторопь растаяла вдруг, сразу. Спутало мысли и замерло.

– ...вот ты и раскуси его! – с нескрываемым энтузиазмом потребовал Василь Василич и неожиданно с обидой добавил. – А коммунизм, если хочешь знать, будущее всего человечества. Он Марксом придуман, а это что-нибудь да значит.

– Этот фантазер много чего напридумывал, а что сбылось?

– Не торопи события. Проще простого отрицать очевидное. Главное, верить. Без веры никуда. Только вера способна довести до добра. Ты вот что, постарайся отделить зерна от плевел. Выяви суть этого купчика.

– Мне будет нужна связь.

– Как же без связи? Это мы с вундерботом обговорим. Каждое облачко на небе станет твоим помощником. И приемником, и передатчиком.

– А если ни единого облачка на небе не будет?

– И это обговорим.

Целый день мы с Василь Василичем обменивались мыслями по поводу Очагова и Гиллеспи, но так и не обнаружили каких-нибудь реальных зацепок, кроме расплывчатых древних пророчеств, в которых упоминался тот, кого прямоходящие антропы нарекли демоном всевластья.

Даже смутных догадок не было.

Вся неподъемная, накопленная за тысячи лет груда легендарных повествований, сомнительных свидетельств, зашифрованных угроз, мифов наконец, – не имела конкретики.

Только слова, слова, слова.

Кроме разве что ненависти, которую я ощутил в искусственном существе, всколыхнувшемся в нем после оживления – то есть «размораживания». Это было метафорично, пронзительно и вызывающе. Об этом твердил весь опыт, накопленный родом человеческим в мифах о оживающих чудовищах, заклятьями вызванными из ада.

Это был надежный ориентир, тем более что злоба, ожившая в возрожденном *Ев-гении* ко всякой обитавшей на нашей планете твари, поддерживалась Гиллеспи, толкавшим его на непредсказуемые злодеяния. Это предчувствие беды уже ощущалась в духовной ауре планеты. И черная тень не зря нависла над нами. О том же свидетельствовало и вставшее над океаном зловещее черное облако, наблюдаемое в чернокнижье.

Стремление бибриона по имени Ев-гений исключить лучшее и утвердить худшее, выростала в явственную угрозу всему голосистому, наполненному радостью, обитаемому миру, который с такой радостью прижился на Земле.

У меня не оставалось выбора. Я был вынужден пойти на переговоры с зарвавшимися олигархами из сетевого Мирового контура, пока мои ребята не добьются положительного результат в Антарктиде.

Глава 4

Отыскать местонахождение Очагова помогли местные шаманы сиу. Обнаружили Ев-гения на ранчо Гиллеспи, расположенном возле небольшого провинциального городка Волга, что в нескольких десятках километров от Брукинга, штат Южная Дакота. Укрыли его якобы в какой-то аномальной зоне, находившейся неподалеку от местного университета. Это строго засекреченное место размещалось в пределах владений Гиллеспи.

Я летел с тяжелым сердцем. Визу мне выдали без всяких проволочек, от этого на сердце становилось еще тяжелей. Я проклинал себя за доверчивость, за оппортунизм, за «попустительство» перед космическими силами в тот момент, когда свалившиеся нам на голову представители высших цивилизаций задействовали родных детей в неслыханном и опаснейшем эксперименте.

* * *

Во время первой встречи нахрапистый старичок-миллиардер настоятельно потребовал перенести базу пребывания инопланетного гостя из «породы вундерботов», как выразился Гиллеспи, в район американского Среднего Запад, желательно в горы Блэк-Хилс.

...далее последовала навязчивая реклама этого «штатного» – или «штатского»? – места, будто бы специально предназначенного для

проживания звездных гостей, отважившихся посетить нашу гостеприимную планету. Гиллеспи с непробиваемой, покоившейся на фантастических романах, уверенностью настаивал, будто невысокие горы на западе Южной Дакоты, уютные и плодородные равнины, обилие рек, местные достопримечательности, а также малолюдность, очень подходят для расселения космических пришельцев. Особенно привлекательной ему казалась удивительная история штата Южная Дакота. Его убежденности можно только позавидовать, словно он сам, являясь инопланетянином, оказался на нашей дикой планете.

Я удивленно взглянул на Гиллеспи.

– Вы полагаете, что наш гость увлечется историей Южной Дакоты?

– Обязательно! – заявил Гиллеспи. – А вы ему поможете.

– Я?

– Именно вы.

Я пожал плечами.

– Если он и заинтересуется историей штата, то исключительно в том плане, как первые белые переселенцы уничтожили местных индейцев сиу в бойне на реке Вундед-Ни.

Гиллеспи жестом отвел упрек.

– Зачем ворошить пыль истории? Сейчас перед нами стоят куда более грандиозные задачи.

– А вы не боитесь, что с нами поступят также, как с индейцами сиу?

– Именно поэтому мы и должны заранее принять решительные меры.

– Что вы хотите конкретно?

– Насколько мне известно, вы регулируете проблемы, возникающие при общении БНО с нашими представителями? Поэтому я настаиваю на скорейшей встрече с инопланетянином.

– А если он не согласится?

– Если не согласится, ему будет отказано в гостеприимстве.

– Это слишком серьезный вопрос, чтобы решать его с налета.

– Именно потому что это серьезный вопрос, его следует решить как можно быстрее. Это также и в ваших интересах. Когда все на Земле будет устроено разумно и стабильно, мы профинансируем программу сохранения духовного наследия землян.

Далее его понесло.

– ...мы построим храмы, где будут поклоняться духам и привидениям, русалкам и лешим. Возведем святилища, посвященные Еленам Прекрасным, Серым волкам, Красным шапочкам, духам воды, огня и ветра. Эти заветные места станут самыми доходными маршрутами для грандиозных паломничеств, где каждый сможет пропитаться энергией матушки-Земли. Каждый сможет обзавестись волшебной силой, обретет несокрушимую мощь.

– Как Шварценеггер? – уточнил я.

– Именно! Я о том и веду речь – пусть каждый житель Земли воочию, а не в качестве зрителя, не в фантастической книжной или виртуальной реальности сумеет ощутить себя героем сказок, легенд или избранным персонажем древних пророчеств.

На выбор!..

Мы каждого снабдим силой.

Мы создадим новые религии. Кому нужно «открытое общество» с его гендерным равноправием! Мы призовем людей отдаться потоку информации, с помощью которой мы выйдем за пределы земных забот и привязанностей. Мы отправимся к звездам и отыщем богов, создадим богов, станем богами и воскресим мертвых! Мы будем действовать с любовью и состраданием по отношению к другим живым существам. Мы организуем климатический джихад, который вернет нашей планете первозданный облик. Для этого нужна сила!

Вдохновленный мощью подобной перспективы, он воскликнул.

– Что такое сила? Сила – молния. Сила – ветер. Сила – вода. Наступит упоминаемое в древних предсказаниях время, когда не будет ограничений ни для местных культов, ни для поклонников традиционных религий, у которых тоже есть свои легенды, мифы и откровения.

Мы создадим сказочные острова, возродим праздники сбора цветов папоротника, организуем посещения Лысой горы, подземных царств от медного до золотого. В Вальпургиеву ночь закажем мегашоу с хороводами, рок-концертами, конкурсами и лотереями. По ценам это будут вполне доступные проекты и развлечения. Можно будет также организовать погружение желающих в желудок цифровым образом смонтированного Левиафана – там они наберутся священной мудрости как Иов. Наладим производство...

Я подхватил...

– ...волшебных дудочек, играющих одну и ту же рок-мелодию. Волшебных зеркалец, демонстрирующих рекламу женских прокладок и средств против импотенции. Обеспечим выпуск волшебных гребешков. Если такой артефакт бросить из окна автомобиля, никакая камера слежения не зафиксирует превышения скорости. Завалим планету эксклюзивными универсальными навигаторами в форме волшебных клубочков, а также скатертей-самобранок в качестве универсальных шашлычниц.

Гиллеспи слегка оторопел.

– Это шутка?

– Вроде того.

Он задумался. Глаза у него стали холодные.

– А что? – согласился он. – С точки зрения коммерческого успеха мысль неплохая. Фантазируйте, мой друг, фантазируйте! Креативьте – и перед вами лично откроется необъятное поле деятельности. Вы пишете книги? Замечательно! Ваши книги будут изданы на ста пятидесяти языках мира, по ним будут сняты фильмы. Вы станете известным гуру. Разве эта не увлекательная перспектива?

– Не взирая на качество и смыслы, сосредоточенные в текстах?

– Кого интересуют смыслы, тем более качество! Все вопросы решит умело организованная реклама и, конечно, скандал. Мы организуем грандиозный скандал, привлечем феминисток и стриптизерш. Вам будет открыта зеленая улица к Нобелевской премии. Вы встанете в один ряд с выдающимися авторами современности.

– Со Светланой Алексиевич или с Бобом Диланом?

– Вам-то какая разница, с кем стоять в одном ряду. Главное, у вас будут брать интервью, вас будут встречать аплодисментами.

Я решил сменить тему. Мне все больше и больше не нравился напоминающий вербовку разговор, затеянный в логове сверхпрактичного финансового монстра. Предложения Гиллеспи очень походили на уловки людоеда, отыскивающего пищу на улицах наших городов. Перспективы звучали очень соблазнительно, но мои дети в тот момент проходили проверку на допуск к звездам, и это обстоятельство лишало рассказ Гиллеспи сногшибательной привлекательности.

...перед внутренним взором открылась панорама дикой, пустынной, покрытой снегом, безлюдной местности.

Она была исключительно неприглядна! Затем сокровенному взгляду открылась пуржистая, обрывистая окраина ледяного шельфа, нависавшего над чудовищно бурлящей океанской водой.

Примерно в километре от берега на покато́й равнине торчала скала-останец высотой более ста метров, напоминавшая изогнутый, с обломанным острием рог какого-то чудовищного фантастического животного.

Дальше, в километрах двух, из ледниковой подстилки торчали еще несколько десятков более мелких скал. Вид их был более привычен и островерх, и уже на горизонте возвышались два громадных вулкана с пологими склонами, до которых было не менее полусотни верст.

Эту безлюдное белесое плоскогорье осеняло чистейшее, пронзительной голубизны небо, только с севера этот скудный пейзаж омрачался надвигавшимися со стороны океана темными тучами.

...там я различил несколько транспортеров, а между ними черную бесформенную массу, от которой в сторону скалистого обелиска тянулся укрытый снегом туннель.

Внезапно изображение смазалось. Какая-то чуждая злая воля замутила сверхчувственное изображение.

...Гиллеспи все говорил и говорил.

Я, с трудом отвлекаясь от метанаблюдения за транспортерами, сгрудившимися возле приметной скалы, прислушался.

– ...передайте Облаку мое предложение. У него нет выбора – либо сотрудничество, либо он лишится источников питания. Также добавьте, что это не только мое требование, а рекомендации самых авторитетных и могущественных земных гуру. Обычно их выполняют незамедлительно. Вам срок – две недели.

Я пришел в себя и спросил.

– Кем считает себя Очагов?

Гиллесли как будто ждал этот вопрос. Он с удовольствием потер руки.

– Неужели не догадываетесь?

Я отрицательно помотал головой.

Гиллесли всплеснул руками.

– Кошечем Бессмертным! Кем же еще. На меньшее он не согласен. После того как этот господин ожил, он уверился, что является фантастически привлекательным существом, в присутствии которого все, кому дорог мир во всем мире, должны испытать восторг. Наверное, вам уже донесли – он назвал себя Ев-гением, демоном всевластия.

– То есть, хочешь не хочешь, а соглашайся?

Гиллесли развел руками.

– Иначе в нашем мире не бывает. Даже в потустороннем. Даже виртуально сфабрикованном.

– Даже в мире искусственного интеллекта? – уточнил я. – М-да, задачка. Не знаю, что и сказать.

...издалека, с ледяных просторов Антарктиды, до меня донесся сигнал: «...первый пошел!».

Затем облом ясновидения, мертвая потусторонняя тишина.

* * *

В кабинет, где мы вели переговоры, вошел Очагов.

Он поинтересовался.

– Как дела?

Гиллесли развел руками.

Сергея подсказал миллиардеру.

– Он согласится, иначе... – и улыбнулся суховатой улыбкой.

...помнится, он также улыбался на подъезде к брошенному гарнизонному городку, где был устроен семинар на тему: «Будущие апокалипсисы. Нарастание катастрофических трендов, угрожающих существованию жизни на Земле».

– Не понял, – удивился я. – Сергей, ты на чьей стороне?

Очагов ехидно улыбнулся.

– Уж конечно, не на вашей, замшелой и погрязшей в предрассудках. То, как вы обошлись с прогрессом в моем лице,

ничего кроме презрения не вызывает. Тем более что за тобой должок – ты еще не переписал «Апокалипсис» в оговоренном смысле.

Я удивленно взглянул на Гиллеспи – то построим кумирни, то переписывай «Апокалипсис» в определенном смысле!

Тот даже глазом не моргнул.

Я встал, подошел к окну, из которого была видна зеленая равнина, перемежаемая редкими светлыми рощами, ничем не похожая на ледяную пустыню, в которой трудились мои дети, и ответил Очагову.

– Я не давал никаких обязательств.

– Какие обязательства?! Ты ввязался в гнусную историю, а теперь пудришь мозги уважаемым людям? – он кивнул в сторону Гиллеспи.

– Твое единственное спасение – это устроить встречу с Монументалом. И вот еще что – больше не называй меня Сергеем. Можешь обращаться ко мне – Ев-гений. Через черточку или паузу.

Я знал Очагова. Это был его любимый приемчик взять противника на испуг. Глядишь, сучонок дрогнет. Обнажит нутро.

Я взял себя в руки, вернулся к столу, сел.

«...хрен тебе, а не Ев-гений!»

– Ну-ну, – неожиданно осадил его Гиллеспи. – Зачем же так? Мы мило беседуем, ищем консенсус. Причем здесь Ев-гений через паузу? Или согласие, которое так увлеченно пропагандирует наш гость. А вот насчет встречи с Монументалом, это перспективно. Это очень важно.

Седовласый филантроп сделал паузу и заключил.

– Думаю, на сегодня достаточно. Мы обозначили свои позиции. Как считаешь, Ев-гений, где можно организовать встречу?

– На ранчо, – ответил Очагов. – Здесь удобнее всего...

– А почему не в подледной полости? – предложил я. – Там тоже удобно. Никого из посторонних.

Очагов рассмеялся.

– Боюсь, – подытожил миллиардер, – там скоро будет не совсем удобно.

– Я должен подумать – вставая, заявил я.

Очагов предупредил.

– Только не надо этих волшебных штучек. Поисков Алатырь-камня, цветка папоротника и тому подобное. Не надейся! И всяких священных войн с нечистой силой тоже не надо. У нас здесь надежная охрана, так что имей в виду.

Гиллеспи и на этот раз никак не прореагировал на идущие вразрез с его обещаниями угрозы Сереги.

Глава 5

До вечера в достаточно скромном номере для гостей я ощущал странное гипнотическое давление. Гостиную словно погрузили в

мертвый беспросветный сумрак, в котором гасли всякие потусторонние шумы – от радиоволн до привычных для всякого хранителя обрывков мыслей, рожденных в инобытии. Всякие натуральные звуки – скрип дверей, шаги, скомканные музыкальные мелодии, неясные разговоры – отличались здесь жестяным, безэховым сумбуром.

Хорошо, что не лишили света, иначе я не разглядел бы на подоконнике букет необычных цветов. На их багровых бутонах просвечивали человеческие лица. Вид их был ужасен – глаза расширены, черный провал на месте носа, разинутые рты покрывали решетки. Каждая складка, каждый вырез, каждая черточка изображали безутешное горе.

Некоторое время я раздумывал – может, потребовать поменять букет или выкинуть в корзину для мусора эти цветы зла? – однако хозяйничать в чужом доме не решился.

Убрал их в ванну, и все равно тягостная атмосфера, сгущавшаяся в гостиной и спальне, не исчезала.

...с наступлением тьмы, когда я улегся в постель, меня начал преследовать навязчивый глюк – маленькая черная старуха с красными горящими глазами. Сначала она выглянула из темного угла, затем неожиданно появилась прямо из стены. Я решил, что это очередной заворот в мозгах.

Когда старуха, осмелев, окончательно взлезла в комнату, я мысленно «сотворил» Братана – был у меня такой пес, погиб несколько лет назад под колесами автомобиля.

Братан появился передо мной как наяву. Я показал на черную бестию.

– Фас!

Ох, что тут началось! От старухи только клочья полетели. Братану, правда, тоже досталось.

Только перед рассветом в комнате наступила тишина.

С первыми лучами солнца я подошел к окну и различил в небе небольшое, чуть вытянутое кучевое облачко. Приглядевшись, обнаружил в его изгибах и складках что-то, чрезвычайно знакомое, напоминавшее личико Ленки. Небесный образ неожиданно подмигнул, и этот лайк привел меня в чувство, ослабил ужасные тиски, которыми меня попытались скрутить в этой «комнате зла».

Я впал в *сулонг*.¹

Чужая воля, путающие мысли, отступила.

Наступила ясность.

---

¹ *Сулонг* (Sulong) (*идти первым или во главе* – термин в восточной борьбе) – магическое сновидение, ведущее в Верхний мир. Состояние, в котором запредельное ясновидение, прозрения будущего, любые другие феномены сверхчувственного явственно проявляют себя. Одна из разновидностей сна.

Мне припомнилась последняя сцена, напрочь расстыковавшая призывы Гиллеспи к сохранению древних ценностей и откровенная ненависть, кипевшая в угрозах Очагова ко всякого рода Еленам Прекрасным, Золушкам и Красным шапочкам.

... все ли я понимаю в правилах этой игры?

Передо мной открылось второе – а может, третье? – дно, таившееся в соблазнительных предложениях Гиллеспи, а также в озвученных ожившим демоном угрозах. Согласием здесь и не пахло, разве что симулякром согласия!

...с Очаговым проще – стремление рассчитаться с врагами из природных антропов перло из него, как классовая ненависть из раскулаченного мироеда. Эта неутоленная злоба ощущалась отчетливо. Очагову было неважно, лежала на тебе вина или часть вины за унижения его предков, стоял ли ты в сторонке или лично участвовал в раскулачивании.

В прежние сказочные времена классовых битв чудиков хватало. Всякие встречались мироеды – кто-то не щадя жизни отстаивал свое, кто-то, затаивая злобу, делал вид что смирился. Кто поумнее, сжав челюсти, лез по советской административной лестнице, пока не дорвался до верхних ступенек и не получил возможность рассчитаться со всеми и за все.

Другое дело Гиллеспи, обладающий силой денег. Ему не надо было маскироваться, скрывать нутро, единодушно, проклиная всех и вся, вскидывать руку на партсобраниях. С какой стати он подарил Очагову надежду возглавить общепланетную иерархию, пусть даже в качестве подставной фигуры? Если и так, вряд ли состояния Гиллеспи хватило бы, чтобы обеспечить Ев-гения неограниченной финансовой подпиткой.

Весь этот перформанс, устроенный в логове финансового великана, мало походил на наивные уловки одиночки-людоеда, собирающего пищу в наших городах и весях.

Помимо и вопреки всем вбитым в голову предрассудкам насчет «классовых сил», «бунтующих масс», «всеобщего кризиса», всяким прочим культурным, теоретическими, социологическими предрассудкам, – здесь проглядывал заранее рассчитанный тренд. Скорее всего, дело было вовсе не в Гиллеспи. Может, он был выразителем – точнее, исполнителем чьей-то воли, но уловка была!

В этой зловещей коллекции бессмыслиц, противоречий, ошарашивающих выдумок, я как текстовик по привычке уцепился за простенькую, всегда выручавшую меня разгадку – личный интерес. С него все начинается и им заканчивается. Так было, есть и будет, а свалившиеся на меня рекламные фанаберии, не стыкуемые доводы, уговоры и всякого рода смущающие искушения представляли собой ловко составленный антураж для проталкивания воротилой своего тщательно продуманного, коммерческого продукта.

...догадка, перевернувшая всю систему прежних доводов, неясных решений и социальных фантазий, промелькнула в простеньком вопросе – сколько времени потребуется на то, чтобы принудить Облако к сотрудничеству, ведь оседлать инопланетного гостя еще никому не удавалось. Предположим, Гиллеспи это удастся, но в любом случае это дело не одного дня.

Или года.

Даже не десятилетия!

И зачем?!

Кто из них – Гиллеспи или Очагов – собирается воспользоваться его мощью, чтобы в полной мере ощутить себя демоном всевластья? Для этого надо прожить несколько веков.

Тут и кольнуло – а если речь идет не о веках, а о тысячелетиях!

«...ну и ну!»

Не поверите! Я так и выразился, как у Стругацких – ну и ну!

...ладно доверимся очевидному – предположим, Очагов как сконструированный бибрион, может долго существовать в агрессивной среде. Он не боится радиации. У него обостренное чувство опасности, он ее за версту чувствует. Его наградили исключительной жизненной силой. Но он не может летать по воздуху, совершать всякие героико-фантастические деяния. У него нет качеств сверхчеловека. Он – искусственное существо. Он – робот. Как, впрочем, и Ленка. Она тоже искусственное существо, но сумела перешагнуть грань от биоробота к человеку. С подачи попечителя она приблизилась к естественному существу женского пола. Ленка родила, стала женщиной, но при этом сохранила способность к межзвездным прыжкам. Это свойство передалось ее детям – может, таков и был замысел вселенского Разума. Возможно, ее наградили возможностью воскресать и растягивать свое существование до фантастических величин?

Эта революционная мысль едва не выбила меня из седла.

Тогда кто я?

А Гиллеспи? Этот улыбчивый филантроп! Его уж точно не упрекнешь в склонности к бредовым, сказочно-волшебным мотивам. По физическим данным, отпущенным человеку, он никак не мог рассчитывать на запредельное долгожительство. Значит, общаясь с Очаговым, он что-то учуял в человеке, в его естественных способностях.

...в этот момент далекий мысленный посыл отвлек меня.

Я глянул в сторону окна, в котором сияло освещенное утренним солнцем облачко и вновь узрел недра ледяной полости, в которой возродился мой Урик. Следом за ним из квантового небытия спрессовалось личико Томаса.

Их изображения виделись расплывчатыми, с шевелящимися пугающими чертами. До меня трубным гласом долетел едва слышимый голос Облака, направлявший их в сторону неясной формы сооружения, расположенного за обширным овальным водоемом с черной до абсолютной беспросветности водой. Его конструкция напоминала гигантские пчелиные соты, из шестиугольных отверстий которых ключьями сочился туман. Мутная белесая, омертвелая и дурно пахнущая взвесь, собиралась внизу и медленно втягивалось под фундамент сооружения.

Удивительно, но света в этом, по определению самом темном и мрачном месте на Земле, расположенном под полукилометровым ледяным панцирем, вполне хватало, чтобы изучить пейзаж и отыскать путь-дорожку, по которой можно было подобраться к сотам.

...мне однажды довелось проделать этот путь, но в тот раз я не ощутил ни отвращения, ни запаха, а теперь явь, транслируемая облачком, буквально шибала в ноздри.

Дети с необъяснимой для обычного мира быстротой одолели расстояние до сот и приблизились к правой их стене.

Здесь замедлили, приостановились.

В следующий момент в поле зрения появился здоровенный металлический ящик явно земного происхождения. Он сразу показался мне чуждой, нелепой добавкой к фантастическому пейзажу, рожденному затаившейся на Земле бесформенной наблюдательной оболочкой.

...Урганил и Томас действовали с быстротой и точностью роботов. Сначала они с застывшими лицами долго разглядывали упрямое в короб зарядное устройство, затем не сговариваясь с двух концов вскрыли крышку, и чуть воспарив над основанием, что-то резко выдернули изнутри.

Затем, взявшись за руки, дети в мгновение ока оказались у выходного отверстия. Они не касались стен туннеля, а если бы и коснулись, это не нарушило расположение атомов, молекул и всей совокупности элементарных частиц в нашем не самом прекрасном из миров.

Сердце мое в ожидании едва не разрывалось от страха, однако прошла секунда, за ней другая.

Следом третья, четвертая.

...я узрел мальчиков на снегу уже в обычном виде, в бессознательном состоянии. Облако перетащило их в недра межзвездного койса.

...пот градом валили с их лиц.

Постепенно и беззвучно они начали оживать, приходить в себя, а когда неожиданно ожили, когда состоялись как мальчишки, выскочили из Быстролетного и принялись скакать на слежавшемся снегу. К ним присоединилась Милолика, затем Облако, за ним попечитель. Последним к этой гогочущей, скачущей от радости толпе присоединился Угол дома и Лапсик. Этот трехметровый великан позволил себе вскинуть вверх пацанов, затем Лику и наконец ошалевшего от радости кота.

Сразу же, по наитию, поддавшись нелепому бессознательному толчку, я набрал номер Гиллеспи и попросил его организовать выезд на природу.

Он тут же согласился.

* * *

Я вышел из гостевого блока и на крыльце столкнулся с мастодонтно массивной, высоченной дамой с прической, собранной в виде округло-объемной, ржаво-светлой короны.

Она недобро взглянула на меня.

Я представился.

Дама надменно кивнула.

– Розабелла де Менсия, домоправительница. В случае надобности прошу обращаться ко мне. Цветы ставить в ванну не надо. Хозяина тревожить не надо. Ваш джип приготовлен во внутреннем дворе. Шофер покажет вам окрестности.

Я попытался возразить, что сам мог бы прокатиться.

Она повелительно объяснила, что «it's not accepted here» (у них так не принято), затем продолжила по-русски.

– ...прошу соблюдать обычаи и правила жизни, строго соблюдаемые в этом доме.

Я пожал плечами – что-то в этом змеюшнике слишком много говорящих на родном мне языке. Следуя указаниям Розабеллы... или Белларозы? – одним словом, законченной Стервозы де Менсия, вышел во внутренний двор. Шофером оказался подкативший из-за угла мой старый знакомый Дэниел Карпович.

– Привет, Карпович! – поприветствовал я шофера. – Куда поедем, куда помчимся?

Тот мрачно огрызнулся

– К водопаду. Здесь есть живописный падеж воды. И не делайте мне нервы, Миша. Я – Дэниел, а не Даниил!

– Что да, то да! – подтвердил я – Однако есть другие, скучающие люди, которые помнят вас как Даниила. Они передают вам привет.

– Не берите меня на пушку! Ко мне таких вопросов не надо.

– Если ваша родная тетя Хая из Одессы вам неинтересна, я умолкаю.

– Что с теткой?

– Просвещаю за ваш счет – с ней все в порядке. Ее интересует, не связались ли вы с нехорошими людьми? Например, с Очаговым. Где его так умело подремонтировали?

Карпович хмыкнул.

– В университете, где же еще. Точнее, в научном центре. Есть такое укромное местечко, в которой вам сварганят любой фасон. Сносу не будет. Женщины в восторге.

Он кивнул в сторону расположенной на горизонте далекой рощицы, над которой зависло облачко. Вероятно, там расположен научный центр, в котором «подремонтировали» Очагова – то есть перевели его из убийственно замороженного состояния в кипуче-оживленное. Это был обнадеживающий сигнал.

Карпович шел на контакт?

Он дернул меня за рукав.

– ...кому я это все рассказываю? Ты заснул?

Я встряхнул головой.

– Нет, я все слышал. И про наглость Очагова, ведущего себя в чужом доме как хозяин, и о происках Стервозы, гипнотизирующей цветами зла всех, кто встретится ей на пути.

– Только не меня! – засмеялся Карпович. – Я не таких прощандовок видал. Я сразу заявил – угомоните свои таланты, мадам, с каким-нибудь дешевым фрайером. С меня навара не будет. Хозяин мне дальняя родня по матери.

Я кивнул, потом со вздохом предостерег.

– Но вы должны тете Хае энную сумму. Вы сорвались в Америку в надежде отделаться от долгов, однако тетя Хая сможет достать вас и в Америке. У нее здесь тьма родственников.

Карпович сплюнул в окно.

– Плевать на них!

– Оно, конечно, не без этого, однако стоит поведать дяде Джефри о ваших приключениях с банковскими авизо, и у того могут возникнуть сомнения в вашей преданности, а это чревато. Особенно, если Очагов выскажет сомнения. Вы играете в скучную игру «поймают – не поймают».

– Ой, не смешите мои тапки! Гиллеспи все известно, – возразил Карпович.

– Все да не все. Стоит только появиться какой-нибудь мелочи и доверие будет нарушено. И насчет родства с Гиллеспи вам надо задуматься. Очагов не оставит вас в покое.

– Этот гад спелся с Беларозой, – огрызнулся Карпович.

– С кем еще он спелся? – как бы между прочим поинтересовался я. – С хозяином?

Карпович некоторое время помалкивал. Видно, прикидывал – стоит ли обменивать конфиденциальную информацию, которую он нарыл в доме родственника, на молчание о его финансовых шашнях в Одессе.

И не продешевить!

...менее всего он опасался Гиллеспи, но вот сведения о его местонахождении, переданные тете Хае, могли стоить Карповичу головы. Тетя Хая способна добраться и до Брукингса. Ей даже добираться не придется, она сделает пару звонков в Нью-Йорк, и ему кранты.

Решившись, он сквозь зубы спросил.

– А где гарантии?

– Мое слово.

– Ой, Миша, не смешите мой рот! Реальность должна полностью соответствовать действительности.

– У вас выбор есть? – напомнил я. – У вас слова, слова, слова, а у меня в козырях траурный веночек. Хотя на веночек они могут поскупились.

Пауза.

– Я нечаянно подслушал, – буркнул Карпович. – Хозяин с Очаговым затеяли скверную игру.

...ага, нечаянно. Хочешь жить, умей подслушивать.

– ...когда сорвалось с Антарктидой, хозяин предложил второй вариант. В первую очередь наложить лапу на интернет. У хозяина с компаньонами денег на это хватит.

Во-вторых, бомбу под Йеллоустон. Чтобы спровоцировать извержение, заряда большой мощности не требуется. Геологоразведка показала, что пары сотен килотонн хватит. Но для этого надо создать сеть подземных ходов под Йеллоустонским озером.

В третьих, украсть твоих сопляков. Их тоже следует запереть в подземелье.

По первому пункту хозяин обеспечивает финансовую составляющую захвата интернета, Очагов техническую подготовку. Хозяин польстил ему – какой-никакой, а ты все-таки сверхчеловек, так что тебе и карты в руки.

Также Очагов должен похитить детей и спрятать их под Йеллоустонским озером. При таком раскладе, заявил хозяин, ни хранители, ни отсыревший инопланетянин, никуда не денутся. На этот крючок можно будет и твою жену подцепить. Ядерный заряд следует заложить до похищения детей. Его доставку обеспечит хозяин. У него есть связи в Пентагоне.

Я сидел ни жив, ни мертв.

Грозовая туча, встававшая на морем-океаном, оказалась куда страшнее, чем мы предполагали. Мысль лихорадочно билась в одну и ту же точку – как спасти детей? Потом пусть захватывают интернет, закладывают мину, шантажируют ООН и правительства Земли вулканической катастрофой, которая может разразиться со дня на день. Спасти планету может только Гиллеспи со своими

людьми. С этой целью у него была запланирована общемировая рекламная компания.

Вот тут и выявился камень преткновения между партнерами.

– Очагов заявил, – продолжил Карпович, – вы хорошо хотите. А что я буду иметь от этой заварушки? Как только вы проведете свою ПИАР-компанию, на которой сделаете предьяву на всемирную власть, меня сразу отправят в подледное хранилище на заморозку?

Хозяин клялся и божился, что у него и в мыслях такого не было.

Очагов ответил, что поскольку он сверхчеловек, значит, демоном всевластья может быть только он. И никак иначе.

По этому пункту они не договорились, хотя компромисс наметился.

Хозяин пообещал и словом джентльмена зафиксировал обязательство организовать Очагову гражданство в какой-нибудь мелкой республике в Тихом океане. Там его изберут президентом, и Очагов отправится в ООН. Когда первая волна паники спадет, встанет вопрос о реорганизации ООН. Гиллеспи надавит на своих сообщников из Миркону и те, использовав ресурсы олигархата, транснациональных корпораций (ТНК) и теневого правительства, добьются избрания Очагова Генеральным секретарем. При таком статусе дорога к власти для него будет открыта.

Карпович помолчал, потом признался.

– Дальше они о таком заговорили, что стало тошно. Гиллеспи заявил, что это только наметки, а суть в том, что для обуздания недовольных будет организована новая церковь. Синтетическая якобы...

Я не знаю, зачем нужна новая церковь, но это обязательное условие.

Так заявил хозяин.

Очагов потребовал, чтобы ее главой стал он, демон всевластья, а Гиллеспи будет мудрым магом-наставником.

...я пришел в себя, когда обнаружил, что машина стоит. Карповичу тоже было не по себе – информацию, которую ему удалось подслушать и которую он только что слил мне, и на него произвела ошарашивающее впечатление.

– Что же получается? – спросил он. – Скоро мы все попермся в организованные хозяином храмы?

Так, что ли??

...вот когда до меня дошли маневры Гиллеспи, которыми он пытался соблазнить меня.

Вот какую цель преследовали разговоры о ПИАР-шоу на ночь Ивана Купалы, о храмах, где будут поклоняться духам и привидениям, русалкам и лешим; о святилищах, посвященных

Еленам Прекрасным, Серым волкам, Красным шапочкам, духам воды, огня и ветра.

Стало понятно, зачем Гиллеспи приплел Шварценеггера.

...первой моей мыслью было бежать из этого адского вертепа и растрезвонить на весь мир о планах этого сошедшего с ума миллиардера.

Но прежде всего надо спасти детей!

Я уже схватился за дверную ручку, чтобы выскочить из машины. Меня остановила простенькая, без всяких причуд догадка – а как же Земля?

Как же родная планета, которую мне доверили спасти?

План седовласого, съехавшего с катушек миллиардера только на первый взгляд выглядел диким и оторванным от жизни. Таких мечтателей на нашей планете было немало.

Тот же Гитлер!

Его попытка овладеть миром тоже казалась бредовой – как Германия смогла бы совладать с тремя промышленными гигантами, если ее промышленное производство составляло седьмую часть от общего валового продукта США, СССР и Великобритании. Даже сделанная на блицкриг ставка при здравом осмыслении являлась откровенной авантюрой.

Но речь не об аванюре!

...сколько бед принес этот безумец и иже с ним человечеству?

...тот же вариант просматривался в якобы фантастических мечтаниях Гиллеспи.

Катастрофа таилась в неисчислимых последствиях, которые могла бы вызвать попытка осуществления этого бредового прожекта.

Прежде всего, это напрямую касалось моих ребятишек! А также миллионов других детей, которые окажутся вовлеченными в вихрь борьбы за власть на планете.

С другой стороны, что толку предать гласности информацию о фантастических бреднях Гиллеспи, если куда более сногшибательные завихрения подаются в СМИ как очевидные истины.

Одно только напоминание о том, что Россия виновата во всем, ввергло меня во внутреннюю смуту.

Следом прошибло горькое осознание, мне никто не давал увольнительную, тем более не отпускал с поста.

...прежде всего, следует успокоиться.

Я глубоко вздохнул, мысленно привел чувства в порядок, заставил себя не пороть горячку, потом спросил все еще помалкивающего Карповича.

– Что за цветы Розабелла поставила мне в комнату?
– Их тут... – он, наконец, очнулся и примесью ненависти отрывисто добавил. – От них меня мутит.

– Где они растут?

– Туда тебе хода нет, – грубо заявил Карпович и кивнул в сторону дальней рощи, редкой березовой чередой окружавшей степное озеро. Таких озер в этом восточном районе Южной Дакоты, являвшимся хлебобродным раем для местных фермеров, было много, но этот водоем привлек внимание геометрически выверенной овальной формой.

Я жестом указал ему, куда ехать.

Карпович отрицательно помотал головой.

– Туда не поеду, там аномальная зона. Жизнь дороже! – и вышел из машины.

Я пересел за руль и двинулся в сторону заинтересовавшего меня озера.

Мне надо было побыть одному.

Глава 6

Пейзаж менялся на глазах.

Прерии – или попросту степь, – пересеченная редкими, прозрачными насквозь зарослями кустарников, рощами и разноцветными пологими возвышенностями, внезапно выровнялось.

Из-под земли на глазах начали прорастать знакомые мне одичавшие багровые цветы, на лепестках которых проступали впавшие в неодолимый ужас человеческие лица. Вид их был страшен – ромбовидные впадины для расширенных до исступления глаз, черные провалы на месте носа, согнутые под прямыми, опущенными вниз углами, ротовые отверстия, покрывали густо намалеванные решетки. Каждая складка, каждый вырез, каждая черточка бутонов изображали безутешное горе.

Среди этих «горюющих» цветов, также встречались другие, наделенные еще более чудовищными сочетаниями линий. Более всего они походили на женские лица, скрученные по два, по три в единые соцветия. Были они трехглазы, что пугало до оторопи. Верхние губки этих лихоманных обличей были вздернуты, из-под них устрашающе выглядывали кривые зубы, что придавало этим исчадиям зла жуткое до отвращения выражение.

В этот момент послышалось угрожающее жужжание и на машину сначала по одиночке, потом скопом набросились густой рой пчел. Я едва успел закрыть окна и все равно какое-то настырно-злое насекомое сумело прорваться в кабину.

Пока я отлавливал его, на пассажирском сидении неощутимо сгустился знакомый блеклый старичок с залысиной до макушки. Сначала я даже не заметил его, а когда заметил, вздрогнул от ужаса – меня пасли?!

Цезарио как опытный космический волк, побывавший за время службы не только во всех уголках Млечного пути, но и в его окрестностях – протяжно, с хрипотцой вздохнул, потом спросил.

– Куда помчался?

– Как куда! – возмутился я. – В аномальную зону! Здесь страшная аномальная зона! Надо что-то делать! Там обработали Очагова.

– Ты хочешь сказать – оживили? В этом нет ничего удивительного, он так и был спроектирован, чтобы пару раз оживать.

– То есть? – не понял я.

Здравый смысл наконец начал пробуждаться во мне. Ожил скепсис, удивление приобрело оттенок научного интереса.

– Его послали на Беркту, на планету-исходник, откуда родом Ди, – объяснил Цезарио. – Это очень негостеприимная земля, там дуют такие ветра, что, случалось, ураганы полностью сдували с материков поверхностный слой почвы. Этого убудка и сварганили с запасом, на «бессмертных» молекулах.

– Зачем на Беркту?

– Чтобы сообщить хозяевам, где прячется разведывательный звездолет «Неугомонный на страже».

– Теперь Очагов бессмертный?

– Конечно, нет. Просто перевели его геном на самовосстанавливающиеся молекулярные цепочки, что позволяет искусственно увеличить срок жизни. Примитивная технология.

– Значит, и моих детей?

– Нет, с естественными существами этот номер не пройдет, или их надо превращать в искусственную особь. Естественный организм должен собственными силами сотворить такие молекулы или иметь их от рождения. Это долгий разговор. Ваши с Ленкой дети – редчайшие экземпляры в пределах моей зоны ответственности. Им сразу открылся путь к звездам.

Как я мог оставить детей?

Таких редчайших экземпляров на вверенном мне звездном маршруте я пока не встречал. Их надо растить, обучать, холить и лелеять... в космическом, конечно, смысле.

Это апокалипсический труд. Для того, чтобы Вселенная развивалась в заданном направлении – то есть от простого к сложному – необходимо создать задел, первоначальные ячейки генов, эволюционно вырастить живые существа, подготовить исполнителей. Этих в свою очередь надо увлечь мечтой, раздвинуть горизонты, наградить моральным законом, но главное, сохранить цепочку исходных смыслов – я кого-то сменил, меня кто-то сменит.

Эволюция, Мишаня, не может развиваться случайным образом. Ваши научные люди свихнулись на случайностях – и Вселенная случайно возникла из бесконечного множества похожих миров, и жизнь, и разумные существа. Не понимаю, почему у них такое почтение к бесконечностям. За что не возьмись, все у них бесконечно – количество вселенных, их размеры, галактики,

пространство-время. Конечно, элемент случайности в становлении вектора развития присутствует, но только как элемент.

Вселенная, сочинитель, сложная штука! Вселенная – живая натура, она требует сознательного участия. Можно сказать любви, а ты только выбрался из праха, чуть поднял голову и вопрошаешь – зачем отправился в Антарктиду? Взял бы старый пень и сам влез в подледный схрон! Хорошо, залезу – дальше что? Мой век когда-то закончится.

Кто сменит меня?

Ты?

Ты – земной продукт. Производное от смысловых элементов или инвариантов на планете в стародавние времена. Обрати внимание – земной! Ты сохранил в себе цепочки ограниченных земными условиями изначальных трендов. Но только земных! Назовем их архицептами.

Хочешь спросить, что такое архицепты? Это древние духовные протоэлементы сознания. Это то, что вы называете подспудным – или коллективным – бессознательным.

Есть такая страна, Михаил, есть!

Ее изначально не было. Архицепты появились у местных антропов в результате усиленной умственной работы над самым главным вопросом – как выжить? Это главный видовой признак разумных существ, появляющихся в звездном пространстве.

На вашей планете.

На любой планете.

Ведущая характеристика каждой осознающей себя особи – выстраивание собственной реальности. Это происходит не только путем наработки знаний, но и неосознаваемым обращением к бессознательному, ведь все сказки, легенды, мифы, пророчества, оформленные системные религиозные взгляды откуда-то взялись.

Отсюда тянется ниточка к «лукоморью» или «чернокнижью». Оно же не могло возникнуть само по себе. Как система, оно возникла исторически, как опора духовности эта сфера является источником религиозных верований.

Наконец, эта составляющая сознания обеспечивает связь поколений.

По мере того как человек на своей шкуре прочувствовал свое присутствие в мире и лицом к лицу столкнулся с «шифром» окружающей его реальности, с ее «речью», он обнаружил тайное противоречие окружающей его действительности, которую ему хотелось бы считать компактной и однородной.

В процессе эволюции многое чего возникает, но многое и теряется. Остается необходимое – точные знания, но также принципы, табу, символы веры. Это все согласуется в сознательной деятельности. Порой очень плохо согласуется, но тренд такой. Эти наработки, игры воображения, интуитивные проникновения в запредельные дали – или скажем точнее, в потусторонние духовные миры, – играют исключительно важную роль для каждой разумной

расы. Появившись на потребу дня, как главное средство выживания, они расширяли кругозор, давали инструменты созидания. Они углубляли умственный взгляд, и говорить при этом, что все эти «побасенки» предрассудки, обман зрения – нелепо!

Теперь вы стоите на пороге Большого космоса. Туда с земными понятиями о добре и зле лучше не соваться. Земная мораль всего лишь ступенька в постижении окружающего вас мира.

На этот раз он надолго замолчал, потом не без горечи поделился.

– А у вас на планете случилась беда. Твои современники, Мишаня, заразились опасным духовным заболеванием – они *утратили ощущение нужности людям*. Это невосполнимая потеря! Если ты, каждый из вас, не нужен друг другу, значит, вас нет, и когда вы насытитесь причинением смерти и страданий, натешитесь гордыней и своеволием, накопите горы золота, когда возненавидите себя – станете как сухая былинка ветру.

Исторически вы сумели выжить только сбившись в толпу. Вы жили в толпе много тысяч лет, а теперь ваши архонты всем предложили выйти из толпы. В результате образовалась кучка испуганных идиотов.

Ваши правители приучили вас все измерять в конфликтах, вы привыкли к *войне всех против всех*. Вас убедили, что первому достается все. Нелепым предрассудком объявили справедливость. Вас соблазнили постправдой, а вы и рады! Выкладываете в интернете всякую запредельную глупость. Даже любовь свели к «отношениям», а дружбу к старшему и младшему партнерству. Ваши архонты подговорили относиться к злу как к естественной опоре существования, а вы и рады считать это прогрессом.

Кто теперь не осилит вас?

...многие местные образованные люди утверждают, что ваш Иисус Христос никогда не существовал. Приводятся множество аргументов, но ты зайди в любую церковь и взгляни на иконостас. Вот он, Иисус Христос! Вот он, мечта всех страждущих и уверовавших, и объяснять им, что они заблуждаются, что их кумира никогда не было – нелепо. Тебя подведут к иконе и предъявят лик, а уж как возникло изображение, исторически, мифически, фантастически – дело десятое.

Тоже творится с мирозданием.

Когда европейцы открыли Тихий океан и решили переплыть его, это означало, что белые люди изменились. Но и сам океан тоже изменился! Стал доступнее. Это мозгами понять невозможно, но так было и так будет!

Чтобы общение со звездами стало возможным, Вселенная должна измениться для вас.

Я засмеялся.

– Чтобы Кук смог добраться до островов в Тихом океане, должен был измениться Тихий океан? А чтобы Колумб смог доплыть до Америки, должна была измениться Америка? Понятно, что должна

была измениться Европа, пославшая корабли, но Америка? Конечно, случаются чудеса, но... поверит ли чудо в меня?

– Именно так! – воскликнул призрачный гость. – Добейся, чтобы чудо поверило в тебя! Невозможно изменить судьбу, не изменившись самому. На своей планете вы находитесь как бы в двух измерениях, все измеряете по долготе и широте. Пора задуматься о «пространственной» морали.

В межзвездном пространстве действует иная мораль. Она во многом основана на «двухмерной», но более объемна, я бы сказал расширена. В ней появляется третья координата – назовем ее *согласием*.

Например, разумное существо распадается на поток инфонов, потом, после межзвездного прыжка, вновь возвращается в первоначальное состояние – есть ли разница между ними? А если есть – как ее согласовать, чтобы существовать дальше? У вас, у антропов, эта загадка проработана в том плане, что мертвые становятся вампирами и вурдалаками – то есть жутью, но это не решение!

Пора шагнуть дальше и совместить свое понимание мира и обязанностей перед миром со следующей фазой строительства Космоса. Понял, к чему веду?

– Да, – буркнул я. – К согласию.

– Именно, – Цезарио одобрительно поерзал на сидении. – Радует, что твоим детям досталось кое-что и от отца.

Затем попечитель признался.

– Это был трудный вопрос – награждать Елену, мелкую бибриону, правом деторождения или нет? Это был вызов, прямое нарушение завета. Теперь вижу – был прав. Папаша им достался полезный, не без придури, конечно, но...

Помолчав, попечитель заявил.

– Радует, что кое-кто из местных прямоходящих антропов задумался о том, что полярности и антагонизмы могут – и в пределах обязаны! – интегрироваться в целостную систему, иначе вам никогда не освоить вечность, а значит, путь к звездам.

Только перемена взгляда поможет вам открыть ворота для освоения Вселенной.

...наши архонты Ди в чем разошлись с горлопанами из оппозиции? Они полагали, что всякая новая межзвездная раса должна появляться только под их присмотром, а эти... взбунтовавшиеся, утверждали, что это бесполезное занятие и, кроме иерархии, такой выбор ничем кончиться не может. Более того, такой подход суживает круг разума до принципов, исповедуемых меньшинством, а это что значит?

– Не знаю, – честно признался я.

– Сохранением власти над миром. Очагов об этом догадался, так что кончай тупить.

...в космосе, Мишаня, столько загадок, что разгадывать их с помощью земной, ограниченной древними правилами выживания морали, бессмысленно. Тем более действовать по выработанному веками шаблону! В этом случае итог всегда оказывается системной иерархией.

Вся ваша символика «покорения космоса» четко делится на два тренда, причем оба они заключаются в том, что вы лезете к звездам со своими примитивными представлениями о «добре», «зле».

Был у вас писатель, сочинивший роман о том, что представители человечника наткнулись в космосе на объективно существующую загадку – разум размером с океан. Он первый поставил вопрос – что нам, то есть вам, землянам, делать? На что способен этот океан, является ли он угрозой для представителей Земли, какие защитные меры в этом случае необходимо предпринять? Как наконец добиться согласия с океаном, сначала в моральном, а потом и в физическом плане.

Некий кинорежиссер свел этот конфликт исключительно к переживаниям главного героя насчет его вины в самоубийстве любимой женщины. То есть вынес ваш мелкий, планетарный мусор до уровня космической свалки. У автора романа и в голове этого не было. Океан обнаружил у землян слабое место и ударил по нему. Он писал о том, как справиться с этой слабостью? Отказаться от общения с океаном, попытаться уничтожить его или сделать попытку увязать свои потребности с его потребностями.

– То есть найти согласие?

– Да.

– Но жизнь, – возразил я, – есть борьба. Об этом еще древние говорили, а согласие исключает борьбу.

– Ты опять сузил проблему. А борьба за согласие разве не есть борьба? А ты помчался покорять аномальную зону!

Он помолчал, потом добавил.

– ...если ты рождением оказался причисленным к потомкам первых жрецов, магов и шаманов, значит, ты подобрал их метафизические способности. Это не значит, что ты чем-то выделяешься, что ты лучше других. Это всего лишь свойство твоей геной природы и, конечно, воспитания. Свойство другой природы сочинять музыку или бегать быстрее всех. Значит, исполняй свою миссию, как исполняют ее миллиарды твоих соплеменников.

Твои дети – другие, так уж случилось. Они подняли головы, они встали из праха, они пойдут дальше, но для того, чтобы они не сбились с пути, им нельзя забывать прошлое. Их общее исконное бессознательное всегда должны быть с ними, иначе могут случиться опасные причуды, какие позволяет себе Очагов. Придумал же себе титул – демон самовластья!

Поэтому учи детей согласовывать. Это тоже трудная задача – быть отцом на Земле. А в космосе тем более. Учи их не поддаваться безумствам века, избегать лжи и жить своим умом.

Некоторое время мы сидели молча.

Слова попечителя затронули меня за живое. Я не слышал его дыхания и это беззвучие очень угнетало меня. Сказанное надо обдумать не сидя в чужом автомобиле, а в тишине, рядом с Ленкой.

Я взял себя в руки.

– А Томас?

– Не знаю! – развел руками попечитель. – Не могу понять! Скорее всего, в его геноме отложились какие-то древние молекулярные цепочки, причем от тех существ, которые когда-то посетили Землю и оставили потомство. По моим прикидкам, это случилось не менее четырех миллионов лет назад.

Старикан внезапно растворился в воздухе.

Буквально.

Я не спал всю ночь. Вспоминал о Ленке, мечтал о ней. Помимо любви, нам было о чем поговорить. Мне хотелось обсудить слова галактического пришельца, подумать о том, как сохранить детей.

Им будет трудно – я был уверен в этом. Это подспудно читалось в откровениях попечителя. За ними началась охота, мне не справиться с врагами без помощи моей бибрионы, а где она?

Что с ней?

Попечитель говорил о согласии – это был неразрешимый вопрос и ответ на него мы могли найти только вместе, что само по себе подчеркивало его насущность.

...забылся только под утро.

* * *

Утром в доме началась паника.

Первым ко мне в комнату – без стука! – вбежал Карпович.

– Доигрались! – сообщил он, потом в каком-то судорожном тоне добавил. – Какие-то суки проникли в антарктическую полость и что-то там нахимичили!

Он неожиданно всхлипнул и выскочил в коридор.

Я рывком соскочил с постели и, судорожно хватаясь за мебель, придвинул к двери стол, а на стол водрузил два стула. Хотел еще надвинуть кресло, но силенок не хватило оторвать его от пола.

Страх заставил меня броситься на улицу.

Во дворе меня встретил Гиллеспи – весь такой возбужденный, радостный.

– У меня прекрасные новости – мой внук оказался не промах. Он выдержал экзамен – сумел пробраться в подземную полость и разминировать термоядерный заряд, который Очагов подложил в гнездо пришельца. Я получил эсэмэску. Том скоро прилетит на ранчо. Он все расскажет.

Я отметил про себя – оказывается, это был всего лишь экзамен! Старикан ловко переобулся в полете. Сначала поставил капкан на

Облако, а когда ловушка не сработала, заявил, что так было задумано.

Гиллеспи доброжелательно похлопал меня по плечу.

– Твои отпрыски тоже приняли посильное участие в этом испытании.

Я не сразу справился с растерянностью. Мои отпрыски, кажется, исполняли главные роли в этом спектакле. Том вроде помогал им.

На какое-то мгновение лицо старика исказилось, словно ему дали пощечину.

– Очагов сбежал.

Он сообщил об этом запросто, как о каком-то рядовом событии. На долю мгновения на его лице отчетливо мелькнула обида, заставившая меня замереть. Мне никогда не доводилось видеть обиженного миллиардера.

– То есть?

– Вот так взял да исчез. Это урок мне. Впрочем, и всем нам. Будет о чем поговорить с БНО. Надо как-то выкручиваться. Надо спасти Землю!

Я пристально посмотрел на него.

Прежняя мгновенная оскорбительная оторопь исчезла. Передо мной стоял оптимистично настроенный финансовый воротила, энтузиаст и романтик.

– А Розабелла?

Гиллеспи вздохнул и пожал плечами.

– Он даже домоправительницу не предупредил.

Все смешалось у меня в голове.

Часть III. Окончательное решение

Странники – это конгломерат, союз, сверхцивилизация... имеющая многотысячелетнюю историю, возникшая как продукт эволюции многих и многих цивилизаций вселенной.

Каждая такая цивилизация на одном из этапов совершает скачок, порождая следующее «колесо Разума» – генетически новое поколение, обладающее невиданными ранее свойствами вроде безаппаратной нуль-транспортировки, способное жить в космосе, как в доме, и уже готовое присоединиться к сверхцивилизации.

Б.Стругацкий. (Из интервью, данного «Российской газете» в 2010 году)

Томас Гиллеспи появился на ранчо спустя неделю – выскочил из приземлившегося вертолета и бегом бросился к «granny Jeffrey». Увидев меня, он торжествующе воскликнул.

– Урик и Милка придут через три дня.

– С чего ты решил?

Мне стало обидно – отца можно было предупредить. Ох, уж эта молодежь.

Между тем Том доходчиво объяснял деду.

– Я видел вечность, то есть четвертое измерение.

– И какое оно из себя? – поинтересовался миллиардер.

– Great!! – Томас во всю длину рук очертил круг. – Visible and invisible.

– Томас! – обратился я к парнишке. – С чего ты решил, что мои дети придут в Штаты, да еще в это аномальное место?

– Это не я решил и не они. На этом настоял granny Jeffrey.

– Well, this is my decision, – вмешался в разговор Гиллеспи и добавил по-русски. – Милости просим.

* * *

Дети не появились ни через три дня, ни через четыре, а через неделю я получил эсэмэску.

От кого: Ев-гений Первый

Тема: Мои условия

Дата: ...

Кому: Сочинителю

«Дети у меня. Требую переговоров. Ты как посредник исключаяешься. Предупреждаю, место, где содержатся заложники, недоступно не только местным колдунам, но и инопланетянину. Жду ответа.

Ев-гений I».

Кто такой, этот Евгений первый? Поинтересовался у Гиллеспи.

Granny Jeffrey засмеялся

– Это же Очагов. Возможно, решил сыграть по-крупному. Далеко пойдет парень.

– Если полиция не остановит, – добавил я.

– Полиция не остановит. Его теперь никто не остановит.

Я, еще не вполне врубившись в ситуацию, более напоминающую глупый розыгрыш или бред свихнувшегося бибриона, простодушно спросил.

– Почему?

– Потому что он прячет твоих детей в недоступном месте. Здесь же ясно написано.

Я внимательно взгляделся в миллиардера. Он сочувственно смотрел на меня, однако все, что таилось в его сознании, начиная с

рефлексов и врожденных моторных реакций вплоть до осознанной и неосознанной умственной деятельности, оказалось напрочь закрыто. Более прочную защиту я еще не встречал.

Это было неприятное, едва не сбившее меня с ног открытие. Такая игра мне не нравилась.

Опять черный экран?

Опять дети?

Опять жизнь или смерть?

– Как они попали к Очагову?

– Это надо выяснить.

Сценарий похищения оказался на удивление прост. Самолет, на котором Палмер летел в Южную Дакоту сделал промежуточную посадку в Колорадо-Спрингс. Там, на отдельной частной площадке, на «Бомбардье» был произведен молниеносный налет. Палмера и охрану вывели из строя усыпляющим газом, детей вывели и увезли на спецмашине.

Брошенная спецмашина была обнаружена в Энглвуде, расположенном в полусотне километров от Денвера, штат Колорадо.

Здесь следы похитителей и жертв терялись.

Палмеру тоже досталось, он до сих пор находился в больнице. Был в сознании, однако отравление оказалось достаточно тяжелым.

В те дни весь дом ходил ходуном. Томас готов был уже завтра броситься на поиски друзей. Гиллеспи успокоил его и заверил – все возможные меры уже приняты.

... вот на что я тогда обратил внимание.

При упоминании о свояке, тоже известном человеке, у Гиллеспи ни единая жилка на лице не дрогнула, а ведь Палмер тоже был уважаемым членом Миркона. Он был равнодушен к судьбе Палмера, а при упоминании Очагова у него непроизвольно сыграл рефлекс ненависти.

...пустяк, а задело.

Я поинтересовался – был ли допрошен Палмер и его охранники? Гиллеспи объяснил, полиция занимается этим вопросом, но выяснить что-то реальное не удалось.

«Как так не удалось? – мелькнуло у меня. – Что-то они должны были нарыть, если Палмер в сознании?»

Я собрался более детально расспросить Гиллеспи, и в этот момент меня кольнуло – «...тормозни. Начни с Палмера. С этим простодушным миллиардером откровенничать не надо».

...вспомнился разговор с Карповичем, его признание насчет авантюры с новой религией и всевластьем.

Я попросил Гиллеспи как можно быстрее доставить меня в Энглвуд – хочу, мол, услышать эту историю из первых уст.

Гиллеспи тут же предоставил мне свою «Сесну», и спустя несколько часов я отправился в штат Колорадо. В пути связался с Облаком и Василь Василичем.

...на подлете в Энглвуду на высоте двух тысяч метров ко мне в салон вползло Облако и оформилось в привычного, уже поднадоевшего космодесантника. Вошедшая в салон стюардесса никак не выразила своего отношения к непрошенному пассажиру.

Я попросил колу и восхитился ее выдержкой – у вас, мисс, железные нервы. Стюардесса не меня выражения лица ответила, что в полете им запрещено проявлять эмоции, кроме служебных. Это одно из условий работы на мистера Гиллеспи.

– Даже в том случае если случится что-то из ряда вон выходящее? – удивился я. – У вас на борту – в полете! – нежданно-негаданно появился нежданный пассажир, а вы глазом не моргнули.

– Даже в этом случае, – подтвердила стюардесса. – Особенно в этом случае!

До самой посадки мы с Облаком обсуждали, что конкретно надо выяснить у Алана. Во время разговора пришли к выводу, что пугать персонал в больнице Облаком не стоит, а вот тщательно обследовать машину, на которой увезли детей, следует обязательно, так как только в этом случае Облако могло отыскать следы дальнейшего маршрута.

Перед посадкой Облако растаяло, так что на полосу, где меня ждала машина я вышел в сопровождении невозмутимой стюардессы.

Пока мы прощались, я успел собрать ментальную информацию об этой железной даме.

...она была индеанка, отсюда непоколебимая выдержка.

Я передал ей привет от родного дяди, в качестве целителя, а точнее шамана, проживающего в резервации Пэйн-Ридж на юго-западе Южной Дакоты. Она чуть смягчилась, заявила, что ей приятно получить весть от ближайшего родственника.

Я поинтересовался – неужели хозяин позволил себе лично провести инструктаж перед полетом? Она едва заметно кивнула. В этот момент я обратил внимание, с каким интересом второй пилот наблюдает за нами. Мне бы мысленным ударом свернуть ему шею, но я удержался и едва слышно поинтересовался у стюардессы.

– О чем предупредил хозяин? – и тут же добавил. – Он не смотрит...

– Именно об этом, – едва шевеля губами откликнулась девушка, – о необычном пассажире.

Этот факт лишь усилил мои подозрения.

Я не доверял Гиллеспи.

Ни вот на столечко! Не мог Очагов исчезнуть, тем более похитить моих детей в тайне от добродушно-улыбчивого старичка.

Этого просто не могло быть!

Или могло?

...я так и не сумел ментально расшифровать Гиллеспи. Если его ирландский папаша, сбежавший в Америку от уголовного преследования, хранил в генах древние колдовские архицепты, значит, он был посвящен в тайну «чернокнижья».

Кто же была его мамочка?

Тоже, видно, не случайная дама в потустороннем мире.

Или, по крайней мере, ее дальние предки!

Закраться наглухо от меня, одного из главных хранителей, было трудно. Это надо было уметь. Если прибавить его соучастие в отравлении Петьки Шееля, ломовые маневры вокруг Облака, бесцеремонное похищение детей, – все это не вызывало во мне желания откровенничать с ним. Его мгновенная готовность пойти на компромисс только усиливала подозрения. Как только выяснилось, что его номер с похищением детей и заражения их раком не удался, он тут же сменил тактику. Стал доброжелательным и гостеприимным.

Может, все дело в Очагове? Не сыграл ли он с хозяином скверную шутку?

К сожалению, эта интуитивная догадка всего лишь проясняла ситуацию, но помочь не могла.

...мое горе было дня Гиллеспи пустяшной мелочью на пути.

...на пути к чему?

Я задумался – не многовато ли испытаний выпало на долю моих любимцев! Они достойно справлялись с ними, но теперь все зависело от меня, от моих усилий, напрочь исключавших мольбы, стенания, обращение к небесам. На это у меня не было ни времени, ни желания.

Другое дело Алан Фостер Палмер.

Я обрадовался, когда он, окончательно придя в себя, рассказал все, что знал насчет рейса – кто его выпускал в полет, время вылета, состав охраны. Во всех подробностях мы обсудили возможность утечки информации. Нам так и не удалось отыскать пусть даже самый незначительный след, способный прояснить, кто еще мог знать о вылете, маршруте полета, времени прибытия.

Между тем вундербот, занявшийся привычной оперативно-«наблюдательной» работой, отыскал следы микроавтобуса, на котором увезли детей.

Моя догадка подтвердилась – машина была похищена из гаража Гиллеспи. Именно на нем Очагов дал деру из Брукингса. Служака-скаут, воспарив в форме облака, ментально отследил маршрут

бибриона, затем попытался отыскать и идентифицировать его сообщников.

После разговора с Палмером мы вылетели в Шайенн, штат Вайоминг. Вундербот доставил меня на джипаре к заброшенному дому на окраине Шайенна.

Дом был пуст, никаких следов людей.

Мы обыскали дом, где я уловил отчетливый след, оставленный Ликой и Урганилом. С помощью метального взгляда я различил виртуальные профили детей – сюда их привезли в спящем состоянии. Были здесь и ментальные отпечатки других антропов.

Неожиданно инопланетянин, пребывавший в облике космодесантника, начал расплываться в воздухе, пока в комнате не появился сгусток тумана, который выполз через дверь.

Я поспешил вслед.

Сгусток всплыл над домом и прилегающим к нему участком. Потом Облако сформировало человеческую кисть и указательным пальцем поманило меня за собой. В ближайшем овраге мы обнаружили свежий холм земли, из которого торчала мертвая человеческая рука.

Нескольких движений хватило, чтобы обнаружить трупы трех человек, умерщвленных ядовитым газом и спрятанных в овраге. Пока я разгребал землю, Облако неподвижно висело над моей головой.

Потом в человеческом облике инопланетянин уселся за руль. Лицо у него было чистое, безусое, волосы на голове зачесаны к затылку, десантная куртка распахнута. Ему еще сигарету в зубы и сходство с профессиональным охранником было бы полное.

– Поехали! – скомандовал он.

– Куда?

– В заповедник, – он указал пальцем на запад.

Я обратил внимание – палец у него был вполне антроповидный, с коротко постриженным ногтем.

Когда он тронулся с места, я спросил.

– Полагаешь, их отвезли в Йеллоустон?

– Что здесь полагать. Их ментальный след четко отпечатался на дороге.

Я вздохнул.

– И что мы будем делать в этом заповеднике?

Облако удивилось.

– Искать детей.

– Как искать?

Облако смутилось.

– Ну... я отыщу место, где их прячут. Ты организуешь верных людей и духов.

После долгой паузы я с подчеркнутой медлительностью произнес.

– Я полагаю, это погубит детей.

– Что же ты предлагаешь?

Опять же после паузы я сообщил.

– Гиллеспи просил организовать встречу с тобой.

– Чего ради? – возмутился инопланетянин. – У нас существует устная договоренность, что я никоим образом не участвую в ваших делишках.

– Так было раньше. Сегодня обстоятельства изменились. Хочешь не хочешь, но с сегодняшнего дня ты уже не можешь вильнуть в сторону.

– Если ты полагаешь, что мое участие в поисках детей является вмешательством в ваши внутренние дела, – ошибаешься. До сих пор я ни разу не позволял себе ковыряться в ваших паскудных разборках. По статусу я гость – так сказать, застрявшая по недоразумению на вашей дикой планете чуждая наблюдательная оболочка, и не более того. В мои обязанности входит наблюдение, фиксация. Я веду себя так, как должен поступать всякий опытный и дисциплинированный вернотрудовой VII класса. Такова моя природа, а уж с кем мне встречаться с кем делиться полученными сведениями, это мое дело. Тем более что начальство на днях отбыло с планеты.

– Хорошо, – согласился я. – Раз ты настаиваешь, давай отправимся в Йеллоустонский заповедник и приступим к розыску. Он будет удачен, заверяю тебя. По доброте душевной ты поделишься со мной сведениями, где этот негодяй прячет детей. Дальше что?

Инопланетянин смутился.

Я настойчиво повторил.

– Что дальше?! На планете скоро начнется незримый бой. Это будет бой не ради славы, ради жизни на земле. Ты с небесной высоты будешь взирать за разворачивающимися событиями, фиксировать их, отправлять в долговременную память, а потом махнешь ручкой и отправишься в подледный схрон заправляться и отдыхать? Дальше что?!

Инопланетянин закашлялся.

– Что ты хочешь от меня? Что вы все от меня хотите? Плюнуть на устав, проявить инициативу и нарушить договоренность? Меня за это...

– Тебе необходимо встретиться с Гиллеспи!

– Заладил – встретиться да встретиться! К этому набитому долларями элитарию у меня душа не лежит. Гребет исключительно под себя, и никакой указ ему не указ.

– Объясню. Мы, здешние *fera hominum* (дикие люди), попали в непростую ситуацию. Я бы назвал этот момент переломным. Если хочешь, судьбоносным. Как бы ты не юлил, не ссылаясь на указ, на устав, это касается и тебя. Сейчас решается твоя судьба. Какие варианты событий ждут тебя в будущем? Давай представим наихудший, но вполне возможный при твоём неучастии сценарий.

... сердцем чую, вдвоем нам детей не спасти. Очагов здорово поднаторел в подобных делишках, ему отступить некуда. Глубокой криоконсервацией он теперь не отделается. К тому же у него за спиной громадный, все подавляющий материальный ресурс Гиллеспи и его сообщников из транснациональных корпораций, аналитических «мозговых центров», частных военных компаний и всякого рода экспертов. Твоя неподвластность, заносчивая отстраненность давно вызывали у них тихую злобу. Теперь пришел их час. Мои дети – убойное оружие в их руках. Они расправятся с ними в любых обстоятельствах. Даже ценой жизни Очагова.

Мне тяжело говорить об этом. Душа вопиет. Я не знаю как буду жить без детей. Что скажу Ленке? Она проклянет меня, но я сжал сердце в кулак и притушил вопли, чего и тебе желаю.

...если мы потеряем детей, если верх возьмут такие как Гиллеспи, нас всех ждет страшное будущее – власть иерархии в форме продвинутой фашистской тирании, ущемление всего, что только смогут ущемить в душах людей те, кто возьмет верх.

Мы разговариваем на равных, как естественная особь с неорганом. Что в этом случае ждет тебя, гостя нашей планеты?

Будешь невозмутимо наблюдать, как будут гибнуть миллионы, как будут умирать от голода дети? Как из людей начнут изготавливать напоминающих сосиски, послушных биороботов? Ротшильды, Рокфеллеры, Соросы, Гиллеспи от тебя не отстанут. Ты у них как бельмо на глазу. На тебя начнется охота, а ведь у тебя другие планы и ты надеешься их осуществить!

– Почему ты так решил? У меня нет других планов, как исполнять предписанное уставом.

– Есть, планетарный скаут № 17, есть!.. Потому что не в твоей природе добросовестного служаки наблюдать за смертью и убийствами. Потому что ты читаешь нашу литературу. Изучил Станислава Лема. Кого еще?

– Многих, – едва слышно откликнулся вундербот.

– Значит, тебе это показалось важным! Ты уже прижился на нашей планете, пропитался земной аурой, поверил, здесь не плохо. Родилась в душе мысль – может, волею судьбы тебя сделают планетарным попечителем?

– Цезарио намекнул?

– Нет. Никаких авансов галактический старец не давал, но он явился, откликнулся на твою беду, хотя, как ты слышал, у него таких планет как Земля, что пылинок на ногте. С его подачи мы привлекли к спасению станции моих детей. Это что-нибудь да значит.

Экзотик промолчал, затаился.

– Наступил момент, когда следует сделать решительный шаг, – заявил я. – Трудно пойти против устава, согласен, но от этого не уйдешь. Если с моими... – я запнулся, потом восстановил дыхание, – детьми что-то случится, нам, землянам, будет закрыт путь к звездам. Когда еще выпадет счастливый случай завести у себя расу богов!

Как утверждает Цезарио, мы сжились со случаем, но это не тот случай, с которым можно смириться. Нам будет закрыт доступ в космос. Или мы будем путешествовать к звездам на досветовых скоростях?

Вундербот едва слышно отозвался.

– Это сказки для маленьких детей.

– Какие сказки? – не понял я.

– Насчет сверхсветовых скоростей. Их по определению быть не может.

– Хорошо. Оставим в покое сказки. Если верх возьмет Гиллеспи и иже с ним, нас начнут пичкать подобными сказками с утра до ночи. Мы, двуногие, верим в прогресс, вот и будет нам прогресс. Любите мечтать, приматы, вот и мечтайте на здоровье, а тех, кто начнет сомневаться, тихо и незаметно избавят от окружающих.

Будешь равнодушно наблюдать, как их будут растворять в кислоте?

Согласись, это этот путь в никуда. Такой тренд превратит существование на этой планете в кошмар, по сравнению с которым разумный Океан покажется рождественской сказкой.

Я передохнул, потом добавил.

– Деграция доберется и до тебя.

После паузы

– ...детей надо спасти, и мы, хранители, люди, звери, птицы, грибы, насекомые и водоросли постараемся их спасти, но с твоей помощью это будет сделать намного легче. Больше шансов, что я увижу детишек живыми.

Выбор за тобой. Возьми на себя смелость сделать первый шаг. Переступи через программу. Нарушь устав. Я уверен, ты готов к этому, с тобой на Земле произошла странная метаморфоза – ты стал человеком, как и Ленка. Это что-нибудь да значит.

– Что ты хочешь от меня?

– Ты должен встретиться с Гиллеспи и дать согласие на общение с ним и его приверженцами. Но к этому надо тщательно подготовиться, продумать все до мелочей.

Я не верю Гиллеспи.

Глава 2

Открытие, сделанное в Йеллоустонском заповеднике, ввергло нас в шок.

Найти по ментальному следу местоположение Урика и Милолики оказалось нетрудно. Места здесь были пустынные и безлюдные, напоминающие нашу тайгу в предгорьях, пересеченную широкими степными полянами и изобильными травостоем лугами.

Вокруг – Скалистые горы, внизу громадное озеро, откуда брала начало река Йеллоустон.

...логово Очагова мы обнаружили у подножья хребта Абсарока-Рэндж.

Это была небольшая, неприметная в густом лесу, бревенчатая избушка, укрытая на берегу озера неподалеку от ручья Sub Creek.

Само месторасположение убежища внушало изумление. Сруб с обязательной для американцев террасой было водружен на высоту метров в пять и собран на стволе исполинской ели.

Как туда взобраться? Как спуститься?

Был вечер.

Над озером и на горах клубился туман. Место было тихое, пустынное, угрюмое. Едва слышно позванивали струи ручья, впадавшего в озеро.

Мы затаились на пределе видимости цели. Когда облачная хмарь начала напоздать на избушку, Облако выпустило тончайшую струйку, которая, смешавшись с естественными клочьями тумана, попыталась проникнуть в избу. Когда белесая взвесь всплыла на уровень террасы, мы услышали нараставшее, словно гудение шмеля, гудение. Облако тут же растворило свой сгусток в природных клочьях тумана.

– Нам туда соваться нельзя! Мне, по крайней мере. Тебе тоже. Охранная сигнализация исключительно чувствительна и настроена на мой психообраз. Этот твой Очагов многому научился. У него хорошая аппаратура.

– Что будем делать?

– Попытаемся просочиться через корневую систему. Если и там засекут, придется прекратить попытки. От меня помощи не жди. Моих возможностей хватает только на наблюдение, проникновение, изучение. Я не могу воздействовать на физические объекты ни реальным, ни ментальным образом. Разве что Том поможет, – вундербот задумался. – Но ведь Гиллеспи его дед?

– Это хорошая идея, – согласился я. – Надо будет поговорить с мальчишкой. Его дед не только Гиллеспи, но и Палмер.

До вечера мы пытались проникнуть в логово Очагова.

Ничего не получалось.

Это выглядело более чем странно. В любом случае наш план, который мы обсуждали по дороге в Йеллоустон, рушился на глазах.

Казалось, кто такой этот Очагов – пусть даже Ев-гений, – против продвинутых инопланетных технологий, однако похититель сумел сосредоточить в избушке множество самых разнообразных следящих устройств, пресекавших всякие попытки незаметного проникновения в его логово.

Единственное, что удалось выяснить – и это знание ввергло меня в ступор, – самого Ев-гения на месте не было. Значит, выдал пленникам паек на день или на неделю и смылся?

Где же он их прячет?

Ясно, что под землей, но как туда добраться?

С помощью сверхчувственного взгляда я разглядел в стволе дерева колодец, спускавшийся ниже поверхности земли на глубину двух десятков метров. Там располагался бункер, обложенный толстыми стальными листами, в котором осязательно фиксировались многочисленные устройства, видимо, обеспечивавшего жизнедеятельность убежища.

Из бункера начинался подземный туннель, уходивший глубоко в скальную породу. На глубине нескольких десятков метров искусно обработанный проход поворачивал в сторону Йеллоустонского озера. Далее разрешающей способности, ни моей, ни сенсорной вундерботовской, не хватало. Все наши попытки углубиться ментальным взглядом в подземелье оказались напрасны.

Ночью, разложив костер в горной расщелине, скрывавшей нас от таинственной избушки на курьих ножках – скорее, на еловой ноге, – мы пришли к неутешительному выводу. По всему выходило, что именно здесь Гиллеспи с помощью Очагова готовился заложить ядерный заряд под Йеллоустонское озеро. Сюда же должны были поместить и моих детей, чтобы шантаж наверняка удался.

Ловко придумано!

Однако что-то пошло не так. Это ощущение сбоя в программе заговорщиков крепко мешало наметить наши дальнейшие действия.

Я рассказал Облаку о признаниях Карповича. Неорган с человеческим лицом некоторое время усиленно моргал, потом выдал – Дональду можно верить! Эти два ублюдка – Гиллеспи и Очагов – заранее готовились к похищению детей, иначе откуда в таежной избе столько машинерии, вплоть до мощнейшего электрогенератора. Но шантаж должен был вступить в действие только после того, как заминируют озеро.

А мы с чем столкнулись?

Облако убежденно заявило, что никаких следов ядерного заряда в тайнике нет и в помине.

Следовательно...

Нам обоим пришла эта мысль – Ев-гений затеял скверную игру! Возможно, он решил перетянуть одеяло на себя? Если мы оба – местный антроп и инопланетный гость – мыслим в верном направлении и несхожесть происхождения не помешала нам отыскать истину, значит, мы на верном пути..

Так бы во всем!

Вундербот сделал логический вывод – Очагов смекнул, если идти на поводу у хозяина, можно столкнуться с тем, что Гиллеспи при удобном случае выбросит его из проекта. Стоит только миллиардеру договориться с БНО и со мной, представителем хранителей, наш Ев-гений окажется не нужным. Никакое происхождение, удивительные способности, которыми наградили его инопланетяне, тем более нелепые претензии на титул демона всевластья, здесь не помогут.

* * *

Я откинулся на спину.

Подо мной была густая трава, ниже тонкий слой лесной почвы, еще ниже спрессованная каменная осыпь. Я проследил ментальным взглядом за расположенными еще ниже слоями, и в следующий момент до меня издалека – из самых недр земли? – долетел вопль, еле слышимый, но различимый до ужаса.

Я тут же откликнулся. Встрепенувшийся вундербот усилил мой ментальный сигнал мощностью своих наблюдательных «легких» – «слышу-у-у!»

...папочка, мы в подземке! Здесь очень жарко. Нам страшно!

Я не выдержал. Беда, случившаяся с моими детьми, предстала передо мной в самом жутком обличье.

...где вы?

...здесь очень жарко. Над нами вода... Много воды. ...папочка, здесь...

Далее я не расслышал. Дети, уловив отклик, ожили, заговорили наперебой. Я никак не мог разобрать смысл. Меня душили слезы. Наконец что-то членораздельное прорезалось в ментальном шуме.

...Томасу. Скажи Томасу.

Далее связь оборвалась, подавленная каким-то басистым, помехоустойчивым гудением, назойливо заполнившим каменную, многометровую глубину под озером.

Мозолистые руки Облака легли мне на плечи.

– Держись! Справимся.

* * *

К полудню следующего дня мы добрались до Энглвуда.

Мчались как угорелые. Одна и та же мысль подгоняла нас – как бы, догадавшись, что дело пошло не так, Гиллеспи не спрятал Томаса, нашу единственную надежду, в каком-нибудь укромном месте и вовсе не в таком жутком, как подземелья под скалистым основанием озера Йеллоустон. У миллиардера для этого были все возможности. Он мог отправить его в средневековый музейный замок в Европе или на одну из самых живописных и богатых вилл на островах Тихого океана – таких, например, как ранчо на острове Молокай на Гавайях.

Неукротимый Монументал отыщет его, но сколько это займет времени, а времени у нас не было.

В пути я связался с Гиллеспи и объяснил – мы ничего не нашли. Ясно, что детей прятали в Йеллоустоне, но весь заповедник – это около десятка тысяч квадратных километров – мы обыскать не в состоянии. Место, где прятался Очагов с детьми, требовало более серьезных поисков.

– Ясно, понятно, – ответил Гиллеспи. – Самолет будет ждать вас в ближайшем аэропорту Коди, экипаж в отеле «Медвежий зуб». Жду.

О Томасе я благоразумно умолчал.

* * *

Как только мы прибыли в Брукингс, Гиллеспи поспешил ко мне.

– Есть новости?

Я отрицательно покачал головой. Меня смутила необъяснимая легкость, с которой старик отнесся к предательству Очагова. О том, что мы проникли в его тайну, он знать не мог, а вот о том, что Евгений позволил себе изменить в свою пользу план, составленный сильными мира сего, – заставило задуматься. Гиллеспи было доподлинно известно о своеволии Евгения, ведь детей прятали в подземном тайнике до того, как туда поместили ядерный заряд.

Откуда такая беспечность?

Может, тайна насчет минирования Йеллоустонского вулкана была вовсе не тайной, а прикрытием какого-то другого иезуитского замысла, о котором мы даже не догадывались?

...мне так и не удалось проникнуть в его мысли. Его сознание было напрочь закрыто для меня, и это невозмутимое спокойствие сбивало с толку. Ни следа растерянности или разочарования! Неужели он сохранял полный контроль над ситуацией?

Я выложил подробности покушения на Палмера, о похищении детей, о поисках в заповеднике. Он том, что мы обнаружили вздернутую на ель избу, даже не заикнулся.

Секретничать, так секретничать!

Но ухо следовало держать остро...

В тот же день я приватно поговорил с Карповичем. Тот долго отнекивался, говорил, что мало знает, насчет «пацана» сообщил только, будто тот заявил деду – если *Jeffrey* не поспешит на помощь друзьям, он сам отправится в Йеллоустон.

– ...и дня не прошло, как пацан исчез, – неожиданно добавил он.

– То есть? – не понял я.

– Вот так – исчез, как в воду канул. Я решил, что он к другому деду убежал. Правда, недавно я его встретил здесь, на ранчо. Грустный он какой-то.

– А что Гиллеспи?

– Этого ничем не смутишь. Ведет себя как ни в чем не бывало.

Вот еще какую новость подкинул Карпович – Гиллеспи дал Белларозе отпуск по семейным обстоятельствам и та покинула ранчо.

Я поинтересовался.

– Куда она отправилась?

Тот пожал плечами.

– Мне это надо?

Я предупредил.

– Когда на ранчо сбросят ядерную бомбу, тебе будет очень важно знать, каким образом был произведен налет на Палмера в Денвере?

– Что тут знать! – хмыкнул Дэниел. – Том проболтался. В разговоре с *grandpa* сообщил, когда Палмер и компания будут в Денвере. Очагов присутствовал при разговоре.

* * *

Много времени я потратил на обсуждение с Гиллеспи требований, которые он и стоящие за ним члены Миркона, собирались выложить инопланетному гостю.

Знаете, что их волновало более всего?

Судьба планеты!

Эксцентричный миллиардер-филантроп предельно доброжелательно объяснил, в какую бездну стремительно проваливается человечество. Разрушительные природные катастрофы, нарастающие климатические бедствия и связанный с этими проблемами социально-политический хаос, полностью занимал его мысли.

Он настаивал – без помощи извне планете не выжить!

Потом сослался, что такая перспектива якобы позволяет ему и таким, как он, прибегнуть к «не совсем джентльменским» способам приглашения к сотрудничеству. Других средств, чтобы спасти род обладающих разумом местных приматов, не остается. Это, мол, «вынужденная необходимость» – подобный прием уже который век успешно и с пользой для себя использует англо-саксонская элита.

В награду он пообещал застрывшему на Земле инопланетному суперсуществу помочь обзавестись изрядным капиталом, который поможет ему участвовать в борьбе за спасение планеты.

Ночью, при свете луны ко мне вполз огрызок тумана. Облачная взвесь оформилась в образ космодесантника.

Я тайно поделился предложением Гиллеспи.

Тот опешил.

– Это что, подкуп? Или взятка?

Я, подивившись его космической наивности, вздохнул.

– Чужак ты и есть чужак.

– Тогда объясни! Я не понимаю, чем мне мог бы помочь капитал, если земная кора треснет?

– У этих людей все измеряется в конфликтах и лучшее средство обмануть судьбу, это обзавестись десятком-другим миллиардов долларов. По мнению таких, как Гиллеспи, с помощью достаточного финансового ресурса всегда можно будет сохранить социальные позиции и обеспечить вариантность выбора. В крайнем случае, бежать с планеты.

– Ты серьезно? – удивился Монументал.

– Вполне. И не пытайся разумом осознать эту потребность. Она на уровне инстинктов. Всякое дело должно приносить прибыль – таковы альфа и омега их мироощущения. При этом они вполне образованы в какой-то отдельной области. Другие сферы деятельности их не интересуют. Борьба за существование выработала у них привычку, сопоставимую с условным рефлексом, что война всех против всех – это вечная и непреложная данность, и главное условие в этой войне – победитель получает все.

Дружбу они не признают. Межличностные отношения у них сводятся исключительно к партнерству – союзник может быть либо старшим, либо младшим партнером. Также он может быть посредником.

Они исповедуют девиз – кто не с нами, тот против нас, поэтому конкурент или соперник для них только «дьявол» и никто иной. *Другие* – то есть население – для них расходный материал.

После недолгой паузы я спросил.

– Что ж ты читал-читал и ничего не вычитал?

Облако глухо откликнулось.

– Я, наверное, не ту литературу читал.

– ...а теперь, – я подвел итог, – столкнулся с грубой действительностью. Это такая местная порода антропов. Жевалки-накоплялки. Хуже вампиров.

– Ты потом дашь мне почитать о жевалках-накоплялках, – попросил он. – Их, наверное, у вас немного?

– Ага, буквально единицы, – откликнулся я. – Что насчет Тома? Выяснил, куда он сбежал?

– Нет, даже следов его не могу обнаружить. Самое удивительное, отметины его психообраза не выходят за границу ранчо и ближайшего городка. Как его – Волга называется. Очень непривычное для американского слуха название.

Я согласился, потом задал вопрос, который мучил меня все эти дни.

– Тебе не кажется, что мы поторопились с выводом насчет Очагова? Возможно, такой вариант тоже рассматривался Гиллеспи?

Гость не ответил, просто пожал плечами и растворился во мраке.

...ближе к вечеру над горизонтом появилась исполинская грозная туча.

Карабкаясь в зенит, туча пожирала синеву, распирала редкие, ангельской белизны облака. С той стороны отчетливо доносились громовые раскаты. Скоро в сердцевине облака проступила чернота, скорее напоминала разлитый битум, чем колыбель молний; по краям, где узорчато клубилась сизая канитель, проскакивали неестественные малиновые тона.

Надвигался ураган – с молниями, со смерчами, что было не редкостью на Среднем Западе.

Прежде всего меня сразила сама сердцевина этого стихийного бедствия. В черноте смутным наброском проступила личина ожившего разъяренного демона. На фоне серого, обрамлявшего адский мрак ядра, выделялись темные сгущения глаз, штриховка крючковатого носа, но более всего меня поразил абрис ротового отверстия, представлявшего собой длинный, ясно очерченный провал, откуда вылетали молнии.

Разряды пронизывали этого монстра с ног до головы.

Когда грозное облако накрыло ранчо, грянул такой силы дождь, что, казалось, еще немного, и все окружающие постройки, напоминавшие о присутствии человека на Земле, сгинут, уплывут в небытие, и вокруг воцарится первобытное водное пространство, в котором, по рассказам праотцев, зародилась жизнь.

Я долго пытался связаться с Облаком, стараясь призвать его на помощь для спасения остатков человеческого труда, однако оно не откликалось. Только когда гроза прошла мимо, когда схлынул ужас от прохождения небывалого по мощности урагана, промчавшегося над ухоженной, залитой водой землей, он прислал ответ.

На следующую ночь ко мне вполз огрызок тумана. Облачная взвесь оформилась во что-то приемлемо напоминавшее домашнее животное. Только взяв себя в руки, я сообразил, это был громадный кот, который неожиданно, с низким урчащим мурлыканьем промямлил.

– Развели нас с тобой, Михаил, как последних лохов.

Я даже сел на кровати.

– Как это?

– Вот так! Томас не сбежал, его спрятали в подземной лаборатории, расположенной под овальным озером. Мне в этот бункер хода нет.

Он помедлил – мурлыканье усилилось до надрывного урчания, – потом объяснил.

– Гиллеспи постарался. Все входы в лабораторию магнитами законопатил. Что делать будем?

– Не знаю!

– Как не знаешь? Ты – местный, тебе решать! – затем в сердцах вундербот выругался. – Все-то у вас, двуногих нюнь-ходунь, одна реакция – как бы избежать ответственности.

– Ты это брось! – пригрозил я. – Тут дело святое – детей спасать, а не соваться в воду, не зная броду. Это, знаешь, чревато. Тебя,

например, Гиллеспи уже в который раз сватает в помощники, а ты только во тьме растворяешься. Строишь из себя этакого космического тяп-ляпа – наше дело маленькое, мы только наблюдатели. Свидетели, так сказать...

– Следовательно, надо до тонкостей обсудить вопрос.

– А я о чем думаю!

После короткой паузы я решил высказать инопланетянину все, что думаю об этой бредовой, с примесью трагедии, обманной ситуации.

– Если хочешь встать в ряды жителей планеты, поддержать всех, кто готов бороться за мир во всем мире, придется взять на себя часть ответственности. У нас на Земле главным является закон – на особицу не проживешь.

Все остальное – любовь, дружба, сострадание – комментарии.

Почему человек, совершивший скверный поступок, вплоть до криминального деяния, всегда ищет себе оправдания? То в личной выгоде – я, мол, так устроен! То объясняет групповыми, государственными, а то и высшими интересами. То сошлется на воспитание, обычаи или прикроется предрассудком. А вот всякое доброе дело не требует оправданий. Человеку, поступившему по-доброму, незачем оправдываться.

Сколько бы умники ни пытались оспорить эту заповедь, сколько бы лихие люди не нарушали извечный закон, но каждый сознает – без любви к ближнему не проживешь.

Почему так?

Что же такое эта самая любовь, без которой и свет не мил, и достаток не радует.

Но как *возлюбить*?

Как ясно и полно растолковать людям, как следует поступать? С чего начинать? Куда идти?

Попробуй начать с *согласия*!

На этом настаивали апостолы, знаменитые моралисты, отвергавшие высшую силу, а также большинство моих земляков, пытавшиеся отыскать надежный путь в будущее.

Так, дружище, устроен наш подлунный мир, ведь во вселенной много чего есть, и все согласовано. Все притерто, все движется по своим траекториям, а о том, чего нет, мы и помыслить не можем, следовательно, ищи согласие с теми, кого способен узреть, услышать, приблизить к себе, вобрать в себя.

Некоторое время расплывшийся в кресле туманный белесый кот сидел молча.

Я тоже помалкивал. Сердцем чуял – идет работа, самая важная, самая нужная.

Пусть задумается...

После паузы я продолжил.

– Может, попечитель следит за тобой – годишься ли ты быть уполномоченным по делам землян в галактическом синклите? Значит, придется найти согласие с теми, кто борется за светлое будущее.

– Я готов, – глухо откликнулся расплывающийся белесый туманный кот.

– Нам нужен зазор во времени, значит, для начала придется выслушать Гиллеспи. Иначе нам его не достать. Он не постеснялся родного внука отправить в тотальную изоляцию. Ладно, мои дети, ему их не жаль, но родной внук. Это по-человечески?

– Нет, – мяукнул инопланетянин.

Я пожаловался.

– Понимаешь, никак не могу в его тайные мысли проникнуть. Ловок, гад, даром, что ли, у него по отцовской линии в роду какая-то фрау Холле просматривается.

– Это кто такая?

– Ведьма из породы снежных королев. У нее много имен – исконное Кали Бари, однако мы привыкли называть ее фрау Холле. Та еще змея! Родственница Бабы-Яги. Про Бабу-Ягу слышал?

Облако отрицательно покачал головой.

– Дочь главного демона подземного царства, обитателей которого мы с таким трудом загнали в подземелья под Йеллоустонским озером. Выход из адских пространств в Лукоморье таится на острове Буян. Он недоступен обычному взгляду. Этот остров – главная наша крепость. Наше главное святилище. На нем хранятся наши волшебные сокровища, например Алатырь-камень. И много чего еще.

Что касается фрау Холле, на Рождество она любит в Дикой охоте поучаствовать. Знаешь ли ты, чужак, что такое Дикая охота? Нет, ты не знаешь Дикой охоты! Эта банда мертвецов-охотников, которые в грозную ночь мчатся по небу, силой выдирая из людей их души. Всего этих демонов около двух десятков, с ними свора адских псов – любого загрызут. Во главе старуха Холле.

Мы помолчали, потом вернулись к Гиллеспи.

Я признался.

– Как-то разговорились со стариканом, и тот выложил, что более всего на свете боится катастрофического слома цивилизации. Он его «сердцем чувствует».

Этот пророк-миллиардер заявил, что по расчетам исследовательских, работающих на него центров, апокалипсиса не избежать. Вероятность возрастает год от года. Скажешь, слишком мрачно? Объяснение простое – на взгляд всякого, кто ощущает возможную потерю власти, будущее всегда предстает в помраченном свете.

К сожалению, за все время существования homo sapiens было много подобных разрушительных катастроф, так что его пессимистический взгляд имеет вполне серьезное обоснование.

Дело в том, что они всегда происходят *сверхнеожиданно!*

Так случилось семьдесят тысяч лет назад, когда взорвался вулкан Тоба на Суматре, двенадцать тысяч лет назад, когда на Землю рухнула комета и погибла Атлантида, шесть тысячелетий назад, когда океан, прорвав Гибралтарскую преграду, хлынул в низины Средиземноморья.

Бедствия происходили всю последнюю тысячу лет. Теперь мы живем под гнетом Йеллоустона и супервулкана под Неаполем, извержение которого сорок тысяч лет назад привело к исчезновению неандертальцев, а еще эпидемии, пандемии, наводнения, землетрясения. Того и гляди, начнется ядерная война.

Беда в том, что все усилия заранее обнаружить реальный апокалипсис, могут быть использованы для всеобъемлющего шантажа всех населяющих планету. Имея на руках точные данные о неизбежной угрозе, Гиллеспи и ему подобные попытаются установить абсолютную власть.

Гиллеспи так и заявил – спасение в *иерархии!*

Только иерархия якобы была способна удержать население от разгула страстей, разрушивших Рим. Только власть избранных, сосредоточивших в своих руках основные богатства мира, способна спасти цивилизацию. При этом старик уточнил – избранных не всенародным голосованием, а судьбой или «реальным положением вещей». Я спросил, кого он имеет в виду. Он назвал своих единомышленников по Миркону.

Они соответствующую для этого случая, затуманивающую глаза философию придумали.

«Керигма» – кричащая о себе реальность может быть спасена только с помощью обряда «майтхуна», в котором Земля как женское начало должна отдаться «богам» или «богу».

Это будет божественная игра!

Вот о чем они мечтают! О «божественном» соитии, исключаящим извержения «семени».

...я возражал. Попытался убедить, что иерархия – путь в никуда. Все дело в согласии.

Он охотно поддержал меня – давай, говорит, назовем, о чем я говорю, поисками соглашения. Разве дело в словах, хотя и в них бывает запятан смысл.

Я развел руками.

– Ловок, черт, – и после паузы признался. – Философия философией, но беда в том, что все его поступки, прожекты, высказывания исходят из какого-то смутного, изначально безумного предположения, в которое он уверовал.

Безоговорочно!

Я не могу понять, на чем он свихнулся. Чего он хочет добиться от нас с тобой? От Очагова? От моих детей, а без этого...

– Вот это и следует выяснить, – заявило Облако, – а потом уже можно будет сообщить куда следует и принять меры.

– Ты как был вернослужащим следопытом, так и остался! Одно слово – профессиональный космический соглядатай. Знаешь, как надо докладывать наверх.

– А как же. Меня столько лет натаскивали.

– Учили, – поправил я его.

Он на мгновение задумался, потом согласился.

– Хорошо, учили. Это целая наука отыскивать скрытое на свету и зреть темное в ночи.

Я предложил.

– Для начала организуем твою встречу с Гиллеспи...

Туманный кот резко изменил позу, начал точить когти.

– Для меня это очень трудное решение. Идти на поводу у местных архонтов...

– Ты уже сотни тысяч лет на Земле, – напомнил я. – Пора переступить черту. Либо ты с нами...

– Либо против вас?

– Ни в коем случае!! Хватит нам древних предрассудков, освящающих борьбу не на жизнь, а на смерть светом мудрости. Хватит постправды, хватит словоблудия на тему что есть истина. Сегодня это одно, завтра другое. Сегодня это гороховый суп с пирожными, завтра – жареные тараканы на вертеле.

Мы досыта наелись войной всех против всех.

Прошло время, когда люди были уверены – первому достается все.

Хватит относиться к союзнику как к младшему или старшему партнеру. Или посреднику.

Хватит относиться к противнику как к «дьяволу».

И самое главное, обитатели Земли – от самых мелких до самых продвинутых – не могут служить расходным материалом для тех, кто сосредоточил в своих руках основные богатства мира и дерзающих сохранить свои выгоды и эгоистичные предпочтения.

Если такие как Гиллеспи возьмут верх, нам всем крышка. В ад мы пойдем с песнями и плясками.

Как у Кьеркегора? Читал такого?

Облачное существо кивнуло.

– За кулисами загорелось. Клоун выскочил предупредить публику. Решили, что он шутит, и давай аплодировать. Он повторяет – еще более неистовый восторг.

Если мы допустим такого рода *майтхуну*, мир неизбежно рухнет к общей радости экспертов, извращенцев, либералов и постмодернистов, утверждающих, что все вокруг буффонада. В ад мы двинемся посткарнавальным шествием, под песенки шоу-бизнеса, с искусственной жратвой в руках.

Каждый на особицу.

Общаться с идущим рядом соседом будем по мобильникам.

Будет весело! Тебе, Семнадцатый, тоже.

Глава 3

Утром я съездил на берег аномального озера и привез Гиллеспи букет из адских цветов. В то утро спаренные женские лица, наделенные тремя глазами и жуткими полуоткрытыми, жаждущими поцелуев губами, были особенно впечатляющи.

Я бросил на стол два цветка – один с единственным оком на лице. Глаз был широко, до невозможности, раскрыт, рот прикрывала решетка. Другой цветок имел более привычные очертания, если бы не ротовое отверстие, сделанное в форме свастики.

Старик осмотрел первый бутон, потом взял в руки второй и восхитился.

– Прекрасные экземпляры! – он, положив цветы, потер руки. – Кажется, мои дела пошли в гору. Итак, на чем мы остановились?

– Облако готово встретиться, только эту встреча должна состояться в вашем подземно-лабораторном бункере.

Гиллеспи молча несколько раз прошелся – я бы сказал торопливо пробежался – по гостиной.

Я настойчиво добавил.

– ...и в присутствии Очагова!

Гиллеспи резко остановился – буквально замер и удивленно глянул на меня.

– ...и вы должны отпустить Тома, – добавил я.

Гиллеспи мгновенно успокоился.

– Не многовато ли условий?

– У вас их будет поболее. И потруднее.

– Да, наверное, – согласился Гиллеспи.

– Только мы вчетвером, – предупредил я. – Кстати, чем вы в своей тайной лаборатории занимаетесь? Что ищете? Управу на инопланетян или вопросами всеобщего благоденствия – например, борьбой с голодом или спасением экологии.

– В основном здравоохранением.

– А если подробнее?

Он подошел ближе и беспардонно долго начал разглядывать меня. Потом, как бы решившись, признался.

– С помощью специалистов пытаюсь понять, как можно из замороженного куска мяса воссоздать человеческий образ.

– Зачем? – не понял я.

– Сами догадайтесь товарищ литератор,. Вы же у нас хранитель, вам и карты в руки. Встреча через два дня.

Все это время я прикидывал – зачем Гиллеспи с таким упорством занимается здравоохранением?

...глуп человек, заметил Лев Толстой. Подтверждаю, он был прав. Мало того, что глуп, еще и наивен.

* * *

Глаза раскрыл мне Том, встреченный мной в тот же вечер в коридоре на втором этаже.

Это был как удар. Я никак не ожидал увидеть пацана живым и здоровым. Правда, веселья в нем значительно поубавилось. Не было открытости чувств, радости при виде отца его друзей.

Я попытался увлечь его в свои комнаты. Он не сопротивлялся – спросил, есть ли что-то новенькое о Лике и Урганиле. Я отрицательно покачал головой и поинтересовался.

– Чем ты занимался в секретной лаборатории? Лечился?

– У меня брали кровь.

Я взял мальчишку за плечи, придвинул к себе и потребовал.

– Расскажи подробнее.

– Сначала я не мог понять, зачем наполняли бутылки кровью, зачем снимали энцефалограмму, зачем меня заставили сдавать кучу других анализов. Зачем держат в холодной и гнусной комнате, в которой было так жутко, что я несколько раз пытался сбежать оттуда.

– Тебя там держали силой? Зачем?

Том пожал плечами, потом ответил по-английски.

– Don't now.

В следующее мгновение меня словно током ударило – все это время пацан разговаривал на русском, и это было так естественно, что мне показалось нелепостью, когда он перешел на родной язык.

– Ты так освоил русский, что я даже не заметил.

– Бывает, – согласился мальчишка. – Дядя Миша, я хочу сбежать отсюда, но мне здесь шагу без охраны ступить не дают. Я хочу спасти своих друзей. Я иной раз слышу их голоса, они зовут на помощь. Помогите мне покинуть этот дом, где из меня берут кровь.

– Тебя поместили в подземный изолятор по приказу бабушки?

– Не называйте его бабушкой. Он – господин Гиллеспи.

– То есть? – я застыл с открытым ртом.

– Просто господин Гиллеспи, – подчеркнул Том, потом добавил.

– Он так и заявил – не называй меня бабушкой. Я – господин Гиллеспи.

Я мало что знаю, только по нескольким фразам и мыслям, блуждавшим в головах врачей. Мысли были разные – от надвигающейся выплаты по кредитам до опасений, которых я им внушал, но все отрывками, бессвязно. Их, наверное, строго предупредили, чтобы они в присутствии монстра следили за своими мыслями. Монстром меня назвал господин Гиллеспи.

Том повеселел.

– Это все из-за Очагова. Этот придурок наплел господину Гиллеспи, что способен прожить несколько тысяч лет, по крайней мере, несколько раз оживать после заморозки, и вообще он не такой как все другие жевалки-удобрялки, поэтому ему и карты в руки.

Всевластье – его цель и нет никого на планете, кто более подходил бы на эту роль. Есть еще мама Лики и Урганила, но с ней можно справиться, если организовать тщательное обследование его организма и удивительных способностей.

С этой целью господин Гиллеспи организовал эту дурацкую лабораторию, куда меня запихнули. Я ведь тоже оказался не без способностей проникать туда, куда другим вход закрыт. После Антарктиды попечитель так и заявил – теперь вы как боги. У вас в руках сила космоса! Вы способны находиться в двух разных местах одновременно! Вы сможете заглядывать в будущее, но этому еще надо научиться.

Я отпустил мальчишку и, наплевав на правила конспирации, обратился к незримому существу.

– Ты слышал?

Через пару минут из ванного отделения вышел здоровенный котяра и, задрав хвост, направился к мальчику.

Тот радостно вскрикнул.

– Лапсик?!

– Нет, – мяукнул кот. – Я – вундербот семнадцатый. Я твой друг. Теперь я твой друг.

Том подошел, погладил кота.

– Я тоже твой друг. Облако, помоги мне покинуть этот дом. Меня здесь стерегут. Друзья ждут моей помощи.

– Только при условии, – заявил я, – что мы заранее обговорим, что тебе можно и чего нельзя.

У нас были общие цели, и мы быстро достигли согласия. Облако, отделив от себя наибольшую капельку белесой взвеси, свернула ее клубком и спрятала в кармане мальчишки. Капелька помогла ему выбраться за пределы ранчо и указала путь на северо-запад, в сторону Йеллоустонского заказника.

Еще одна немалая часть космической мути обернулась копией Тома и поселилась в его комнате.

Охрана даже не заметила подмены.

* * *

В рабочий кабинет Гиллеспи мы отправились на следующий день. Вундербот сгруппировался в привычный образ вернослужашего космодесантника и дальше по коридору мы шагали в ногу.

Старик уже ждал нас. Он сидел в углу возле журнального столика, возле которого были выставлены еще два кресла. Гиллеспи предложил нам присесть, причем точно указал места, какие мы должны были занять. Напротив на большом экране на стене высвечивался Очагов. Одет Ев-гений был запросто – в холщовую куртку, джинсы, с папкой в руках.

Я безмятежно устроился в кресле. Чтобы удобнее было наблюдать за всеми сразу, попытался свинуть кресло за подлокотники, однако сидение даже не шевельнулось.

Гиллеспи весело и охотно предупредил.

– Кресла не двигаются. Так удобнее.

...мне бы тогда еще следовало задуматься над подобной несвойственной хозяину предупредительностью, но в тот момент меня больше волновала судьба моих детей.

Очагов первым взял слово. Поприветствовав нас взмахом руки, он спросил.

– С чем пришли?

– Огласить весь список?

– Не надо. Я догадываюсь, Мишаня, о чем у тебя болит душа. Не беспокойся, с детьми все в порядке, разве что жарковато там... в преддверии ада. Но все можно устроить.

Я удивленно взглянул на хозяина – с какой стати Очагов вылез вперед и кто здесь старший?

Тот воспринял инициативу бибриона как должное.

Это покорность оказалась тем неприятным штришком, после которого я начал приходить в себя, но вместо того чтобы встать и уйти, я ударился в дешевый самоанализ – стоит ли сразу обрывать попытку отыскать согласие с этими непростыми людьми. С какой стати Очагов раскомандовался? Почему помалкивает хозяин?

Гиллеспи попытался сгладить напряженность и предложил озвучить свои требования к инопланетному гостю – исключительно чтобы «прийти к взаимовыгодному соглашению».

Прежде всего, седовласый финансист подчеркнул, что в дальнейшем, если мы «добьемся понимания», они будут считаться партнерами, поэтому все решения стратегического характера должны решаться совместно.

Облако не откликнулось.

Между тем старик принялся на пальцах объяснять, что должен исполнить залетный пришелец, чтобы партнерство было «полезным и плодотворным».

Там было несколько пунктов

Приведу те, что мне запомнились.

...заставить Китай принудить к такому решению мировых финансовых проблем, которое устроило бы «ответственных за мировой порядок представителей земной элиты». Гиллеспи уточнил – в преддверии грядущих катаклизмов существует настоятельная потребность в новой, стабилизирующей глобальную экономику валюте.

...позволить людям Гиллеспи свободно проникать в ледяную полость в Антарктиде и брать пробы воды из озера, являющегося всемирной базой данных.

...закключают сделку, в которой гость обязуется исполнять только те задания, которые дает ему Миркон.

И наконец, самое главное – Гиллеспи настоятельно потребовал, чтобы Облако помогло в указанном месте установить «особую научно-исследовательскую станцию», которая будет следить за активностью Йеллоустонского вулкана. Гиллеспи заверил БНО, что эта автоматическая станция будет использована исключительно в интересах всего населения Земли.

Я сделал усилие, чтобы многозначительно не переглянуться взглядами с инопланетным гостем.

Монументал, ни разу за все время не изменившийся в лице и все это время упорно взиравший на Очагова, словно прикидывая, как бы половчее изловить его и заморозить, – уточнил.

– Это все я должен исполнить?

– Конечно. В этом случае ваш статус на планете будет формально закреплён.

– Через ООН?

– Да.

Пришелец вздохнул.

– Чтобы пребывать на вашей планете, мне никакой статус не нужен, поэтому это дополнение не имеет силы. Тем более, что гражданство мне уже предоставлено, правда, пока только в границах чернокнижья, но лиха беда начало. Можете поинтересоваться у главного хранителя.

В разговор вмешался Очагов.

– Стоп, стоп, стоп! Титул главного хранителя чернокнижья должен перейти ко мне и немедленно.

Помня о детях, я не выказал возмущения, а попытался отыскать приемлемую формулу.

– Этот вопрос можно обсудить после того, как Очагов освободит детей.

– Ни в коем случае! Сейчас и немедленно.

Я обратился к хозяину.

– Вы для чего нас пригласили? Чтобы слушать вопли этого оборотня? Мы пока выдвинули единственное условие – освобождение детей, однако уже это законное требование вызвало у вас неадекватную реакцию. Что же говорить о других пунктах и причем здесь Китай?

Гиллеспи, откровенно раздосадованный выходкой Очагова, попытался унять страсти. Он даже предложил Облаку изложить свои условия, на что инопланетянин крючковатым пальцем указал на рожу Очагова и потребовал.

– Этого уберите!

В этот момент я догадался обо всем сразу и наотмашь.

Все мои надежды на счастливый исход гнусного похищения моих детей рухнули. Гиллеспи попытался заставить Очагова замолчать, однако тот разошелся вовсю. Казалось, выключи монитор, и дело с концом, однако хитроумный миллиардер продолжал упрашивать Очагова.

Когда тот немного успокоился, Гиллеспи обратился ко мне.

– Что касается вас, Михаил, вам следует привлечь к сотрудничеству вашу жену. В этом случае я выполню все, о чем у нас был договор – от публикаций до участия в самых престижных экспертных круглых столах, И, конечно, соответственные премии, гонорары и другие знаки почета.

Мне стало грустно.

...мы с Облаком попали в ловушку. Я подал Облаку условленный знак – пора уходить.

Между тем Облако тоже решило озвучить свои условия – в первую очередь освобождение детей, а также сохранение статус-кво с соблюдением прежних договоренностей.

– Это ваше последнее слово? – спросил Гиллеспи.

– Нет. Вы, а также ваши друзья в Мирконе, оформляете документ, в котором четко и недвусмысленно обязуетесь сохранять данные мне обязательства.

– Теперь все?

– Да.

– Жаль. Вы допускаете серьезную ошибку, так пренебрежительно проигнорировав мои предложения. Я советую вам подумать.

В следующее мгновение он нажал на какую-то кнопку на джойстике, и мы с Монументалом стремглав рухнули вниз.

Полет продолжался недолго, но я успел почувствовать подкатившую под сердце невесомость. Наконец падение замедлилось, я вновь обрел зрение и разглядел как внизу раздвинулись створки люка, и мы провалились в совершенно пустое помещение.

Створки сдвинулись.

Облако попыталось втянуть растянувшиеся вихри внутрь, однако люк захлопнулся с такой силой, что много из туманных струй осталось в колодце, по которому нас сбросили вниз.

Глава 4

Рухнув на пол, я с трудом выговорил.

– Вот попали, так попали! Теперь я тоже очутился в заложниках. Интересно, какую цену за мое освобождение потребует Гиллеспи?

– Понятно, какую, – откликнулся десантник, восстановивший человеческие формы и отряхнув служебный комбинезон. – Елену! Он же призывал тебя вовлечь ее в свои грязные делишки. В этом случае тебе и премии, и гонорары. Главное, участие в круглых столах. Вас, двуногих жевалок-удобрялок, только участием в

круглых столах можно склонить к отказу от выношенных в трудах и борьбе убеждений. Премиями, гонорарами, выступлениями на мировых форумах вас не проведешь. Только участие в эксперт-советах! За них, говорят, отваливают такие деньги, с которыми никакие гонорары не сравнятся. Странные вы все-таки существа, а еще считаете себя разумными.

Далее по ментальной связи предупредил.

«...нас активно прослушивают, так что держи язык за зубами. Мне пора убираться отсюда, а ты держись».

«...денег нет, но вы держитесь», – согласился я.

В следующий момент в наш неслышимый разговор влез неожиданный доброжелатель.

«...что, влипли? Я вас убеждал – с буржуями надо держать ухо востро».

«...ты, что ли, Василь Василич? – откликнулось Облако. – Ладно, вы здесь ситуацию проветривайте, а мне пора».

«...куда тебе пора, черт космический? – поинтересовался Василь Василич. – Наступил момент, когда надо сплотиться, встать плечом к плечу, а тебе вдруг стало пора».

Вундербот деловито перебил его.

«...Где Томас?»

«...Мачавариани подхватил его в условленном месте. Мальчишка деловым оказался – святую рать собирает. Никому не хочется под началом Очагова хаживать – ни героям, ни красным девицам, ни эльфам, ни русалкам или домовым с лешаками. В первую очередь, бабулям-ягулям. Про бабок-ёжек и не говорю! Будем отбивать детишек, а вы уж тут разгребите зло безраздельное, чтобы ни конному, ни пешему, ни зверю, ни птице, ходу сюда не было. Иначе мы никуда не придем».

«...сделаем!» – пообещал инопланетянин и, обратившись ко мне, распорядился. – Ты с Гиллеспи поговори. Выясни, о чем он мечтает?»

Я вынужденно и как бы через силу признался.

«...о чем мечтает, говоришь? О бессмертии, о чем еще! Старый пень на чем свихнулся? Если вся эта катавасия закончится в пределах нескольких лет, стоило ли затевать бодягу?»

Что ему, старому черту, не сидится! Дожил до седых волос, а все командовать хочется. С Соросом и другим соперниками свести счеты, а как этого добиться, если, того и гляди, дуба дашь».

Облако отозвалось.

«...ладно, я пошел, а ты держись... Даже если денег нет».

Он не спеша поднял правую ногу, оторвал ее, растер в еще существующих крепких мозолистых руках в тончайшую прозрачную пленку. Затем то же самое проделал с левой ногой.

Защитная пленка воспарила вверх и, прилипая, растянулась по потолку и стенам, запечатывая все заложенные в камеру подслушивающие и подглядывающие устройства.

Затем звездный неорган начал растворяться в пространстве и, скручиваясь тончайшим жгутом, принялся ощупывать верхний люк.

Я с интересом наблюдал за ним. Нет у нас в родных пенатах такой двери, на которой не было бы щели. Нет такого запора, способного остановить планетарного скаута, возвращенного в предшествующей легендам цивилизации Ди.

Как только я остался один, к камере вбежали два охранника и, порывав по углам, подхватили меня под руки и потащили в открывшийся в боковой стене проход.

По длинному коридору с непрозрачными дверями меня отволокли в маленькую, более-менее благоустроенную комнату, где была кровать, письменный стол, тумбочка, два стула, а также санузел.

* * *

Скоро мы сидели с Гиллеспи лицом к лицу.

Он укоризненно заметил.

– Я предупреждал, со мною шутки плохи. Так что, любезный, либо со мной, либо против меня.

– А нельзя по-другому? Если не с вами, то и Бог с тобой – живи, как сам знаешь.

– Это что за непротивленческий мотив! Мы с тобой здесь не в бирюльки играем..

– ...а планету спасаем, – подхватил я, и в следующую секунду меня прошибло – ёрничать в такой обстановке, значит, нарываться на ответные меры. Поэтому я не стал спорить, обращаться к логическим доводам, не грозил, не настаивал, что силы дерриативов и прочих финансовых спекулятивных бумаг, которыми торговал Гиллеспи, не в силах одолеть тяжелую и неотвратимую поступь всеобщего вектора Вселенной «от простого к сложному». Я даже не пытался убедить его, что истину не перешибешь ни грудой золота, ни поклонением холуёв, ни грубой силой, и никакое «бессмертие» здесь не поможет.

Старик всплеснул руками.

– Какое «бессмертие»! О чем ты говоришь! Я похож на сумасшедшего? Я имею в виду исключительно долголетие! Вот что интересует меня в успехах медицинских наук, добившихся значительного повышения человеческого возраста, а также в древней медицине. Это реально. Тому есть примеры.

...на Японию сбросили две атомные бомбы, и в тех местах резко повысилась средняя продолжительность жизни. Да, те, кто получили большую дозу, умер, а те, кто малую, испытали странный стимулирующий эффект. Их средняя продолжительность жизни выросла на треть.

... зафиксированы случаи (старик подчеркнул – «естественные случаи»), когда люди, чья температура тела ниже на два градуса, оказались значительно долговечнее среднестатистического индивида.

... ученые из Нидерландов, проанализировав причины смерти около 75000 человек, умерших с 1986 года по 2016, выявили максимальную продолжительность жизни. У мужчин она составляет 114 лет, у женщин 115,7 лет.

Старик авторитетно вскинул указательный палец.

– Заметь, начиная со средневековья, заметно увеличилась общая продолжительность жизни. Этот факт можно объяснить повышением уровня благосостояния, успехами в здравоохранении, но при этом также ускорилась *вылечиваемость* и *заживляемость* больных. В настоящее время успехи медицины позволили повысить работоспособность даже в самом критическом возрасте. Посмотри на некоторых состоятельных людей, они и в 80-90 лет вполне работоспособны.

Хотя бы я!

Главное – появилась вполне работоспособная теория этих изменений. Мы извлекли ее из Очагова.

Проблема долголетия в том, что человек не рождается идеальным, у него уже есть кое-какие вредные мутации. Поскольку все наши клетки появляются из одной оплодотворенной и имеют общий геном, генетические повреждения работают уже не вразнобой, как при случайных повреждениях, а поражают все клетки организма одновременно. В среднем у каждого из нас около 60 «тяжелых» повреждений, которые делают работу испорченного гена особенно опасной.

Стоит только понизить дефектность при рождении, доступный для человека возраст заметно повысится. Эти технологии мы извлекли из Очагова. Мое дело обеспечить этой технологией своего внука.

– ... которого вы засадили в подвал и брали у него кровь?

Гиллеспи развел руками.

– Иначе ничего не получится. Это вынужденная необходимость.

– А как же Очагов?

Этот вопрос остался без ответа.

Нахрапистый старичок-миллиардер указал на меня пальцем.

– Послушайте, уважаемый, все, что я обещал в прошлый раз, я исполнил. Не в пример вам!

...я обещал профинансировать программу сохранения духовного наследия землян. Инвестиционный фонд создан, осталось только вписать сумму.

...я обещал построить храм, где будут поклоняться духам и привидениям, русалкам и лешим. Проект готов, осталось только доставить технику.

Тут миллиардера вновь понесло.

– Это будет заветное место, которое очень скоро привлечет внимание всех жителей планеты. Это будет самый доходный маршрут для бесчисленных паломников, где каждый сможет пропитаться энергией матушки-Земли. Каждый сможет обзавестись волшебной силой, обретет несокрушимую мощь.

– Как Шварценеггер? – не удержался я, и вновь романтически настроенный богач решительно не принял иронии.

Он искренне и горячо подхватил мою мысль.

– Именно! Я о том и веду речь – пусть каждый житель Земли воочию, а не в качестве зрителя или спортивного фаната; не в фантастической книжной или виртуальной реальности, сумеет почувствовать себя героем сказок, легенд или стать избранным персонажем древних пророчеств. На выбор!

Далее как по писаному.

...мы каждого снабдим силой! Мы создадим новые религии! Организуем общество с полным гендерным равноправием!

Мы призовем людей отдаться потоку информации, с помощью которой они смогут выйти за пределы земных забот и привязанностей. Мы отправимся к звездам и отыщем богов. Или нет... создадим богов! Сами станем богами и воскресим мертвых! Мы будем действовать с любовью и состраданием по отношению к другим живым существам. Мы объявим климатический джихад, который вернет нашей планете первозданный облик.

Для этого нужна сила!!

Вероятно, он давно лелеял эту мечту, потому что в его словах не было и намек на экспромт. Он как бы воспроизводил тезисы своих долгих мечтаний. Я не знал, что подвигло его отдать все силы на поиск рецепта долголетия. В ту минуту мне было не до осмысления. Его ответы я писал на свою внутреннюю наследственную спираль, расположенную в глубинах бессознательного.

Вдохновленный мощью подобной перспективы, он воскликнул.

– Что такое сила? Сила – молния. Сила – ветер. Сила – вода. Наступит упоминаемое в древних сказаниях время, когда не будет

ограничений ни для местных верований, ни для поклонников традиционных религий, ни для рожденных современных культов.

Мы построим сказочные острова, возродим праздники сбора цветов папоротника, организуем посещения Лысой горы. Экскурсанты смогут отправиться в подземные царства, от медного до золотого. В Вальпургиеву ночь закажем мегашоу с хороводами, рок-концертами, конкурсами и лотереями. Вампиры устроят там рок-представления, на которых каждый желающий сможет попробовать выпить кровь близкого. По ценам это будут вполне доступные продукты.

Можно будет также организовать погружение желающих во внутренности цифровым образом смонтированного Левиафана – там, в желудке кита, они наберутся священной мудрости, как Иов. Наладим производство...

Я не удержался.

– ...волшебных дудочек, играющих одну и ту же рок-мелодию. Волшебных зеркалец, без конца демонстрирующих рекламу женских прокладок и средств против импотенции. Обеспечим выпуск волшебных гребешков. Если такой артефакт выбросить из окна автомобиля, никакая камера слежения не зафиксирует превышения скорости. Завалим планету эксклюзивными универсальными навигаторами в форме волшебных клубочков, а также скатертей-самобранок в качестве универсальных шашлычниц.

Гиллеспи слегка остыл.

– Шутите?

– Вроде того.

Глаза у него стали холодные. Он засмеялся.

– Фантазируйте, мой друг, фантазируйте, а я все исполню! Заказ на вашу последнюю книгу лежит у меня на столе. Как только мы придем к соглашению, она тут же улетит в набор. Через неделю появится в Амазоне. Вы будете получать по двадцать долларов с экземпляра. Я слышал, у вас в России за электронные книги никто не платит, а тут вы через полгода станете миллионером.

– Деньги – не самое главное в жизни, – буркнул я.

– Согласен, – всплеснул руками Гиллеспи. – Самое главное в жизни большие деньги! Ваши книги будут изданы на ста пятидесяти языках мира, по ним будут сняты фильмы. Вы станете известным гуру. Для вас откроются двери экспертных советов. У вас будут брать интервью, вас будут встречать аплодисментами.

– Меня и сейчас встречают аплодисментами, – признался я.

Гиллеспи не смог скрыть удивления.

– Кто?

– Жена. Особенно, когда прихожу домой под шофе.

– Как это?

– Ну, в дребадан.

– А-а, вы имеете в виду лыка не вяжете?

– Ага.

– Ваша жена тоже должна участвовать в этом проекте, и вы должны нам помочь в этом деле. Это главное условие!

– Как же Ев-гений?

– Что касается Ев-гения, он очень важный элемент в моем проекте, цель которого привести планету в гарантировано стабильное состояние.

Вот ты, умник, скажи, почему государственный долг США увеличивается, а доллар не падает? Почему финансовые бумаги не по дням, а по часам растут в цене? Почему на пике кризиса осенью 2008 года индекс S&P500¹ был в районе 750, сейчас – 3200! Четырехкратный рост стоимости активов в условиях деиндустриализованной экономики!!

Почему цены во всем мире не снижаются, хотя при массовом производстве они должны были бы упасть до копеек? Почему цены только растут, причем фактически на все товары, вплоть до потребительских.

Потому что сильные мира сего сидят на финансовых спекуляциях. Их не интересует производство – для этого есть азиаты; их не привлекают всякого рода спекулятивные филантропические проекты – если, конечно, на них нельзя серьезно заработать. Их не волнуют вопли о необходимости перестройки мира. Они строят свое будущее на беспредельной биржевой игре.

– А вы?

– Что я?

– Вы постоянно упоминаете – они, они, они! А вы?

– Я тоже. Поэтому делается все возможное, чтобы сохранить курс доллара, а еще лучше его увеличить. Не важно, какой ценой это достигается – спекулятивной, военной или масс-медийной. Набор этих методов позволяет гнать цены на спекулятивные бумаги вверх со все возрастающей скоростью.

Я, подавленный силой и пафосом его выступления, осмелился заметить.

– Но ведь всему приходит конец.

Старик воскликнул.

– Именно! Это будет жуткий конец. Он грозит катастрофой.

Он помолчал, торопливым шагом прошелся по комнате, затем ткнул в меня указательным пальцем.

– Нам – точнее, мне! – не нужны катастрофы, самой страшной из которых будет социальная революция. Она близка, она призраком шагает по планете, а этот кликуша Сорос, на каждом углу вопящий «Прощай, нормальный мир!» – только подталкивает ее, полагая что организованные им «цветные революции» всегда будут действовать в пользу сильных. Это может длиться только до тех пор, пока не произойдут кардинальные изменения в мировой финансовой системе.

---

¹ Индекс, отражающий динамику американского фондового рынка.

Не помогут и религии, которые загадили Землю всякого рода «чернокнижьем» – от Лукоморья и сатанизма до «свидетелей климатологии» и церкви Тьюринга.¹

Еще одна маленькая природная катастрофа вроде вирусной пандемии – и этот тренд рухнет, а он не должен рухнуть! – взвизгнул он. – Не имеет права!! Тренд должен сползти медленно, изменяться под нашим контролем. Он должен обернуться новым пониманием истории, в которой каждому будет определено его место. Понял, хранитель?

Это было весомо, демагогично и убедительно. Тем не менее, мои дети находились в руках маньяка. Этим было все сказано.

– ...пока ты здесь, – успокоившись, объяснил романтик-миллиардер, – я спокоен за чернокнижье. Оно бессильно. Очагов подержит твоих детей, а я придержу тебя. Что касается твоей жены, нам очень нужна новоявленная Лилит. Мы создадим ей такой ПИАР!.. Ты объяснишь, как связаться с ней.

– Как-как! По мобильнику.

– Где мобильник?

Я показал ему левую руку, на запястье которой виднелась татуировка – что-то вроде браслета для часов.

Занятная штучка!

Очень древний предмет.

Срок ему – десять миллиардов лет. Так, по крайней мере, утверждал Быстролетный.

...какой мастер выплавил в звездном первоогне эти звенья, соединил их, вставил стрелки, нарезал метки? Кто и когда первым надел эту вещьцу на руку и были ли у него руки? Где это случилось?

Что означают знаки, всплывающие из таинственной, подсвеченной неземным светом глубины? О чем они рассказывают? О династиях королей и правителей, которые когда-то правили или будут править миром? А может, каждое звено указывает на один из мегачасовых поясов, на которые кто-то нарезал нашу вселенную? А может, браслет – это символ, подтверждающий, что династии, часовые пояса и физические постоянные неотделимы друг от друга?

У браслета много тайн. Нельзя сказать, что все секреты, вплавленные в звенья, скрыты от меня. Есть среди них уже

---

¹ Свидетели климатологии» – религиозное течение, придуманное, чтобы привлечь внимание к изменению климата.

Церковь Тьюринга (основана в 2011 году) – имеет космическую направленность. Их принцип: «Мы отправимся к звездам и найдем богов, построим богов, станем богами и воскресим мертвых»

прочитанные страницы. Вот, например, звено, источающее нежное, как сметана, свечение. Оно позволяет мне связаться с Еленой.

- Сними! – приказал старик.
- Оно не снимается. Приросло намертво.
- Хорошо. Текст передашь в моем присутствии.

* * *

Он пришел не один, а в компании с двумя специалистами, которые тут же развернули аппаратуру и принялись настраивать ноутбуки на волну моего браслета, для чего мне пришлось выдать пробный сигнал.

Наконец, один из них кивнул Гиллеспи. Тот приказал.

– Передавай.

На врученном мне листке не было никаких сантиментов насчет «тоскую», «жду», «прилетай скорее». В записке просто сообщалось – «возвращайся, дети в опасности. Счет идет на дни. Мое местоположение...» – далее координаты ранчо.

– И подпись, – указал старик. – У вас, конечно, есть своя электронная подпись?

– Есть. Я называю ее «моя киска», а она – «мой котенок».

Гиллеспи никак не прореагировал на хохму. Пришлось просто поставить свое имя и нажать пятую кнопку.

Один из специалистов вновь повернулся к Гиллеспи и важно кивнул – мол, сообщение ушло.

– Когда можно ждать ответа? Надеюсь, он будет положительный, в противном случае ты очень рискуешь. Тогда отшутиться не получится. И подумай о сотрудничестве.

Хозяин вместе со своими людьми вышел в коридор.

* * *

Я улегся на кровать, огляделся.

...скромная, если не сказать бедная, обстановка, стены выкрашены в унылый шаровой цвет. На стене в рамке виртуальное изображение, воспроизводившее окно, из которого открывался вид на березовую рощу. Ближе – летний луг с обильным травостоем. Пробегавший легкий ветерок покачивал траву, шевелил листья на березах.

Это напоминание о родных просторах, по мысли Гиллеспи, должна было навеять буддистское умиротворение и помочь принять правильное решение, чтобы сходу включиться в создание храма, в котором будут размещаться разом – или рядом? – Иисус Христос, Юпитер, Магомет, Брахман в компании с Шивой и Вишной и Конан-варвар.

Эта перспектива мне даже кощунством не показалась. У меня были другие заботы. Под их тяжестью я начал усиленно вглядываться в пейзаж за окном. Приблизил изображение опушки и возле кустов разглядел кочку, на которой в полный грибной рост стоял Оладий Потяевич.

Боровик снял шляпку, поприветствовал меня и сообщил.

– Эсэмеска перехвачена. Василь Василич изменил координаты места приземления. Королева появится на острове Буян – в том самом месте, где этот американский малый собирает рать.

Глава 5

...здесь было трудно, душила жара. Питание скудное и то раз в сутки.

По ночам дети забирались в боковой проход, где вырыли норку, как раз для двоих. Сначала тряслись от страха, потом, притерпевшись и немного успокоившись, принялись соображать.

Скоро совсем размечтались – вот здорово, если бы у них вместо ладошек выросли грабки, твердые-твердые, как чугуны. Они бы этими скребками начали рыть породу. Смогли бы продвинуться так далеко, чтобы этот «противный дядька-мужик», как назвала его Лика, не смог их достать. Скоро совсем заигрались, и когда Урганил похвалился, что у него пальчики совсем затвердели и рука стала как каменная, сестра показала ему язык и продемонстрировал свои ручонки.

Они были словно отлиты из стали и даже удлинились.

Урик соорудил удивленную рожицу и попытался царапнуть каменную стену в тупике.

Она подалась.

Лика начал помогать ему.

...игра увлекла и, когда дети углубились на полметра, не сговариваясь принялись расширять проход. Работали молча, даже мысленно не перекликались, но делали все словно по уговору.

Неожиданно Лика заявила.

– Так не пойдет. Противный дядька разрушит нашу пещеру.

Урик растерянно взглянул на сестру.

– Что же делать?

– Перед входом надо сделать перегородку, чтобы из главного тоннеля к нам нельзя было добраться.

– Да-а, – заныл брат. – Как ее сделать? Камни сыпятся.

– Запечатать их заклятьем!

– Здорово! – обрадовался Урик.

Они принялись оттащить обломки ко входу в убежище. Там, повторяя заветные слова – ...лепись, лепись, лепись, и больше не вались», – начали сооружать переборку, закрывавшую проход в убежище.

Пока трудились, Лика спросила.

– Вспомни, как вы очутились в подледной пещере?

Урик потер лоб тыльной стороной ладони.

– Быстролетный предупредил, чтобы мы не пугались, если превратимся во что-то невидимое. Он говорил – «...ваше дело вообразить, что вы обрели способность летать где угодно, пребывать одновременно в двух местах, проходить сквозь стены».

Мы с Томасом попробовали, и у нас получилось. Я закрыл глаза, представил, что могу летать куда хочу, даже сквозь лед, а открыл их уже в ледяной пещере. Это было здорово, я вдруг стал такой легкий.

Он неожиданно плаксиво сморщился.

– Да-а, там у Быстролетного было полно аппаратуры. Койс предупредил, что с ее помощью он способен менять наши фазовые состояния.

– Что ты жалуешься! – успокоила его сестра. – Вас переместили целехонькими, здоровехонькими, А теперь вообрази, что желаешь переместиться в Лукоморье. Я тоже попробую. Только нам надо думать вместе.

Урик повеселел.

– Нам дедушка попечитель так и говорил – попытайтесь согласовывать свои мысли. Ваша задача войти в «резонанс», тогда случится чудо. Я не знаю что такое резонанс, – признался мальчик, – и как туда войти.

Сестра поджала губы.

– Это такое физическое явление, – учительским тоном объяснила она, – когда под влиянием внешнего воздействия колебательные процессы усиливаются. Но это только в том случае если их частоты совпадают. И что произошло?

– Вот я и говорю, как только частоты наших мыслей совпали, мы одновременно очутились под ледовой крышей.

– Давай-ка попробуем. Вообразим, что каменная преграда сзади отгородила нас от главного туннеля. Она как бы склеилась и стала твердой и неотличимой от каменной стены. Только для нас она осталась прозрачной, мы с тобой как бы запросто можем миновать ее.

С третьей попытка каменная кладка перед входом в их убежище спеклась и на ощупь стала непроходимой. Но стоило только представить, что переборки нет, преграда исчезала.

Дети от радости стукнули друг друга ладонями.

– Теперь тоже самое давай сделаем с углублением в каменной толще. Пусть камень станет податливым и проходимым. Нечего нам путь загораживать!

Она протянула обе руки в сторону прохода и возвестила.

– Камень, камень, стань нашим другом, мягким и податливым! Стань дверцей для нас, похищенных и брошенных, а для всякого конного и пешего будь стеной неодолимой, тупиком непроходимым.

Ее призыв подхватил Урик. Они много раз повторили заклятье, пока порода не дрогнула и не посыпалась мелкими камешками.

Дело пошло веселее.

Скоро они углубились на несколько метров и заодно расширили нишу.

Неожиданно Лика испуганно вскрикнула.

– А как же противный дядька-мужик? Он же из породы этих... из бибрионов.

– Таких, как наша мама? – спросил Урик.

Лика кивнула и добавила.

– Он сможет учуять. Нам надо торопиться, чтобы успеть до его прихода.

– Все равно не успеем, – уныло ответил мальчик. – Тут вон сколько породы. Пока до верху доберемся.

– А зачем до верху. Может, доверху мы никогда не доберемся. Нам бы только в Лукоморье попасть. Там мужики подсобят. С чернокнижными мужиками никакой Очагов не справится. Ему в Лукоморье хода нет.

Урик загрустил.

– Это было бы здорово, да только сказки это – Лукоморье, дуб зеленый. Златая цепь на дубе том. И днем и ночью кот ученый, – он заплакал.

Лика упрекнула брата.

– Эх ты, Фома неверующий! Ты же сам туда из подпола пролезал. Давай по новой.

Урик кивнул, и дети вновь начали в растяжку декламировать волшебное заклинание.

Прочитали раз-другой, пока им издалека, смутно не померещился берег самого синего моря, Рыба-кит, деревня, построенная на его спине, дальний лес, дуб с кроной под самое небо.

Дети, испытавшие необыкновенный душевный подъем, усилили мысленный напор и энергичней начали пронзать каменную толщу. Скоро перед глазами начала вырастать изба, на лавке старик со старухой – сначала только контуром, потом знакомый пейзаж превратился в отчетливую явь.

...в этот момент из центрального туннеля до них донесся металлическое гроыхание опускавшегося лифта.

Они замерли и молча, не сговариваясь, принялись затушевывать сделанное, возвращая своему мрачному убежищу тесноту и жар, вырывавшийся из глубин вулкана.

За работу принялись, когда напоминавший механическую куклу робот увез опустевшие тарелки и стаканы из-под компота.

Дети долго ждали тишины. Когда в туннеле стихли шаги и раздался скрип поднимаемого лифта, они вновь бросились к выскобленному и расширенному углублению и принялись энергично, с помощью мысли скоблить стену.

* * *

...скоро их убежище наполнила какофония скрипучих и режущих уши звуков. Звучащие болезненные комки, раздражающим шумом забивавшие потусторонний – сказочный! – мир, начали рассеиваться, распадаться, подстраиваться один к другому, обретая некий потаенный, но пока недоступный, смысл. Затем в этом звуковом скопище прорезались голосовые сочетания человеческой речи.

До них долетело:

«...как вы там?»

– Это Том! – обрадовался Урик. – Он спрашивает?!

Дети, торопясь и пытаясь унять радость, начали отвечать наперебой, пока Лика, стукнув Урика по голове, не организовала ментальное сочетание контактеров, называемое метаконцертом, состоящим из двух чистых, прозрачных ангельских голосков.

Речь сфокусировалась – стала чище, громче.

Том радостно закричал.

«...слышу, слышу!»

«...слышим, слышим!» – восторженно закричали Лика и Урик.

Голоса зазвучали более модулировано, явственно, без вибраций.

Томасу – там, снаружи – тоже кто-то помогал, и в этой голосовой связке прорезался горячий призыв.

«...вообразите темное небо. Повторяю, темное небо! Прямо увидите Сатурн. Держите направление на Сатурн! Держите направление на Хронократор! Прорывайтесь в его сторону – он укажет путь в «чернонижье».

* * *

Их ментальные профили вырвались из плена, когда на Лукоморье наступил вечер. Детские тела по-прежнему томились в заточении, но мысленное попадание, возможность ментального общения с друзьями уже была великим счастьем. Они узрели Томаса, Василь Василича, инопланетянина, береговую песчаную полосу самого синего моря, громадную Рыбину-Кита, избу старика и старухи. Из деревни к избе сбегались мужики. Со стороны могучего дуба, отцепив золотую цепь, примчался Лапсик и принялся прыгать как бешеный.

Когда все успокоились, собрали совет.

Мнений было много, но все больше мрачных и безнадежных.

...на Лукоморье надвигалась беда!

Угроза подступала не только со стороны моря, но и со стороны колыхающихся хлябей подземных.

Раньше о таком даже не слыхивали!

Другой раз из глубин земных просачивались бесы и порождения ада. Их душили еще на выходе, а теперь под земной толщей скапливалось неисчислимое воинство адских созданий.

Пробудились абасы и бичура, мечтающие сократить род людской; проснулись демоны смерти «бухар додары», ожили обитатели изнанки мира рарруги и игвы – злобные духи, рожденные из частей разорванного Ата Улана; обрели силу духи-оборотни, полезли на свет кошмарные воины-фоморы и тролли, за ними прочие подземные ублюдки, навечно запечатанные в Тартаре. Их имен у нас никто не ведал. Очнулись от летаргической спячки драконы.

У светлой силы тоже были свои драконы. Князем у них являлся Змей Огненный волк, но тот сейчас находился на планете Мауна-Кеа. Это очень далеко, так что рассчитывать на подспорье не приходилось.

...на этот раз дело шло не о мелочах. Не о сорванном цветке папоротника или Алатырь-камне, не о дерзкой попытке выкрасть эликсир бессмертия, а о попытке овладеть всем «чернокнижьем».

Речь о том, что на этот раз нечистая сила решила устроить шабаш на всех территориях планеты. Безбожное отродье посягнуло навязать свою волю всякому разумному существу, пешему и конному, всякому зверью в лесу и степи, птицам в небе, рыбам в море-океане.

Орды, когда-то загнанные в подземелья, теперь, ощутив прихлынувшую мощь, обещанную Очаговым, попытались взять светлый мир в клещи – как со стороны моря, так и со стороны адских глубин. Если адскому воинству повезет смять защитников острова Буян, тут же всякие твари подземные без чести, без совести расползутся по земле. На них заклятий не напасешься, а на заговоры, ментальные запреты, IT-протоколы и прочие виртуальные профили они плевать хотели. Дай им волю, они интернет подомнут, в котором и так творится что-то запредельно бездумно-пошлое и бесстыдно безграмотное. В интернете теперь пишут все, что раньше писали на заборах или в туалетах. Выкладывают все, о чем вслух сказать стыдятся.

...первым делом решили разобраться, кто мог взбудоражить пасынков бездны?

Василь Васильевич грешил на Очагова как на источник беды, однако Облако как эксперт по инопланетным технологиям разъяснило присутствующим, что подобный метаморфоз для модифицированного живого исключен. Нет у Очагова для этого нейронного потенциала! Его профиль смонтированный по лекалам, сосчитан «от» и «до», что не позволял искусственно созданному бибриону проявлять характер.

Словами бросаться – это да! Соблазнять доверчивых – сколько угодно, а вот самому ручками пошевелить – это для него табу.

Решение этого вопроса решили оставить на потом, потому что злая сила подступала, и с минуты на минуту мог начаться бой.

Беда в том, что своих бойцов у хранителей на тот момент было немного – небольшие конные отряды сильномогучих богатырей и рыцарей, несколько сотен нартовской пехоты, рота крестьянских и солдатских сыновей, толпа гномов, малочисленное скопище эльфов, за которым прятались нимфы, дриады и сальфиды. На помощь защитникам острова уже устремились валькирии, отправились в путь шаманы и знахари, индейские гуру, но когда они прибедут.

...еще грибы, ведомые Оладием Потяичем, который всем грибам начальник.

Какое подспорье от грибов? Разве что ноги и лапы чудовищам заплетут? Невелика подмога.

Остров сам невелик – размером с тридцатое царство. Это место считается святым. Здесь таится запечатанный предками вход в подземные убежища Тартара. Теперь оттуда отчетливо доносился гул. Исходил он из недр Йеллоустонской огнедышащей горы. На беду, другие вулканы тоже начали просыпаться, поддакивать.

Когда совсем стемнело, Василь Василич поднял указательный палец.

– Радуйтесь! – воскликнул он. – Том связался с Ленкиными детьми. Те сигнализируют, пакость подземная скоро будет здесь. Со своей стороны даю клятву – рад погибнуть за общечеловеческие интересы, чего и вам желаю.

Кот ученый упрекнул его.

– Тебе, лесной житель, погибнуть в радость Ты вон сколько лет ждал прощения и смерти, а нам как быть? Мне, например, еще столько сказок надо рассказывать детям, что тошно становится. Пяти веков не хватит, а ты о радостях славной смерти размечтался.

– Ты, кошка, говори говори да не заговаривайся. Теперь не до личных интересов. Теперь не время отрицать очевидное! Не время щелкать пером. Настало время вздыбить глубины человеческого духа.

В эту минуту, суровый беспощадный ветер ударил по земной окраине.

Черное облако, поглощавшее звезды, вплотную подобралось к берегу.

– Мне пора! – деловито сообщило Облако. – Мой фронт на небесах. Попробую сразиться с грозовым мраком.

Он указал на сглотнувшую блеклый лунный месяц тучу. На глазах обретая формы летающего витязя, планетарный скаут оседлал свернутого из туманных струй коня. Облаченный в выпуклый панцирь, на голове шлем-морион¹, вундербот с места

---

¹ Шлем испанских конкистадоров

воспарил над землей и, увеличиваясь в размерах, с громадным лазерным копьём наперевес, бросился в сторону тучи.

Внезапно остров потряс громоподобный удар.

Зашатался вековой дуб. Едва успел ухватиться ветвями за купол небесный, иначе рухнуло бы свято-дерево на наши ряды, тогда все наше войско провалилось бы в подземные огненные реки.

* * *

Войско защитников Буяна развернулось двумя фалангами против гадов земных и против чудищ небесных.

Первыми из земных провалов на нас клином двинулись великаны, ведомые злобными, засидевшимися в подземных темницах титанами. Впереди верхом на огнедышащем драконе выступал гигантский циклоп, которого еще сам Одиссей когда-то загнал в нижние миры-ущелья.

Видно, бичура уверились, что их время пришло. А может, кто-то подсказал?

Если не Очагов, то кто?

Кто шепнул этой мрази – сейчас самый момент, пока боги еще как дети. Когда повзрослеют, будет поздно. Дерзайте, воины ада, – расправьтесь с людишками, напьяльте на них хомуты, заставьте трудиться на себя.

Пришло время взять свое!

Сверху из грозового облака на наши ряды внезапно обрушился несметный рой саранчи. Твари облепили инопланетного витязя. Тот одним могучим электрическим зарядом стряхнул с себя эту мошкату и нанес лазерным копьём удар в самое сердце тучи.

Там что-то трагически ойкнуло, чернота завибрировала и начала распадаться.

Глава 6

Я, запертый в подземной лаборатории Гиллеспи, неотрывно наблюдал на виртуальном экране за разворачивающимся сражением. До меня приглушенно, с вибрациями долетали отзвуки битвы. Видимость была замечательная, резкость и передача цветов потрясающая – видно, Облако постаралось.

Неожиданно в дверь забарабанили.

Я убрал звук, задернул шторкой виртуальную трансляцию и открыл дверь.

В комнату вбежал Гиллеспи и, потрясая кулаками, бросился ко мне.

– Что происходит в Йеллоустоне? – закричал он.

Я не успел ответить, как старик, внезапно успокоившись, почти вплотную подступил ко мне и зловеще предупредил.

– Я не люблю, когда партнер нарушает свои обещания? Где твоя жена? Ты обещал доставить ее на ранчо в самый ближайший срок. Я не потерплю мошенничества с этим дурацким браслетом. Если ты сам не можешь снять его, мои люди снимут вместе с кожей.

– Елена здесь.

– Где здесь?

Гиллеспи оглядел мою комнату.

– Шутишь?!

– Нет.

– Где же она?

Я подошел к стене и отодвинул шторку с панорамой битвы.

Старик медленно, не глядя, опустился на стул, стоявший спинкой к стене, и с откровенным недоумением принялся разглядывать картину сражения.

Перед ним открылось Лукоморье – дуб до небес, Чудо-юдо Рыба-кит, которое ударами хвоста отгоняло прущие на берег орды демонов-фоморов, слуг царя морской бездны. С флангов их прикрывали скопища невиданных и отвратительных морских гадов, напоминавших осьминогов, в неисчислимом количестве выползавших на берег.

Фаланга крестьянских и солдатских сыновей, вооруженных волшебными гребнями, чудесными зеркальцами, заветными платочками, шнурками и нательными крестиками, растянувшись сделали шаг назад.

Даже герои-нарты дрогнули.

...с тыла защитников острова атаковали полчища подземных тварей.

Разгромленные сильномогучими богатырями и рыцарями Круглого стола великаны разбежались. Отрезанная голова циклопа взывала о милосердии, дракон, тащивший его на бой обернулся маленькой змейкой и забился под избу старика и старухи.

Теперь подземных ублюдков сменили отряды злобных слуа. Это мертвое воинство демона смерти Бухар Додара вела в бой небезызвестная Кали Бари – ведьма-людоедка, много крови попортившая хранителям, а также силам огня, воды, ветра и земли, прежде чем ее удалось загнать в подземелья Йеллоустона.

...подступало страшное!

За уродливыми слуа из-под земли внезапно выкатился энергетический, бесформенный монстр, в который в единый клубок свились злые силы.

Это дьявольское порождение зла являло собой совершенный, отлаженный микрокосм. Все в этом исчадии ада было упорядочено, все притерто, все подогнано и свинчено без каких-либо вероятностных люфтов. Эта слизь могла вместить любое материальное тело – обволочь его, растворить.

Гиллесли, вцепившись руками в спинку стула, неотрывно разглядывал картину разворачивающегося сражения, в котором чем дальше, тем яснее вырисовывалось превосходство нечистой силы. Он даже не удержался от подбадривающего выкрика:

– Go! Go! – потом повернулся ко мне. – Так вот какие силы вы прятали под Йеллоустоном?

– Мы не прятали! Мы держали их взаперти!

– С этими ребятами я столкнусь, – заявил он. – Не то что с твоими чистоплюями.

Я не ответил.

Напор вражьей силы был грозен и неотразим. Их все больше и больше выползло из подземных адских становищ.

...в этот момент раздался звук боевой трубы.

Из-под небес, из еще местами сохранившейся прозрачной звездной глубины к месту боя устремился одинокий всадник и длинным, блистающим мечом рубанул войско выбравшихся из земных бездн демонов. Затем, развернувшись, ударил по выползавшим из моря чудовищам-кракенам.

Вопль ужаса пронесся над островом, прокатился по морю-океану. Потрясенно сжалась черная грозовая туча, замерли надвигавшиеся на защитников острова из глубин Тартара омерзительные существа.

...я сразу узнал ее.

Это была Елена, добравшаяся наконец до родового гнездовья. Сзади я разглядел смутный силуэт Быстролетного, доставившего ее на родную землю.

Они успели вовремя.

Ожившая вселенская сила, бросившаяся на подмогу хранителям, сломала дух врагов, лишила их надежды выбраться на святую землю, чтобы вволю поубивать, обмануть, заманить в подземные узилища моих братьев-землян.

В мгновение ока до невероятных размеров расширился вставший на сторону местных антропов инопланетный гость. Планетарный скаут VII класса проткнул копьем ближайшее, заметно ослабевшее пятно черноты, затем выхватил меч и рубанул с размахом от плеча на всю ширь клинка.

* * *

Гиллесли был потрясен.

Его лицо покрылось бледностью, дрожь сотрясала подбородок, однако уверенности в себе и веру в силу денег он не потерял. Старик направился к двери. Попробовал открыть, однако замок не поддавался. Он подергал сильнее. Все было напрасно.

Старик повернулся ко мне.

– Твоя работа?

Я кивнул.

– Открой, иначе...

Я отрицательно покачал головой и предупредил.

– У меня хватит сил, чтобы удержать дверь запертой. Ваши сотрудники вряд ли смогут открыть ее. Дождемся Елены, Василь Василича, Альфреда-Еско фон Шееля, Оладия Потяича, инопланетного гостя – они вынесут приговор.

– За что?

– За убийство старшего брата Альфреда, погибшего от рака, за похищение моих детей, за нарушение клятвы, данной от имени Миркона инопланетному гостю.

Старик засмеялся.

– И какой намечается приговор?

– Я буду голосовать за смертную казнь.

– Сурово. Только я не считаю ваш суд правомочным.

– Этого не требуется. Для того чтобы солнцу вставать, луне светить, привидениям бродить по замкам, мойрам отправлять правосудие, добру торжествовать а злу быть наказанным, никаких судебных решений не требуется. Чтоб другим неповадно было

– А что же Очагов?

Я повернулся к виртуальному экрану, на котором полчища грибов во главе с главным боровиком, всем грибам начальником, – штурмом пытались одолеть входную дверь на вознесенной на ель таинственной избе возле ручья Sub Creek, впадавшем в Йеллоустонское озеро. Сзади грибы подпирали лесные цветы и травы, за ними толпились звери, фавны и сатиры, нимфы и дриады, среди которых были видны лешие и кошачьего лика домовые. Сверху преграду атаковали божественные ветры голубых просторов Эол, Борей и Эвр.

Рядом заливались на кифарах и флейтах музыки Полигимния и Евтерпа.

Когда дверь рухнула, из темного провала ударила автоматная очередь, которой Очагов встретил непрошенных гостей.

...ракурс изменился. Стало видно, как перепуганный до смерти биоробот бросился к люку, ведущему в подземные туннели под вулканом, открыл его и прыгнул вниз.

За ним грибы, за ними свора медведей и леших и все прочее ожившее из легенд воинство.

...в тускло подсвеченных подземных пещерах было видно, с какой стремительностью спасал свою жизнь отказавшийся от человеческого общежития, презиравший его Сергей Очагов, возмнивший себя Ев-гением. Неожиданно он свернул в узкое ответвление и, повернувшись, истошно закричал.

– Не подходите! Я их всех уложу!!

Преследователи отпрянули. Из передних рядов вышла облаченная в невиданные на земле доспехи фигура с алмазной маской на лице.

...я почему-то сразу уверился в том, что это была Елена. Отсвечивающий серебристым светом, непробиваемый боевой покров идеально сидел на ней. Доспех напоминал сплошной наряд, облегающий тело.

Я знал это тело.

Я знал ее всю, ее историю, произошедшую с ней на планете Земля. Вероятно, эти латы Елене подарили жители планеты Мауна-Кена, попавшие под власть взбесившегося артефакта древних эпох, созданного во времена первой волны цивилизаций. Ей удалось усмирить всемогущую диковинку. Теперь жители далекой экзотической планеты хранили сосуд желаний – по-нашему лампу Аладдина – в музее, из которого вырваться могучему духу древних эпох было невозможно.

...эти образы в несколько мгновений промелькнули на экране и оказались доступными только мне.

Старик уже не мог скрыть растерянность. Он неотрывно вглядывался в изображение, когда оно покрылось рябью, в которой я прочитал послы, брошенный мне Ленкой, вмиг одряхлевший старик попытался отыскать ручку, с помощью которой можно было подправить настройку. Пальцы у него дрожали. Не найдя клавиши, он растерянно глянул на меня.

...внезапно изображение восстановилось. На экране стал виден туннель, по которому в подземные недра, лежавшие ниже озерного дна, убегало двурукое и двуногое существо.

Его никто не преследовал.

Все – особенно грибы – робели спуститься ниже и встретиться с грозными и беспощадными игвами и рарругами.

...очень скоро донесся протяжный ужасный вопль. Это кричал Очагов, на горле которого сомкнулись зубы подземных хищников.

В следующее мгновение осыпалась каменная горка, запиравшая вход в подземную темницу. Дети выскочили на волю и бросились к матери.

* * *

– Да-а, неплохая анимашка.

Старик, стараясь сохранить присутствие духа, прокомментировал виртуальное действие.

В этот момент за дверью раздались возгласы, крики, призывающие хозяина откликнуться.

– Спасибо за показ, – попрощался старик. – Я пошел. А ты останешься здесь и будешь со страхом ожидать наказания, которое ты заслужил.

– Попробуйте, – предложил я.

Крики внезапно стихли. В коридоре воцарилась тревожная, обещающая ужас тишина. Затем с той стороны щелкнул замок, дверь растворилась, и в комнату вошел Василь Василич. Был он в изначальном своем виде: кривые, обросшие седой шерстью ноги с копытами, чрезвычайно волосатая грудь, на голове рожки, едва выступавшие из-за ушей. Следом за ним в комнату ввалилась толпа грибов во главе, с Оладием Потяичем. За грибами – Альфред фон Шеель, компанию ему составил инопланетянин и обретшая земную плоть Елена Прекрасная.

На голове у нее был венок из васильков, простенькое платье в тон полевым цветкам. Шла она на босу ногу. Детям она не позволила войти в комнату. На пороге попрощалась – со всеми тремя.

– Вы еще маленькие, – шепнула она, – подождите наверху.

Последним вошел галактический попечитель в своем затрапезном стариковском наряде, с крупной залысиной до макушки, с порозовевшими от лопнувших кровеносных сосудов щечками. Он был в телогрейке, потертых джинсах, валенках. Следом за ним Алан Палмер.

Гиллеспи гордо уселся на стул спиной к виртуальному монитору и, ткнув указательным пальцем в Палмера, заявил.

– Не принимаю! Ваш суд не принимаю!!

Галактический попечитель с молчаливо-ласковым лицом вышел вперед, приблизился стулу, на котором устроился Гиллеспи и, опершись на посох, доброжелательно произнес.

– Это ничего не меняет. Ваши поступки дисквалифицированы. Они подпадают под статьи преступлений против вечности, против вселенских законов, против акта творения, так что наказания не избежать. Вы посягнули...

Он сделал паузу и, обернувшись стареньким динозавром со спекшимся за века – сколько их было! – седым хохолком на вытянутой змиеобразной голове, закончил.

– ...вы обвиняетесь в циничном и неподлежащим амнистии нарушении установленных всемирной созидающей сетью норм. Наказание будет жестоким. Вам будет о чем подумать после обрыва телесной жизни. Ваши соратники будут извещены о мере наказания присутствующим здесь полномочным представителем трехсторонней комиссии господином Палмером.

– Пытать будете? – не без насмешки поинтересовался Гиллеспи.

– Зачем? – ответил попечитель. – Ваше казнь будет куда более ужаснее, чем вы можете себе представить.

– А не пора ли прекратить разыгрывать комедию? Вы находитесь на моей частной собственности, на территории, вам не подвластной.

На территории моей собственной страны. Я являюсь гражданином этой страны, и ваши угрозы на меня не распространяются.

– Распространяются! – заверил его попечитель. – Исполнителем назначен Михаил. Он уже готов, а мы удаляемся. Честь имею!

Вся компания в том же порядке, как вошла в комнату, так и оставила ее.

Мы оказались вдвоем.

Гиллеспи вскочил, бросился к двери. В этот момент в комнату вошел Карпович с подносом, прикрытым белой салфеткой.

– Что это, – с нескрываемым отвращением поморщился старик.

– Ваш эликсир, – объяснил я, потом обратился к Карповичу. – Поставь на стол.

Карпович молча повиновался.

Я сдернул салфетку.

На подносе стояла маленькая фигуристая бутылочка, рядом бокал.

Гиллеспи с натугой рассеялся.

– Это самое страшное наказание, которое могли выдумать самозванные обвинители? Или шуты? Или нанятые актеры?..

– Это не шуты и не актеры. Среди них представитель галактического синклита.

– Вон куда меня занесло! – надрывно восхитился старик. – В какие космические дали. Грешил вроде на Земле, а под суд попал на Млечном пути. В бутылочке, надеюсь, эликсир бессмертия?

– Именно, – заверил я его. – В бутылочке тот состав, разработанный вашими умельцами, от которого никто не выживает. Ими также пользуются секретные службы. Правда, в состав кое-что добавлено. Волшебное... Так что после, как вы окажетесь в мире ином, у вас будут долгие тысячелетия, чтобы поразмышлять о том, что такое хорошо и что такое плохо.

Гиллеспи оказался умнее, чем мог подумать. Он сразу сообразил, о каком бессмертии идет речь

Он попробовал вызвать у меня сочувствие.

– Но ваши дети выжили?

– Да, потому что они боги. Точнее, скоро станут богами, а вы, господин Гиллеспи, всего-навсего человек, причем озабоченный низменными страстями, чтобы все вокруг было по-вашему. Вы замахнулись на то, в чем человеку отказано – на бессмертие, и это полбеды. Каждый может мечтать о жизни без конца, но нельзя во имя этой цели совершать преступные деяния. Вы даже собственного внука не пожалели, заявив, что это «вынужденная необходимость».

В вашем утверждении нет ни философии, ни политики, только ненасытная гордыня. Ваша старомодная, империалистическая мораль отжила свое, поэтому ваше пребывание в лучшем из миров нежелательно. Так решил земной синклит и его смотрящий, инопланетный гость, вернотруженик, планетарный скаут VII класса по имени Вдумчиво-зоркий.

– Я решительно отказываюсь пить эту гадость! – заявил миллиардер, потом в духе всевластия, срываясь в диктаторскую нелогичность, добавил. – У меня достанет средств, чтобы отыскать противоядие. Я найму сотню самых лучших профессоров. Я найму адвокатов. Я вас сгною в самой страшной тюрьме. Всех – без исключения, в том числе и этих... грибов-придурков в компании с котами и космическими красотками.

– Я готов вам помочь, и сам налью в чашку эту гадость. Это все, чем я мог бы помочь вам. Когда будете пить, вспомните о бароне Питере фон Шееле, которому вы подсунули отравленное питье, о моих детях, которых вы недрогнувшей рукой заразили смертельной болезнью. Вспомните о тех – их миллионы, – кого вы лишили грядущего. Вы выбраковали их из будущего Земли. Полагаете, это сойдет вам с рук?

Гиллеспи перебил меня.

– Я не буду пить эту гадость!

– Придется вам помочь. Карпович, начинай.

Миллиардер вскочил.

– И ты, Дональд?

– Мне хорошо заплатили, сэр.

– Я заплачу больше!

– Сколько?

– Миллиона хватит?

– Два миллиона.

Старик достал чековую книжку и вписал нужную сумму.

Карпович с ловкостью крокодила схватил бумажку и спрятал.

– Вы, господин Гиллеспи, могли сделать это раньше, так что выпить все равно придется.

Гиллеспи изменился в лице.

– Вопросов ко мне быть не надо, – осадил его Карпович. – Кроме того, я подписал контракт, а контракты, как вы утверждаете, это святое.

– Мы же с тобой родственники!!

– Не гони волну, Джеффри! Какие могут быть родственные узы между старшим и младшим партнером. Старик, не вынуждай меня применять силу. Я подписал контракт, этим все сказано. Возьми хотя бы это пойло на попробовать. Это вынужденная необходимость.

Он взял старика под мышки и подвел к столу. Поднял чашку и заставил отхлебнуть глоток.

Старик поперхнулся, потом едва слышно прохрипел.

– Помогите-е-е...

– Заткни свой рот, старый баран. Долго мне тут с тобой возиться! Вспомни, как ты позволял этой суке Беларозе вытворять со мной все, что ей вздумается, а теперь взываешь – родственник!

Гиллеспи захлебываясь и мотая головой выпил пойло. Карпович отпустил старика. Тот захлебываясь бросился в коридор.

Я обратился к Дональду.

– Ну что, Данилка. Получил свои деньги? Теперь не пропадешь?
– Ой, не делайте мне нервы, Миша! Какие деньги? Эти деньги хороши в Одессе, здесь это не деньги, а грóши.
Уже выходя, он поинтересовался.
– Тебе не кажется, что сейчас самый момент валить отсюда?
– Куда? – я успокоил его. – Опухоль будет мучить его в течение нескольких месяцев. Может, быстрее, и все это время он будет думать только о том, где найти противоядие? Может, ты тоже хочешь попробовать? Там еще капля осталась.
Карпович отрицательно помотал головой.
– Тогда не психуй.

Эпилог

За те несколько месяцев, которые были отпущены господину Гиллеспи, он развил бурную деятельность и не только в поисках средства, исцеляющего от обещанной кары, но и в привлечении общественного мнения к проискам инопланетян, поставивших цель поработить нашу планету.

В дело пошли все – и беспардонно фейковые сообщения о НЛО, и бред о нашествии монстров из вулканической кальдеры Йеллоустона. В качестве свидетеля он попытался привлечь Дональда Карповича, однако тот успел вовремя скрыться.

Пытаясь справиться с паникой, Гиллеспи заговорил о таких вещах, о которых не стоило упоминать – например о том, что сильные мира сего откровенно спелись с инопланетными агрессорами, и все неопознанные летающие объекты несут гибель человечеству.

Гиллеспи устраивал круглые столы на телеэкранах, в которых с радостью принимали участие приверженцы уфологии, знатоки аномальных зон, свидетели и участники встреч с призраками из потустороннего мира, «жертвы» межзвездных агрессоров, над которыми непрощенные гости без зазрения совести ставили опыты по деторождению.

На этих встречах и в бесконечных интервью Гиллеспи рассказывал жуткие истории о вмешательстве космических злопыхателей и мародеров в наши внутренние дела. Однажды, совершенно потеряв голову, Гиллеспи выдвинул себя в президенты Соединенных Штатов, утверждая, что только он способен прекратить эту инопланетную вакханалию.

У него нашлось много последователей, так что в многосторонней комиссии с участием иллюминатов, Бильдербергского клуба и комитета трехсот, решили, что такого рода заявления способны лишь скомпрометировать глобальные цели элиты по утверждению общечеловеческих ценностей и внести разлад в уже согласованную точку зрения на пребывание инопланетного гостя на территориях Земли.

Рушить достигнутый консенсус ради какого-то, даже очень влиятельного миллиардера показалось дурно пахнущее авантюрой, тем более что Алан Палмер в частных беседах объяснял подобную неумную страсть большим воображением умиравшего человека. Палмер утверждал, что Гиллеспи сошел с ума и ударился в недостойные для серьезного деятеля фантазии.

Он решил стать бессмертным!

При этих словах собеседники известного коллекционера не могли скрыть улыбки. Некоторые даже позволяли себе пошутить и, как ни странно, у многих влиятельных людей из олигархата эта мания вызывала затаенную зависть и, более того, мечту, ведь другого средства выжить в этом обезумевшем, того и гляди, сорвавшемся в бездну мире не было.

Гиллеспи сгорел в несколько месяцев. Похоронили его на ранчо. Провожающих в последний путь было мало – Палмер и Томас, делегация хранителей и обслуживающий персонал. От Миркона был прислан анонимный венок. Удивительно, но среди гостей не было его домоправительницы Беларозы, которая надежно укрылась в Бразилии в штате Парана, неподалеку от города Сан-Паулу.

* * *

Мы с Ленкой старались не касаться этих постоянно муssiруемых, привлечших общественное внимание проблем.

Жена была на сносях, ждали девочку. Урик с Милоликой учились на отлично, не теряли связи с Томом, поселившимся у Палмера. С помощью granddad Алана ему удалось отбить претензии многочисленных претендентов на наследство Гиллеспи.

Единственный человек, которому Томас отвалил небольшую сумму, являлся Карпович.

Он и здесь поспел.

Сразу после смерти старикана Дональд вынырнул из укромного места, где прятался все эти месяцы и выцыганил вспомоществование на безбедную старость.

Деньги не принесли ему удачи.

...по какой причине Карповичу пришло в голову появиться в Одессе, объяснить не могу. Видно, хотел похвастаться перед прежними партнерами и, главное, перед тетей Хайей, кто есть кто в подлунном мире.

К сожалению, как только он появился в родном городе, ему сразу напомнили о том, кто здесь хозяин. Ему выставили предьяву насчет долгов и, когда Карпович начал напирать на то, что у него американский паспорт, его роскошную машину взорвали на трассе неподалеку от Поповского пляжа.

Вместе с хозяином.

Это происшествие также мало затронуло наш распорядок жизни.

...отдыхали мы в Волковойне, где ходили по грибы. В лесу дети выслушивали советы от Оладия Потяича – где какой гриб искать, как беречь грибницу, как приготовить лесную добычу с картошкой. В этих разговорах не было даже намека на сохранение природы, ведь уместней быть вкусно зажаренным или засоленным продуктом, чем бездарно сгнить в опавшей листве или быть съеденным противной мошкаркой.

...жили и радовались, пока однажды Ленка не проснулась с криком и в слезах.

Я, испугавшись, долго приводил ее в чувство, пока, наконец, бибирионка, упершись в меня бездонным взглядом, не выдала.

– Вчера в Бразилии домоправительница Гиллеспи разрешилась от бремени.

Я не сразу догадался, где Бразилия и кто такая эта домоправительница, потом, словно очнувшись, вздрогнул.

– Кто отец?

– А ты не догадываешься?

Я догадался.

Это было самое жуткое прозрение, которое когда-либо приходило ко мне.

Весь сон насмарку!

Теперь лежи, выдумывай, описывай – какую беду готовит планете этот новорожденный монстр? Я даже вслух не хотел произносить его имя. Казалось, с демоном всевластья покончено, но нет...

Не дождавшись ответа галактическая хранительница спросила.

– Что же делать?

– Ждать беды.